Новиков Александр Васильевич

Монах Ордена Феникса

16+

Александр Новиков

Монах Ордена феникса

«Автор»
2022

Новиков А. В.

Монах Ордена феникса / А. В. Новиков — «Автор», 2022

Это книга о приключении Альфонсо дэ Эстэда, святого монаха-еретика, который мечтал пройти через Лес и найти Волшебный город. Найдет ли он его? Спасет свой злополучный Великий континент? Если бы книга была написана в манере голливудского фильма, ее можно было бы и не читать - ответ и так был бы ясен, однако все не так просто... Все всегда не так просто...

© Новиков А. В., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Часть 1 5
1 7
2 11
3 22
4 32
5 39
6 47
7 59
8 65
9 75
10 80
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Александр Новиков
Монах Ордена феникса

Часть 1

Ай да и давно это было, во времена древние, лютые. Посмотрел Агафенон Великий на пустое, мрачное ничто: мрачен мир, пусто в нем, нет в нем ничего, и решил он создать Мир, чудес великих полный. И взял он тарелку со стола своего, и сотворил Землю из нее. Разлил он воду, вокруг тарелки – и разлились по около Земли окианы да моря, реки и озера. Но не хватало в нем чего то. Тогда создал Агафенон Великий травы да дерева, кусты и цветы всякие – раскрасился Мир красками небывалыми, а чтобы освещать сие убранство, зажег Агафенон Великий Солнце. Накрыл Землю Агафенон Великий Небом голубым. Но все равно пусто и мрачно было в этом Мире. И создал Агафенон Великий тварей разных, расселил по лесам, горам и рекам, а чтобы главенствовать над тварями – создал самую главную тварь – человека, и стал человек главенствовать на Земле, почитая Агафенона Великого да ухаживая за Землей. И возгласил Агафенон Великий:

– Да будет Вам полная власть на Миром, да будут Вам дерева в тепло, а животные и растения – в пищу, живите, где хотите, только одно место не смейте посещать – Ядро Земли, ибо сила там Земли сокрыта, простому люду неподвластная, в злое искушение вводящая.

И воскликнул люд людской:

– Ой да славься, Агафенон Великий во веки веков и правь всем Миром, не нужны нам силы, всего у нас предостаточно.

И сказал Агафенон Великий:

– Да будет так.

Но не весь люд благодел Господу искренне, утаил обиду на могущество один человек – Сарамон, не послушал он глас Господа, нашел он Ядро Земли прикоснулся к нему. И стал Сарамон черен помыслами своими, возыграло в нем тщеславие великое, воскликнул он тогда:

– И да стану я могущественным, сродни Агафенону Великому, и создам свой Мир, Мир черноты и злобы.

Восгневался Агафенон Великий лютым гневом:

– Как посмел, ты, прикоснуться к Ядру Земли. Услышь же гнев мой лютый.

И бил Агафенон Великий Сарамона молниями и громом, да только силен стал Сарамон, силу набрал сильную, и началась война страшная, война многоубийственная, Война Богов. Много людей пошло за Сарамоном, прельстившись силой могучей но много было и почитателей Агафенона Великого, и никто не мог победить в той битве Великой, и разделили тогда Боги Землю на две части. Создал тогда Сарамон пристанище демонов и ведьм, чудовищ и упырей разных, сокрыл все это за деревами большими, поселился в нем, назвал Лесом. Страшен был Лес для правоверных, отделились они от него Стеной Великой, дабы не проник Сарамон и демоны его в лоно царства Агафенона Великого. Стал тогда Сарамон солнце прятать за Тьмой Великой, да тучами Небо закрывать. Возопили люди православные:

– Ой еси, Агафенон Великий, славим тебя во веки веков, да только страшна Ночь лютая, мысли темные приносящая.

Услышал вопли правоверных Агафенон Великий, и создал Луну, дабы освещать Тьму Великую.

Ай да идет Битва великая, да по сей день, и тщится Сарамон власть захватить, да души, людские, пожрати, но не дремлют православные, ибо силен и могуч дух Господа нашего Агафенона Великого.

Великая Книга Богов,
часть первая – Битва Богов.
Эгибетуз,
дата написания не известна.

Ослик никогда не жаловался на свою судьбу, ибо думал, что так оно и должно быть. Всю свою долгую, ослиную жизнь он возил тележку, на которой была закреплена бочка с водой, и если бы кто-то сказал ему, что ослы не рождаются для этой работы, он не поверил бы, а возможно, подарил бы этому открывателю истины свой самый лучший удар задним, стоптанным и растрескавшимся копытом. Привычно скрипят колеса повозки, привычно опущена голова ослика, привычно шлепают обвислые уши по глазам, привычно натирает упряжь старые ослиные бока. Ослик видел еду – и ел, ослика били кнутом – и он шел, ослика тормозили вожжами – и он останавливался. Ослики должны жить по другому? Что за ересь?

Во времена смутные, грозные, ай да и вознамерилось войско Сарамоново учинить Битву последнюю, наслать чудовищ лютых на православных, сломать Стену Великую. И появляться начали чудовища, пожирати людей православных, и возопили люди:

– Ой ты гой еси Агафенон Великий, спаси нас от чудищ лютых.

И посмотрел Агафенон Великий на чудовищ войска Сарамонова, и подумал: надо что то делать. Внял Агафенон Великий просьбам людским, снизошел на Землю дух Благодатный, поселился он в чреве младенца – сына кузнеца Акиры дэ Эгента и швеи Марты дэ Эгента. И назвали они младенца Алеццо и растили в любови и радости, иногда даже гиперопекой баловали…

Сказ о жизни великого Алеццо дэ Эгента,
святого – основателя Ордена света
Часть 1 стих 1

1

Крестьянин сидел на жесткой, деревянной лавке и смотрел на ослиный зад, распугивающий мух грязным хвостом. Время от времени он вожжами посылал волну, стукая по заду осла кожаными ремнями, но на скорость последнего это не влияло, лишь менялась амплитуда движения хвоста, и животное делало рывок вперед, словно осел собрался побежать, но быстро устал. Ослик не хотел бежать, но он сделал вид, что попытался, и этого хватит. Однако крестьянин злорадно улыбался: сзади, в бочке, замаскированной под водовозку, сидели трое бедолаг, которые тихо и безбожно матерились, при каждом рывке слышны были гулкие удары частей тела о дерево, ругань, и даже, скрип зубов.

Солнце уже оторвалось от горизонта и поднималось все выше, обливая лучами поляну с прекрасными цветами слева от дороги, облако серой пыли сзади повозки, и серую громаду Стены справа.

– Здесь, – подумал крестьянин, нагнулся к оси переднего колеса, вынул стратегически важный болт, и переднее колесо поскакало по дороге, обгоняя телегу, потом покатилось, потом упало. Телега злобно скрипнула, и, пропахав оголенной деревянной осью борозду на коже гладкой, укатанной дороги, наклонилась вперед и замерла.

Сверху, со стены, послышался гогот дежуривших на Стене солдат, оттуда, как камни, полетели слова:

– Ты что же дед, так отожрался, что тебя телега не выдержала?!

– Беги за колесом, дед, быстрее, а то не догонишь.

Дед поспешно соскочил с покосившейся повозки: он ругался так громко и так виртуозно, что моментально привлек к себе публику, и все часовые Стены наблюдая за ним, громко смеялись, не видя при этом, как в бочке открылась маленькая дверка, и наружу выползли трое мужчин в черных куртках, повалились на землю, жадно вдыхая свежий воздух вперемешку с пылью и радуясь тверди земной. Порадовавшись немного, один из мужчин быстро посмотрел вверх, и убедившись, что на них никто не смотрит, плюнул в воздух слово «пошли», и быстрым шагом перебежал дорогу, внимательно поглядывая по сторонам.

– Смотрите под ноги, – бросил он своим спутникам, и тут же, споткнувшись, рухнул в траву, после чего послышался треск сломанных сухих стеблей, приглушенная ругань, в воздух взлетел небольшой рой ос. Идущих сзади мужчины обменялись взглядами, полными презрительного недоумения, синхронно, как на смотре, пожали мощными плечами, медленно и вальяжно спустились в траву.

От дороги до сплошной полосы деревьев, раскинулось цветочное поле – высокий ковёр из зелёной травы, раскрашенный яркими пятнами разномастных цветов, которые, казалось, соревнуются между собой в желании выделиться из тысяч таких же, как они ярких пятен. Ошалевшие от красок пчелы, носились от цветка к цветку, осыпанные пыльцой и трудолюбием, пели на разные голоса птицы, летали от куста к кусту со своими птичьими делами.

Первый из идущих мужчин вынырнул из пестрящего ковра, выплюнул нежные, трепещущие на ветерке лепесточки сирени изо рта, и быстрым шагом, граничащим с медленным бегом, побежал, увязая по пояс в красках. Добежав до деревьев, он ловко и быстро пролез в непролазную чащу кустарника, и, спрятавшись за деревьями, пытался отдышаться.

Здесь, у больших, раскидистых дубов, начинался лес.

Двое других были менее расторопны; они двигались медленно, и небрежно, почти прогулочным шагом, попытались продраться через кустарник и запутались в паутине тонких, но прочных и гибких веточек. Треск разрываемой ткани, стук падающих тел, ругань и проклятья, разорвали тишину, объясняя всему лесу, что его соизволил посетить человек. Первый пришед-

ший недовольно морщился: лес не любит шум и не накажет тебя за нарушение спокойствия только в том случае, если в тебе полтонны веса и шкура толщиной в два пальца.

– Поздравляю Вас, господа, дальше начинается лес, – это сказал тот мужчина, который призывал двух других к осторожности, личным примером показывая, что будет, если ею пренебрегать. Он скинул плащ, скомкал его в неправильной формы шар и куда то с ним пошел.

– Что ты делаешь, Альфонсо? – с подозрением спросил второй мужчина, глядя как Альфонсо что-то усердно раскапывает в листьях, – я надеюсь ты не станешь шутить с нами шутки?

– Шутки с вами будет шутить лес, – он выпрямился: в одной руке у него был коротенький арбалет, в другой – кинжал. Арбалет он закинул за спину, и тот там как то закрепился, кинжал поехал в ножны; следующим предметом в руках Альфонсо оказался колчан с маленькими, коротенькими стрелами, который был закреплен рядом с арбалетом с помощью ремня. Он резко и быстро выхватил кинжал из ножен, засунул его обратно, выхватил арбалет, прицелился, моментально закинул его за спину, попрыгал, и вдруг упал на землю сначала на живот, потом перевернулся на спину. Вскочив на ноги, Альфонсо что –то поправил, снова попрыгал, и успокоился.

Двое остальных пришельцев оторопело посмотрели на эти упражнения, затем нехотя, скинули плащи: все они были одеты в черные, кожаные штаны, белую, заправленную в пояс рубаху и черные кожаные куртки. На ногах блестели начищенные салом черные, высокие сапоги. Прекрасное одеяние, чтобы порадовать летнее, жаркое солнышко.

Альфонсо недовольно посмотрел на них; «черный отряд”– мысленно назвал он их, поскольку уже забыл, как кого зовут.

– Проверьте оружие. Барзигер, ты что приволок? – сказал Альфонсо одному из мужчин, взглядом показывая на меч, который тот извлек из ножен, радужно сверкающий на солнце искристыми бликами. – Зачем ты припер эту кочергу? Что я сказал взять?

– Я Зигербар. И я никогда не расстаюсь со своим мечом. Это мой талисман: много сотен голов срубил он, одним ударом. Ему не страшны любые хищники.

– Какие к черту хищники? Ты в чаще леса им даже размахнуться не сможешь, он у тебя в ветках застрянет.

Зигербар смотрел на него молча, исподлобья, и взгляд этот не понравился Альфонсо. Впрочем, в этом походе ему не нравилось абсолютно все; мысленно, он уже похоронил этих двух самоуверенных бедолаг, причем они даже до хищников не дойдут.

– Как хочешь. Смотри только не подари свой меч какому нибудь дереву. Все, пошли.

–Значит так. – Альфонсо сделал театральную паузу, потому что ему казалось, что так он придает больше веса сказанному дальше, хотя на самом деле эта пауза только раздражала слушателей. – Наша задача – добраться до зарослей шиповника, на той стороне луга. Я пойду первый, вы наступаете туда, и только туда, куда наступал я. Я замираю, вы замираете. Дыхание сдержанное, лучше вообще не дышать, глазами не шевелить. Не двигайтесь ни в коем случае, пока я не разрешу. Ясно?

Ответом ему было молчание, громко кричащее Альфонсо, о том, что ничего им не ясно. Это явно были два опытных воина побывавшие во множестве битв, поэтому пересечь луг с травой им казалось простой задачей, а опасности леса сильно преувеличенными. Лес такого к себе отношения не прощал.

– Ясно тебе, Пукеррог?

– Я Цукердрог.

«Кто вам имена раздавал?» горестно подумал Альфонсо. Последний раз он осмотрел своих горе попутчиков, словно хотел запомнить их напоследок, и аккуратненько шагнул в траву.

Шел он очень медленно и осторожно, внимательно прислушиваясь и разглядывая те травинки, что выбивались из общего ритма движения, который диктовал ветер – безобидный с

виду луг с сочной травой по пояс и разноцветными пятнышками цветов, был на самом деле поселением сотен земляных змей, зубастых и очень прыгучих. Уникальность этих рептилий была в том, что они, выпрыгивая из травы, впивались в шею (по крайней мере пытались попасть именно туда) стараясь вырвать кусок мяса побольше, и отваливались обратно в траву, глотая целиком все, что урвали и нападая снова. Различить их в траве было очень сложно. Но можно.

Прошли они не много, конкретно- два с половиной шага, когда Альфонсо услышал звук царапающей землю змеиной кожи, сравнимый, по ощущениям, со звуком лопающихся нервов, и остановился. Он остановился, двое остальных-нет и под разрушающий надежду спокойно пересечь луг грохот сапог– один из его спутников чуть не врезался в Альфонсо, второй – в первого. Альфонсо замер неподвижно, не моргая, не вращая глазами; как стоят его спутники с извращенными именами, он мог только догадываться, так как не видел их, но судя по тяжелому дыханию и скрипу кожи – стояли они плохо. Тем более, они не видели в поле травы ничего опасного, и не знали, чего они стоят. Змея, услышав шорох, ползла на них; приближалась к Альфонсо двухметровая борозда из шевелящейся травы.

Она вынырнула из травы прямо у его ног, большая, с ладонь взрослого мужчины, голова, с маленькими, черными глазками и розовым, раздвоенным языком, сладко и лениво зевнула, обнажив великолепные, острые, как ножи, зубы, лизнула сапог-не живой-пошуршала дальше, изгибая зелёное, полосатое в зигзаг тело.

«Здоровая какая. Ее шкура стоит огромных денег –подумал Альфонсо, глядя, как огромные деньги уползают к его спутникам. Там в траве, в засаде, ждут своего часа с пяток змей поменьше, Альфонсо это знал, но вот знали ли его спутники?

Змеи были глупыми созданиями, которые бросались и на кинутую палку, превращая её в щепки, видели только движущиеся предметы, слышали только в радиусе метра, прыгали, иногда, вообще не понятно куда, но их было много и они были ужасно злые и голодные. Всегда.

Сзади раздался звон меча и скрип кожи, следом за этими звуками резанул ухо крик.

– Хорошо, что я деньги вперед взял, – подумал Альфонсо, и услышал леденящий кровь вопль – одна из змей впилась одному из спутников куда то (целились змеи в горло, но попадали куда надо редко), и, скорее всего, вырвала из него кусок мяса. Теперь полосы пригнутой травы скользили мимо Альфонсо и вопль сзади стал нечеловеческим: мимо него, чудом не задев, пробежал Зигербар, облепленный змеями, словно волосами с толстенными волосинками, от которых он безуспешно пытался отбиться. Кровь вырывалась из него впечатляющими брызгами, взлетала вверх фонтанами, когда на него прыгали все новые и новые рептилии, руки, очень быстро лишившиеся кожи и части мяса, сверкали на солнце обнаженными участками желтой кости, глаза с бешено вытаращенными зрачками, контрастно белели на окровавленном лице. Зигербар отчаянно махал своим большим мечом, и время от времени в стороны разлетались разрубленные змеи, но в какой то момент вопль его сменился хрипом, он упал, и пропал в траве, накрытый сверху зеленым клубком извивающихся змеиных тел, из которого периодически взлетали вверх небольшие косточки.

– Боже, – еле слышно донес ветерок слова Цукердрога.

Луг снова превратился в спокойное, изумрудное травяное море, только теперь с большим пятном окровавленной травы – змеи разобрали горемыку полностью, пропали даже кости. Альфонсо долго смотрел вокруг и приглядывался; по лугу полз череп без нижней челюсти-одна из змей застряла в глазнице, и волочила его по кустам, пока не вылетела и не спряталась в нору. Путники стояли молча, долго в их жизни ничего не происходило. Зато на этот раз Цукердрог стоял идеально – он даже дышать перестал от ужаса.

«Сейчас опять проблемы начнутся, – подумал Альфонсо, – теперь он от страха пошевелиться не сможет. Беда с этими туристами: то не остановишь, то с места не сдвинешь».

Наконец очень медленно он пошел дальше – носком сапога он с силой нажимал на землю, прежде чем сделать следующий шаг – не хватало еще провалиться в змеиную нору. Зигербар,

в приступе паники, побежал прямо, чем заслужил посмертное проклятие, ведь это значит, что где то впереди, как раз на их пути, место, кишащее злобными змеями, которые его переваривают, и его нужно обходить, причем обходить далеко. Мог бы и подальше в сторону убежать, хоть увёл бы змей – сделал бы доброе дело напоследок.

Дальше шли долго и медленно, постоянно останавливаясь, осматриваясь, замирая на месте. Первым из травы вышел Альфонсо, долго отряхивал штаны от налипшего репейника, вытаскивал из головы неизвестно как туда попавшие травинки, затем, на трясущихся от напряжения и страха ногах вылез Цукердрог , в изнеможении рухнул на землю.

Чего это ты уселся, как на пикнике? – удивленно спросил Альфонсо.

– Ты что, не видел, что случилось с Зигербаром? Его на куски порвали! Боже, как он кричал…

Ну да, орал как оглашенный. Мог бы сдохнуть тихо, а то его, наверное на Стене услышали.

Цукердрог остолбенел. Он поднялся на ноги-медленно, постепенно меняясь в лице, трясущимися руками пытаясь нащупать рукоять меча.

–Тварь!! – вдруг заорал он, – это ты, ты нас сюда завёл!!! Ты хочешь меня убить, скотина…

Дальше он матерился, время от времени задыхаясь, переходя на рык, двинулся было на Альфонсо с кулаками, так и не достав оружие, передумал, облокотился на дерево (к счастью, не липкое), пытаясь отдышаться. Альфонсо наблюдал за истерикой молча, внешне спокойно, но руку держал на рукояти кинжала, а то мало ли что.

– Пошли, – времени мало сказал он – после того, как стало тихо.

– Пошёл к черту!

Цукердрог резко повернулся спиной, двинулся вглубь леса не оглядываясь. Шёл он твёрдо и быстро, безжалостно и злобно растаптывая сухие ветки.

– Стой!! – закричал Альфонсо, и резко отпрыгнув в сторону упал на землю, предварительно рефлекторно посмотрев, куда падает. Раздался резкий щелчок, над головой, свист рассекаемого воздуха, прямо перед лицом в земле заиграли фонтанчики, брызнув в лицо Альфонсо грязью.

– Повезло, не повезло, – подумал он про себя вставая; Цукердрог лежал на спине с широко открытыми глазами, и со стороны казалось, что он был жив, но несколько шипов в черепе и пять штук в боку не оставили ему шансов. Молодой, дерзкий, здоровый воин шел в лес покорять диких животных и страшных демонов, сражаться, не боясь боли и смерти.

– Поздравляю, – это Альфонсо сказал вслух, – тебя убил шиповник.

2

Двадцать лет и три года рос Алеццо, почитая Создателя своего. На двадцать четвертый год снизошел на него дух Агафенона Великого, услыхал он глас с небес:

– Ты рожден, чтобы исполнить великую миссию, Алеццо дэ Эгента. Встань на путь Истинный, борись со злом и несправедливостью людской, будь первым мессией на Земле, чтобы создать орден могущественный, Орден Света и одолеть чудищ Сарамоновых.

И услышал Алеццо глас Создателя, и сказал батюшке с матушкой:

– Ой вы гой еси батюшка с матушкой. Был мне слышен глас Создателя нашего, зовет он меня в путь – дороженьку, ума набраться, зло людское поискоренить. Благословите же меня, родители любимые, на путь дороженьку долгую, судьбу опасную, да Богу угодную.

И благословили его батюшка с матушкой, и взял он посох осиновый, да узелок фланелевый, да отправился по Свету, ума набираться, чудовищ Сарамоновых искоренять…

Сказ о жизни великого Алеццо дэ Эгента,
святого – основателя Ордена света
Часть 1 стих 2

Для простых жителей, родившихся и выросших за Стеной, напичканных высокопарными, полными духовного бреда словами священников, лес был исчадием ада, королевством бога смерти Сарамона и его слуг – демонов. Полуразложившиеся мертвецы, призраки неуспокоенных, заблудших душ, черти, ведьмы, оборотни – все они находили себе пристанище среди деревьев и кустарников, устраивали шабаши, воровали людей, варили в котлах, ну или ели живьем, если было лень разводить костер. Тех, кто переходил за черту, между лесом и нормальным миром, считали продавшими душу Сарамону, и этих «счастливчиков» ожидал спасительный огонь. Иногда, правда, спасительный огонь ожидал и тех, кто вознамерился посадить у себя в саду не то дерево, или лечил травами болезни, изготавливал настойки, пил, и поил других, или просто по каким то причинам был похож на ведьму. Когти Сарамона старались проникнуть за Стену, сквозь стойкую оборону из священников, попов, верующих, сквозь их молитвы, самоотречение, духовную целостность, взращивая в сердцах неверных еретиков зерна сомнений и сатанизма.

Таких людей очищали огнем.

Впрочем, всегда находились люди, которые плевали на бога и дьявола и использовали силу леса в своих целях. Лесные травы и ягоды спасали от многих болезней, равно как и калечили или убивали, звериные шкуры были лучше всякой брони, если удавалось уговорить зверя подарить её. Были люди, которые не боялись леса, собирали его дары, продавали в городе, рискуя быть схваченными стражей и умереть в страшных муках. Таких людей называли “ходоками”-многие люди в них не верили, про них рассказывали легенды – тихо, ибо одно упоминание про них было преступлением против бога, а бог преступлений против себя не прощал.

Альфонсо открыл глаза, и стал смотреть в небо, внимательно прислушиваясь к гулу в своей голове. Звуки, удивительно похожие на гром молнии, стучали внутри черепа, сотрясая бедный больной мозг, заставляя его пульсировать. Нельзя долго лежать в лесу на открытом месте – неподвижное мясо в лесу надолго не залеживается, но этот гул Альфонсо знал – каждое движение будет болезненным, поэтому долго собирался с духом, прежде, чем пошевелился. Часто – часто дышал. Медленно, периодически болезненно морщась, он нащупал кусок сухой ветки, сунул себе в зубы, сомкнул посильнее -до ломоты в челюстях, обреченно посмотрел на небо-синее, бездонное море воздуха, с размазанными китами-облаками, безмятежными странниками, которым земные страсти ни почем. Собравшись с духом, Альфонсо резко вскочил на

ноги и быстро огляделся, ища безопасную опору – не напороться бы на липкое дерево или не наступить в чертополох. Боль взорвалась жуткими стуками в ушах, оглушающим звоном; ощущения были такие, что мозг разорвался на куски, и каждый этот кусок рвут когтями сотни маленьких звериных лап. Мгновенно потемнело в глазах, ноги словно лишились костей, но Альфонсо знал: если он сейчас упадет, то уже не встанет. Очень быстро считал он до миллиона, мыча как дефективная корова с палкой во рту, прислушивался к ошалевшему сердцу, держась дрожащими пальцами за шершавую кору мятой сосны. С трудом передвинув ноги, пока они слушаются, следующим болезненным рывком Альфонсо вплотную приблизился к сосне, ставшей ему на эти вечно длящиеся секунды родной, обнял ее, как можно крепче и начал дергаться, словно в конвульсиях. Сверху что то капнуло, и это показалось ему ударом кувалды по голове. Начал раздражать громкий, назойливый хруст, и понадобилось много времени, чтобы понять, что это хрустит что – то у него во рту, то ли ветка, то ли зубы. Внезапно начали нагреваться щеки – через несколько секунд они полыхали жарким пламенем, Альфонсо даже показалось, что запахло шашлыками; он прижался щекой к холодной, нежной, как терка для овощей, коре дерева, и впервые за все время почувствовал хоть какое то облегчение.

– Надо бежать, – подумал он про себя, когда миллион кончился – если сердце не разорвется, то надо бежать.

Даже думать было больно. Тем более, думать о том, чтобы пошевелиться, но выбора не было: тьма сгущалась над деревьями, и так эгоистичными по части распределения света. В темных провалах между стволами начали мелькать неясные тени, тихий шепот множества голосов становился все ближе и ближе, охватывал кольцом, приближаясь. Альфонсо резко оторвался от дерева и, не обращая внимания на новый приступ острейшей боли, пошел вперед. Поначалу выходило плохо – ноги почему то решили разойтись в разные стороны, а тяжелое тело понесло налево. Руки, болтаясь, как плети, мешали сосредоточиться на ходьбе, стукая по заднице каждый раз, как Альфонсо пытался идти туда, куда хотел. В ступни и ладони кололи маленькие раскаленные иглы, прожигая мышцы до самой кости, и каждый шаг стал пыткой, ставящей под сомнение саму необходимость в ходьбе, да и жизни в целом, но потом, вдруг, резко полегчало. Альфонсо увидел глаза. Два красных, горящих пятна мелькнули между деревьями, в мозг стали врезаться шорохи длинных когтей, царапающих корку земли. Где –то в темноте, сквозь колючие кусты, ядовитый плющ, не снижая скорости, не таясь и не прячась ломилось большое, тяжелое животное, и Альфонсо прекрасно знал, что это волк. Он мгновенно забыл про боль и самоубийственные мысли – теперь он хотел жить так, как никогда раньше. Теперь тело бил в конвульсиях жуткий страх, растущий из самых глубин болезненно корчащейся души, леденил кожу, заставлял сердце разрываться от бешеного стука, а ноги – бежать, хотя Альфонсо прекрасно понимал – бежать бессмысленно. Нет в лесу зверя страшнее волка: шкуру его не пробивали даже созревшие шипы шиповника, хотя шипы шиповника пробивали стальные латы не очень хорошего качества. Своими десятисантиметровыми когтями волк легко срезали деревце одним ударом, если его диаметр не превышал девяти сантиметров, а бегал он очень быстро не из-за развитых мышц или длинных ног, а из за нехитрой траектории движения: если любой зверь, в том числе и человек, вынужден был петлять по лесу, огибая ядовитые растения, норы подземных червей или липкие деревья, то волк просто бежал напролом вперед, нередко принося с собой на шкуре куски коры или челюсти от почившего в бозе червя на ноге.

На последней секунде Альфонсо перепрыгнул через корни амалины – дерева, которое подрывало корнями землю вокруг себя, устраивая скрытую под слоем земли яму – ловушку, с сюрпризом в конце полета – острейшими корнями. Он едва успел заметить пятно особой травы, обозначающей границы ямы, чтобы не угодить в нее, как из кустов, не рыча, выпрыгнула большая черная туша.

Под самым ухом оглушающе звонко клацнула челюсть, и тут же затрещало на весь лес дерево – волк провалился в яму передними лапами, ударившись головой о край, отчего его пасть захлопнулась быстрее, чем он планировал ее закрыть.

Альфонсо на бегу достал нож – и бросился в заросли амалины, туда, где виднелась целая роща плотоядных деревьев – это был единственный шанс спастись, ну и отличная возможность напороться на острые корни. Он судорожно сжал рукоять короткого кинжала – такое оружие, конечно, волка только насмешит, но сдаваться совсем без боя, если дело дойдет до драки, Альфонсо не собирался.

Красно коричневые стволы спасительных деревьев были уже совсем близко, когда Альфонсо вдруг сжало легкие словно тисками, сильнейшая резь пронзила ноги от ягодиц до ступней, и он упал, не стесняясь орать от боли на весь лес. Снова ледяной волной ударил по голове ужас, потушил дикий крик, и Альфонсо захрипел, пополз в сторону зарослей, собирая руками и грудью павшую листву в кучу, словно лопатой. Затылком почувствовал он прерывистое сипение зверя, повернулся на спину, и огромная лапа наступила ему на грудь, четыре когтя прошли между ребер, в лицо дохнуло теплое, пахнущее дохлятиной, дыхание. Волк стоял прямо над ним – из ноздрей его вырывались фонтаны огня, глаза горели красной, бесконечной злостью, лапы и тело, покрытые большими буграми мышц, туго обтянутыми черной шкурой, чернеющей даже в темноте, с висящей из разорванной кожи гниющей плотью, роняли на Альфонсо больших, белых червей. Из обрамленной огромными зубами пасти вывалился синий, вонючий язык, с кончика его капнула слюна, зашипела на коже, прижигая словно тлеющим угольком.

Кариизий. Этим словом священники пугали прихожан заставляя нести денежку в копилку церкви за спасение от него. Это слово вселяло дикий ужас в любого, самого прожженного убийцу, маньяка, каннибала. Это слово, из-за которого преступники охотнее выбирали смертную казнь, чем час, проведенный в лесу.

Кариизий был домашним животным Сарамона, его самым жестоким убийцей, самым непобедимым демоном. Считалось, что от одного его жуткого воя, у самого храброго воина останавливалось сердце, ведьмы не появлялись в его присутствии, а остальные демоны его побаивались.

Альфонсо прекрасно знал, что это чушь: из- за деревьев, шевелящимися, черными пятнами, начали появляться и те и другие, наполняя полянку истошным, гортанным криком, воплями, смехом, улюлюканьем. Рогатые, двухголовые, покрытые бородавками, волосатые существа окружали его, скребли когтями землю, наполняли смрадом свежий лесной воздух. Одна ведьма-самая мерзкая, склонилась над Альфонсо – оторванные от ее страшной рожи лоскутки гниющей кожи щекотали ему лицо, пачкали теплой, шевелящейся слизью. Красными, кровоточащими глазами долго она смотрела на него, наслаждаясь его страхом, потом нижняя половина лица ее разорвалась, за хлопьями треснувшей кожи показались гнилые пеньки зубов.

– Боже, это рот! – вдруг подумал Альфонсо, хотя рот у ведьмы оказался там, где он и должен был бы быть, просто изначально его не было видно. Его уже не трясло от страха, его парализовало, кровь отхлынула от лица и пальцев рук. Альфонсо уже не боялся умереть, но что-то ему подсказывало, что простой смертью здесь не обойдется.

Кариизий наконец – то выдернул когти из Альфонсо – полилась теплая, густая кровь, затекая под одежду, поливая шевелящихся там червей.

– Не дергайся, сладенький, – гнилой, покрытый слюной и гноем рот ее прижался ко рту Альфонсо, кусая ему губы до крови, одновременно с этим он почувствовал удары ее острых когтей в живот. Задыхаясь затекающей в рот слизью, изо всех сил сдерживал он тошноту и рвотные позывы, и не мог пошевелиться, чтобы сбросить с себя костлявое, разлагающееся тело, которое вцепилось в него мёртвой хваткой. Вокруг оглушающе визжали ведьмы, хрипели демоны, облизывала тело Альфонсо ведьма, пока вдруг не зарычал Кариизий, и тогда все резко

смолкли. В оглушительной тишине мерно раздавались гулкие шаги, от которых подбрасывало землю, повеяло жаром, запахло сладко – противным запахом горящего человеческого тела.

– Сарамон, – подумал Альфонсо. Страх постепенно оставлял его, поскольку жизнь его оставляла вместе с вытекающей кровью, и окружающие его создания казались не детищами ада, а просто уродливыми, недопохороненными недочеловеками. Он даже умудрился сесть, облокотившись на дерево, несмотря на угрожающий рык пса.

– Тихо, псина, – сказал он исчадию ада – почему то ему стало неимоверно хорошо и даже весело. Особенно смешили волосы в ушах пса-демона, словно у столетнего старика, они торчали куцыми пучками, колыхались на ветру.

Сарамон хоть и оказался горящим скелетом, обтянутым скворчащей кожей, пузырившейся черными волдырями, которые постоянно лопались с раздражающим звуком, но был совершенно не страшный, где то даже забавный, несмотря на то, что время от времени кидал в разинутый рот оторванную человеческую голову и дробил ей череп большими зубами. Был он ненамного больше просто высокого человека, но обладал поистине огромной, и очень эластичной пастью.

– Альфонсо дэ Эстеда, – голос его был похож на грохот камней, катящихся по склону скалы, – неужели ты думал, что можешь безнаказанно бродить по моим владениям?

– Сарамон, какая встреча! Полтора года брожу по лесу, все никак с тобой не встречусь. А насчет наказания не бойся – меня поцеловала твоя подружка, хуже уже ты мне точно ничего не сделаешь.

Альфонсо рассмеялся веселым, заливистым смехом, настолько заливистым, насколько позволяли больные ребра и сдавленные удушьем легкие. Все, что он сказал, казалось ему ужасно смешным, хотя все же где-то, далеко в чертогах разума, притаилась мысль о том, что все происходящее вокруг несколько странно, но она была робка, слаба и молчала в тряпочку.

– Помолись своим богам, ведь в том котле, где ты будешь купаться в своих горящих внутренностях, такого шанса у тебя уже не будет.

Сарамон взял в руки копье и указал ведьмам острием на Альфонсо: – он ваш!

– Ха-ха-ха, – смеялся Альфонсо, и не мог остановиться, пока сотни зубов и когтей рвали его на части, визжали от жадности, брызгали друг в друга кровью Альфонсо, балуясь с едой, рычали и вырывали сердце из лоскутов окровавленной плоти. Все это время он хохотал противным хрипом, прерывая смех затяжным кашлем, пока кто то из демонов не догадался выломать ему челюсть и заткнуть…

Солнце слепило даже сквозь закрытые веки, разбрасывая жаркие лучи свои по всей комнате, пропихивая их сквозь дорогущее Тистакское стекло. Ноги горели огнем, а голова мерзла, нижняя челюсть стукала об верхнюю и раздражала клацающим звуком, но хотя бы не было бредовых, хоть и отменно реалистичных видений, связанных с отвратительным интимом с ведьмами. Все тело болело, но болело глухо, скорее ныло, совершенно не хотело сохранять форму сидящего человека, и только прикованные к дубовым брусьям руки, ноги и голова позволяли, хоть и против воли владельца, сохранять полувертикальное положение. Шевелиться совершенно не хотелось, даже открыть глаза казалось все равно что совершить подвиг, но это сделать было надо, ведь этот подвиг ты должен был совершить во имя себя, а лучшей мотивации действовать нет и никогда не будет. Альфонсо разодрал слипшиеся веки, и даже попытался хорохориться – поднять голову, но бросил эту попытку, и смотрел исподлобья, выгнав глаза на лоб.

Напротив него стоял старый мужик, лет двадцати трех, обросший, в мятой, местами грязной рубахе, подпоясанной, надо думать, поясом, широких шароварах из мешковины, заправленных в сапоги из дешевенькой собачьей шкуры, и целился из арбалета Альфонсо прямо в

голову, положив свою щеку на ложе, глядя прищуренным, сосредоточенным взглядом поверх стрелы.

– Кто ты такой? – медленно, раздельно, с паузами проговорил старик так, словно говорил с юродивым.

Альфонсо хотел было сбалагурить, сказать какую-нибудь дурацкую шутку, типа «зашел на блины», как это делают все отважные рыцари, глядя в глаза смерти, в выдуманных былинах, но вовремя одумался – все таки не то время и не то место..

– Я Альфонсо дэ Эстеда, ходок, мне двадцать пять лет, не женат, детей нет.

Коротенькая получилась характеристика, но больше Альфонсо не нашел что сказать. Тем более и эти слова дались ему очень тяжело, поскольку распухший язык очень болезненно стукался о небо и не мог улечься во рту, норовя вывалиться на воздух.

– А я кто?

– Ты – Гнилое пузо, мой помощник.

Арбалет медленно опустился, но Гнилое пузо не стал далеко его убирать – положил на плохо состругганную тумбочку из тополя на расстояние вытянутой руки, чтобы быстро схватить его и всадить стрелу в лоб Альфонсо, если понадобится. Мысленно Альфонсо одобрил его действия, глубоко в душе даже гордился, что так хорошо его обучил поведению во время лечения обколотых чертополохом. Он посмотрел вниз, настолько, насколько мог нагнуть голову, то бишь, ненамного.

– Сколько времени перевязаны мои ноги?

– Не бойся, всего две щепотки, – ответил Гнилое пузо, и оба они машинально посмотрели на часы, на то узкое место, где песок из одного сосуда, толкаясь песчинками, перетекает в другой. – Через пять щепоток нужно будет их снимать. А пока…

– Нет, – Альфонсо резко дернулся, звеня цепями, пытаясь высвободиться из кандалов, выдернуть проклятые гвозди, забитые насквозь дубового бруса и загнутые с другой стороны стены избушки, громко, надрывая горло, заорал, – тварь ты не посмеешь, отойди!!!

Гнилое пузо стоял с кружкой самого отвратительного пойла, которое можно было найти во всем белом мире – он стоял с кружкой чистой воды. Сейчас будет ужасная пытка: Альфонсо будет пить.

– Ты прекрасно знаешь, что вода сейчас необходима тебе.

Да, Альфонсо прекрасно это знал. Как знал он и то, какие ощущения будет испытывать.

– Отстать, урод, отойди!!! – кричал он, вырываясь изо всех сил, дергая цепями. В один из криков во рту его оказалась деревянная воронка; он попытался разгрызть ее зубами, но в этот момент в рот полилась вода, и он забулькал нечеловеческим криком, мотая головой, пытаясь от неё избавиться. Выжигая воспаленное горло, внутрь полился раскаленный свинец, загорелся желудок, волна жара ударила в голову. Содрогаясь от боли, Альфонсо пытался достать своего мучителя ногой, ножка воронки треснула, разлетелась в щепки, и вода полилась мимо горла на грудь.

В Алексии был один из ритуалов посвящения в воины – парень должен был стоять на раскаленных углях, не проронив ни звука. Стон, считался слабостью, а крик был позором на всю семью. Наблюдая за этим посвящением, Альфонсо недоумевал: почему нужно терпеть боль именно без звука, если орать легче? Где применять такие навыки?

Альфонсо не боялся своих слабостей – он рыдал, кричал, молился, рвался разорвать помощника на куски, ругал Гнилое пузо всеми самыми богохульными словами, которые знал, иногда даже придумывая их на ходу. Потом он резко обмяк, повиснув на цепях, потому что устал. Глухо стучало надорванное сердце, гудела голова, а острая боль пронзила даже ногти. В одной из самых сильных пульсаций казалось, что болят даже сапоги.

Все это время Гнилое пузо смотрел на его муки направив на него арбалет, когда же приступ ярости прошел, он снова положил свое оружие на коряво сколоченную тумбочку, и начал

запихивать в рот Альфонсо грязными пальцами лохмотья травы, прямо вместе с ползающими по ней жуками.

Все правильно, мысленно одобрил Альфонсо. Уколотые чертополохом люди вели себя не предсказуемо – обычно очень агрессивно, сражаясь с демонами из своих видений нападали на всех подряд, иногда умирали от страха, были инциденты (редкий случай) когда уколотый безудержно смеялся, причём даже тогда, когда настоящие звери рвали его на куски. Выглядело это со стороны и смешно и жутко одновременно. Иногда уколовшись, не проявляли себя вообще никак, набросившись совершенно неожиданно и не сразу понятно с чего вдруг.

Времени осталось мало – песок почти спустился вниз весь, и он работал челюстями быстро, как мог, пережевывая траву, как корова сено. Иногда трава выпадала у него изо рта, и тогда помощник поднимал ее с пола, и запихивал ее обратно.

– Все, проглотил?

Альфонсо кивнул, и, словно выплевывая воздух, прошелестел: развязывай.

– Десять щепоток терпи.– Гнилое пузо сунул в рот Альфонсо кусок дерева, чтобы тот не мог сломать себе зубы или откусить язык, подтянул цепи ног так, чтобы он не мог ими его ударить, и резким движением сдернул стягивающие сосуды ног веревки. Кровь прилила к ногам, и их словно окунули в кипяток. Порой Альфонсо казалось, что он потеряет сознание, сломает себе руки, пытаясь вырваться, или вывернет дубовые балки. Десять щепоток казались вечностью, песок не торопился падать, словно зависая в воздухе, но наконец, пытка кончилась, Гнилое пузо ловко и быстро затянул ноги веревками, и вместе с онемением ног боль начала постепенно уходить. Альфонсо снова обессиленно повис на цепях; все самое болезненное кончилось, дальше будет легче.

Снова во рту оказалась воронка, уже новая, но на этот раз он только болезненно морщился, стараясь выпить как можно больше воды, и замычал лишь тогда, когда больше не смог терпеть боль. Минут пять он пытался отдышаться, прежде чем смог заговорить:

– Господи, что ж так больно…Что со мной случилось?

– Ты наступил в чертополох. – Гнилое пузо выудил из угла комнаты маленький стульчик и, придвинув его поближе к Альфонсо, оседлал, широко растопырив ноги.

–Это и ежу понятно. Как я мог его не заметить? Как я мог в него наступить?

– Судя по количеству уколов, ты по нему отплясывал.

– Что?

– Четырнадцать уколов на двух ногах.

Альфонсо откинул голову назад и стукнулся затылком о дерево. И не обратил на это внимания.

У чертополоха были мясистые, крупные листья, которые пользовались успехом у травоядных всего леса, являясь вкуснейшей травой, если, конечно, получалось полакомиться ею, умудрившись не уколоться маленькими, тоненькими ядовитыми иголками. Уколотый один – два раза человек, в зависимости от здоровья, попадал в мир бреда, боли и страха, где все живое вокруг стремится тебя убить, не узнавая никого, дрался со своими видениями, попадало при этом иногда и реальным существам, которым посчастливилось оказаться поблизости. Альфонсо иногда казалось, что чертополох обнажает самые сильные страхи человека, ведь именно после первого укола он, пообщавшись с бредовыми ведьмами, перестал испытывать религиозный страх перед лесом, или, ему казалось, что перестал. Но один раз в бреду на него напали трухлявые пеньки, и его теория сильно пошатнулась – трухлявых пней Альфонсо не боялся.

Куда после укола попадали животные было не понятно, но лучше было в этот момент не попадаться им на пути.

– Я не выдержал бы четырнадцать уколов. Я умер бы.

– И все же ты жив, и самое худшее пережил. Если ты еще как то умудришься поесть, то и поправишься скоро.

– Где ты меня нашел?

– Недалеко от нашей точки входа. Найти тебя было не трудно – ты так орал, что деревья гнулись, а вот тащить…Вот это была задачка. Что тебе хоть привиделось? Сарамона видел?

– Видел. И с ведьмами целовался. И пес этот проклятый…Ты сказал недалеко от нашей точки входа, то есть не там?

– Нет, чуть ближе.

– А как я попал на ту сторону? Как я через шиповник прошел?

Шиповник-кустарник высотой с рост человека, закрывал вход в лес словно забор, произрастая по всему его периметру. Казалось бы, что сложного-взять топор и порубить проход? Но шиповник отстреливал десяти сантиметровые иглы, едва к нему кто-то прикасаться, пробивая насквозь даже латы рыцаря, оставляя в теле жертвы семечко. Потом из трупа вырастал куст с очень красивыми цветами и полезными при простуде ягодами. Ну и огроменными шипами, конечно.

– Подожди, ноги, – Гнилое пузо снова подтянул ноги Альфонсо к столбу и отпустил веревки.

– Не так больно, как раньше, – подумал Альфонсо, чувствуя, как пот струится у него по лицу. Потом он тихонечко завыл. По истечении десяти минут, помощник хотел было перевязать ноги снова, но Альфонсо промычал отрицательно – чем лучше кровоток у мест уколов, тем быстрее они заживут. И еще полезно для самооценки было наблюдать, как Гнилое пузо, кинул уважительный взгляд в его сторону, отбросил веревки в угол, хоть Альфонсо и рыдал от боли, как девчонка, пару минут назад.

– Это самое интересное, – продолжил помощник так, словно и не прерывался. – Кто-то сделал новую точку входа.

– Как? Выламывал шипы по одному, как мы? Но это можно сделать только весной пока шипы не созрели. А сейчас середина лета.

– Просто. Просто протаранил своим мощным телом полосу, шириной в метр, переломав все ветки шиповника. Все иглы сработали, но крови я не нашел, а это значит …

– Волк! Кто еще мог так пропороть через шиповник? Но волки не выходят из леса. Или теперь выходят?

– Ветки там сломаны сначала в одну сторону, потом, некоторые, загнуты в другую. Следы лап ведут по траве до дороги. Потом он вернулся обратно.

Альфонсо даже забыл о боли. Волки стали нападать на людей на дороге? Или это отдельная особь? Но обычно все волки ходят стаями, кроме одного… Кариизий.

– Тьфу блин, бред.

– Ты о Кариизии? – словно прочитал его мысли Гнилое пузо. – Ты вроде не веришь в его существование, но вдруг он существует? Тем более, ты его видел.

– Это действие яда. Вообще, половину легенд о лесе родило действие чертополоха на человека. Сарамон, черти, ведьмы – это все россказни тех, кто выжил после укола.

– Кстати, насчет ведьм. В просеке через шиповник, в сторону дороги вели женские следы.

– Женские?

– Да.

– Может карлик?

– В лесу?

– Может, ребенок?

– В лесу?

– Что ты заладил, «в лесу, в лесу»! – Взорвался Альфонсо, – Откуда женщина в лесу?!! Сними меня лучше с этой дыбы, я прилягу.

Гнилое пузо освободил кандалы и поймав рухнувшее на него ослабевшее тело Альфонсо, потащил его в другой угол комнаты, где и уложил на лавку, покрытую свежей соломой. Будучи

не раз в положении уколотого, он прекрасно понимал, насколько важны для самочувствия больного приятные мелочи, особенно для такого больного, который не должен был выжить, по этому старался сделать что-нибудь хорошее.

Вдыхая запах свежего сена, пока еще без клопов и вшей, Альфонсо и правда расслабился.

– Как же я все таки выжил? – вопрос был риторический, направленный в основном на то, чтобы подчеркнуть свою силу и исключительную выносливость, но Гнилое пузо ответил, и Альфонсо помрачнел

– Кто-то дал тебе анеэстеду зеленую, причем лошадиную дозу. Причем рассчитав ее так удачно, что будь доза чуть меньше – и у тебя разорвалось бы сердце от боли и страха, а чуть больше – остановилось бы от анаэстеды.

Гнилое пузо отвернулся от печки, в которой беспокоил какое-то отвратительное варево деревянной поварешкой, и, посмотрев на Альфонсо сказал:

– Твое видение спасло тебе жизнь.

– Что за черт? – выругался Альфонсо так, как ругался всегда, когда перед ним появлялось что то неизвестное, или непонятное. Или, как в данном случае и то и другое. – Кому надо было меня спасать? Лес не спасает никого и никогда, он может только убить…

– Может быть, ты приглянулся той ведьмочке, которая тебя поцеловала?

– Да пошел ты… Это был чертополочный бред.

Внезапно Альфонсо осекся на полуслове, и, словно вспомнив что то, резко задрал на себе рубашку. На груди виднелись четыре воспаленные раны от когтей волка-самые настоящие.

– От когтей настоящего волка, – произнес вездесущий и везделезущий Гнилое пузо, – он положил на тебя лапу и не убил? Надо бежать из этого леса, я перестаю понимать, что здесь происходит.

Альфонсо проснулся рано утром, чуть позже, чем проснулось солнце, и раздраженно почесал бок, разгоняя трапезничающих на нем клопов. В спину впилась соломина из дырки грязного матраса, а в опухшую ото сна, мятую щеку – перо, вылезшее из шелковой ткани подушки. Настроение было паршивым – ему снова снился Волшебный город – город, построенный целиком из камня, город, где во всех окнах домов блестели на солнце стекла, зловонный поток нечистот не растекался по всей дороге, а тек под землей, в специально выкопанной для этой цели канаве, дорожка выложена брусчаткой, а по улицам ездили телеги без лошадей.

В общем снова снилась дурацкая сказка, несбыточный бред!

Но в глубине души он мечтал о Волшебном городе и всегда злился, когда после прекрасного сна оказывался снова в реальности. Спать больше не хотелось, стало грустно, и Альфонсо, скинув на лавку кусок мешковины, служивший ему одеялом, тихо и медленно вышел из избушки во двор – небольшую, покрытую мелкой, дохлой травкой площадку, огороженную огромными бревнами мятой сосны. Все крупные звери в лесу были очень ловкими быстрыми и сильными – иные просто не выживали, но прыгать высоко, в большинстве своем, не умели, и их фантазии хватало лишь на то, чтобы царапать когтями древесину снаружи забора. Проходя мимо Гнилого пуза, Альфонсо посмотрел на него завистливо вздохнул: Гнилое пузо был в самом расцвете сил – ему было восемнадцать лет (хоть и выглядел на двадцать три), он спал, глубоко и ритмично всасывая спертый воздух избушки внутрь себя, и выбрасывая его обратно с таким шумом, что дрожали стены. Услышав неслышные шаги Альфонсо, он открыл один глаз, но убедившись в отсутствии опасности, закрыл его снова, при этом так и не проснувшись. Это сон леса – глубокий, но чуткий.

Кроме травы с проплешинами во дворе были еще и постройки – колодец с чистой, вечно холодной и пахнущей прелыми листьями водой, таулет и сарай, забившийся в угол двора, с огромным, амбарным замком на двери. Вход в этот сарайчик был строго настрого запрещен

Гнилому пузу, но тот туда и не рвался, и так прекрасно зная, что там находится. Ключ от замка Альфонсо всегда носил при себе – на шее.

Он спускался в этот сарай всегда, когда его одолевала кручина, и всегда это был чарующий ритуал, сакральное действо, начиная от знакомого до боли, и до нее же родного жалобного скрипа механизмов замка, до волшебного запаха бумаги. В отдельном помещении, расположившись комфортнее, чем жители дома, на полках аккуратно лежали книги и рисунки, обломки неизвестных деталей, листы с непонятными символами – все то, за что в городе можно было нарваться на святую инквизицию. Дрожа от предвкушения, Альфонсо запирался изнутри на засов, садился за плохо отёсанный изначально, но отполированный локтями потом, стол и брал листочки в руки нежно, словно лепестки мака, и разглядывал их. Эти листочки, эти книги, вещи, все были волшебными, покрытыми неизвестными символами и рисунками из странных чернил, которые не смывала даже вода. Альфонсо мог часами разглядывать эти рисунки, пытаясь понять, что на них изображено – несомненно, это было мощнейшее оружие, созданное богами, изготовив которое можно было обрести власть над миром. Или пройти глубже в лес до болот. Или даже дальше…

Альфонсо почувствовал, как у него защемило сердце. Вот бы разгадать эти символы! Вот бы узнать эти великие тайны! Вот бы сейчас поесть.

Альфонсо вздрогнул, очнувшись от мечтаний, и вынул из деревянной коробочки самую ценную свою вещицу – рисунок с изображением Волшебного Города. На картине были нарисованы замки – квадратные, огромные по сравнению с малюсенькими человечками, дороги были гладкими из сплошного камня, так точно собранными, что не видно было швов, и двигались по ним существа непонятного вида и происхождения. Город был нарисован душераздирающе реалистично, красиво сверкал огнями, как настоящий, а огромное количество крепостей самой разной конфигурации и формы, поражали воображение. Вздохнув, Альфонсо аккуратно положил рисунок в коробочку и вышел из сарая.

– Ну и что те двое? – спросил Гнилое пузо, усердно разминая деревянной ложкой картошку в чугунке, периодически подливая туда топленого молока.

– А, – Альфонсо махнул рукой, – даже через шиповник не прошли. Одного змеи сожрали, другого шипами застрелило. Чуть меня не зацепило.

– Деньги хоть отдали?

– Да, деньги я теперь вперед беру.

– А чего ты их фиалкой не накормил? Она успокаивает нервы, возможно они бы даже и прошли.

– Слишком много чести,– Альфонсо запустил ложку в чугунок и, вытащив ложкой комок картошки, начал усердно на него дуть. Когда же ему надоело напрягать щеки, он стал напрягать язык и заговорил:

– Сам я наелся.

– Случайно упал?

– Да. Споткнулся.

Гнилое пузо отправил в рот дымящуюся картофелину, и, громко чавкая, проглотил горячую порцию даже не поморщившись. Ел он всегда как в последний раз: быстро, громко и все подряд, плотно и тщательно набивая щеки, не оставляя во рту ни капельки свободного пространства. И ухитрялся говорить при этом.

– А кто они были?

– Представились проигравшимися в наперсток крестьянам, которым одна дорога – либо самоубийство, либо стать ходоками, заработать денег и отдать долг. Ребята даже не заморочились с легендой; дураку было понятно, что они солдаты, причем солдаты одни из лучших – поскольку очень тупорылые и самоуверенные. На самом деле скорее всего степейцы – говор больно похож на тамошний.

–Ты хочешь сказать, что это шпионы?

– Скорее всего. Видимо не хотели попасться кому либо по дороге, попытались пройти лесом к себе обратно.

Гнилое пузо бросил ложку на стол и, достав с ближайшей полки, висевшей прямо над столом, глиняный кувшин с молоком, начал усердно и очень настойчиво пить, так что кадык его, казалось, не успевал возвращаться обратно. На просьбу Альфонсо оставить ему молока, в кувшине гулко булькнуло – вероятно, это был положительный ответ. Наконец Гнилое пузо оторвал от себя крынку, протянул ее Альфонсо и громко отрыгнул воздух. В лесу, за забором из массивных бревен, раздалась какая то возня, окончившаяся злобным рыком, потом звонким лаем – лиса напала на енота, и, судя по всему, огребла за свою жадную дерзость. Лес жил, и эта жизнь прочно, двумя ногами стояла на смерти.

– Нашел кому травы сбагрить? – спросил Гнилое Пузо.

– Есть один виконт среди местной знати который поставляет в высшие круги анаэстеду. Обещает проход через ворота без проблем, но берет дешево. Есть еще некий Волк – самый опасный вор и разбойник, негласно управляет тамошними разбойниками, без него в них ничего не делается.

–Отлично, тогда я буду работать с Волком, а ты с виконтом.

– Как всегда, самые лакомые кусочки тебе достаются.

– Ну да, я как всегда на самое людское дно.

Альфонсо промолчал.

Лес был мощным оружием, страшной силой, дающей почти безграничную власть, но отдавал он ее крайне неохотно, расплачиваться приходилось кровью, страхом и болью. Для человека решающей силой в лесу являлась, за отсутствием толстой шкуры и сильных мышц, знания, за каждую крупицу которых приходилось платить очень дорого.

Альфонсо вышел во двор и поплотнее затянул веревку на штанах – жизненно важная процедура, если учесть, насколько быстрее и маневреннее становится человек, когда с него не спадают штаны, философски прищурился на солнце и взял в руки большой камень, килограмм на пять, который лежал у двери.

– Девять кругов, – сказал он Гнилому пузу.

– Десять, – ответил тот категорично.

Альфонсо вздохнул, поднял камень на уровень груди, и побежал вокруг избы.

– Все отлично, – подумал он на девятом круге, – можно идти. Но на повороте Альфонсо вдруг почувствовал слабость – он сжал зубы, чтобы не уронить камень, но отравление чертополохом прошло не до конца – голова кружилась все сильнее, и лишь избавившись от груза, не добежав полкруга, Альфонсо смог кое-как отдышаться.

– Вот и результат – еще пару дней придется поваляться здесь, – резюмировал Гнилое пузо. Он пошел в избу, провожаемый ненавистным взглядом, собираться в путь, и вскоре из избы стали доноситься проклятия, грохот немногочисленной посуды, скрежет печной заслонки. Что то звонко упало на пол.

Альфонсо прекрасно знал, чего стоит малейшее недомогание в лесу, чего стоит медлительность, отсутствие выносливости, неспособность быстро бегать. И все равно он ненавидел Гнилое пузо, потому что тот был прав, и выходить наружу было смертельно опасно. Даже опаснее, чем обычно. Да, знания в лесу были страшной силой, но этой силы катастрофически не хватало.

– Смотри не чуди, – сказал Гнилое пузо, выходя из избы запихивая кинжал в ножны. Одет он был в стандартную для разгуливания по лесу экипировку: хлопковая рубаха, черная, кожаная куртка, ужасно теплая в такую жару, плотные штаны из бязи, подпоясанные конопляной

веревкой с заправленными кончиками – что бы не цепляться ими за каждый репейник, черные сапоги без каблуков, из дорогой свиной кожи, намазанные жиром и сажей. Из – за спины торчала ручка арбалета, закрепленная так, чтобы ее можно было легко и быстро вытащить, и при этом он не отвалился бы во время акробатических номеров, неизбежных в лесу. Гнилое пузо был молод, подтянут, мускулы его рельефно бугрились под одеждой, и если бы не позорное имя, которое ему дали из за его нищей семьи, которая не смогла купить имени получше, то Альфонсо весь извелся бы от зависти.

Гнилое пузо попрыгал на месте проверить, не звенит ли где что, не вываливается ли нож, хорошо ли прикреплен арбалет, и, махнув Альфонсо рукой, легко водрузил свое плотное тело на двухметровый забор (дверей в заборе не было), с другой стороны забора глухо бухнуло.

– Удачи, – крикнул ему Альфонсо. И ответа не услышал. Так и должно было быть.

3

Два года бродил Алеццо по странам разным, многотрудным и опасным был этот путь, но спасали его молитвы и дух Агафенона Великого от разбойников, собак бродячих, да чудищ Сарамоновых. И услышал он как то глас Агафенона Великого:

– Пришла пора тебе выполнить миссию свою, Алеццо. Злое дело хочет Сарамон учинить: наслать он хочет пса своего злобного, Каришзия на семью царскую Эгибетуза – страны богоугодной и глубоко меня почитающей. Возьми же меч этот Светлый, да сразу пса адова. И послушал Алеццо Агафенона Великого, и взял меч громы извергающий, и сразился с псом Сарамоновым, псом черным, псом адовым. Три дня и три ночи дрались они не на жизнь а насмерть, и возопил тогда Каришзий:

– Пощади меня, монах Ордена Света, будешь ты у Сарамона в почестях, власть и силу великую пожалует он тебе. Все что хочешь проси, все исполнится.

– Не нужно мне твоей силы черной, – молвил Алеццо, не нужно мне никаких почестей от Вероотступника – умри же, исчадие адово.

И поразил он Каришзия мечом своим, и спас семью королевскую от погибели черной.

– Благодарствую, спаситель наш, – молвил на то король Аэрон,– говори чего хочешь, ничего не пожалею для тебя, ни золота, ни почета.

Да только молвил на то Алеццо:

– Пожрать бы супу горохового, постного, кушать хочется, а больше ничего не надобно мне. Но помните – Агафеноном Великим послан я на спасение к Вам, почитайте его да благодарите. А я, скромный монах Ордена Света, лишь орудие Его.

– Так стань нашим новой мессией, – молвил на то король Аэрон, – отстроим церковь тебе златоглавую, будешь сеять ты зерна Света в этой стране Великой, да последователей своих соберешь, будет у нас Армия Света.

Послушал слова его Алеццо, и увидел, что хорошо это, богоугодное дело это, и остался в Эгибетузе – основал Церковь Света…

Сказ о жизни великого Алеццо дэ Эгента,
святого – основателя Ордена света
Часть 2 стих 1

Альфонсо проснулся ближе к обеду уже на бегу. Кое – как попав спросонья в дверь, он выскочил во двор и ринулся к сараю, споткнулся на ровном месте, едва не упав и не сломав себе шею, трясущимися от нервного возбуждения руками расковырял ключом замок, распахнул дверь, чуть не сорвав с петель. Шмякнув, с размаху, пятой точкой об захрустевшую от нагрузки табуретку, Альфонсо схватил перо элитной Агатской курицы, и, разбрызгивая направо и налево дорогущие Степные чернила, начал ими пачкать дорогую Степную ивовую кору. Щедрыми, размашистыми движениями, сотрясая стол, он фанатично рисовал, прикусив от напряжения губу, когда же вдохновение схлынуло так же внезапно, как и накатило, Альфонсо остановился и долго смотрел на получившиеся каракули: он видел этот предмет во сне, даже стрелял из него синими стрелами по зеленым собакам, и теперь сравнивал изображение этого предмета, нарисованном на коре, с изображением, оставшимся в памяти. Смотрел он долго, но на что это похоже не мог понять даже приблизительно. Потом он упорно листал древние книги, которые имел – по пять раз просматривал все пять штук, смотрел на картины, нарисованные несмываемыми чернилами, но рисунка такого предмета не нашел, и вышел из сарая удрученный и задумчивый.

Пробежав с камнем десять кругов, Альфонсо бросил булыжник к порогу дома и стал собираться в Эгибетуз. И первым, что он сделал – плотно поел, завалился на свою лавку и

уснул. За день перед походом в лес принято было есть до отвала и спать до посинения – выходить в лес уставшим или голодным было опасно –ведь неизвестно, сколько придется просидеть на дереве, если кто либо туда тебя загонит. Толстый усохнет, худой – сдохнет. Сквозь сон Альфонсо услышал скрежет – кто-то скреб когтями деревянный забор снаружи, потом начал скулить, возиться, потом убежал. Вокруг все было спокойно.

На этот раз Альфонсо проснулся до рассвета – предстояли долгие, последовательные, тщательно выверенные и продуманные сборы даже для того, чтобы просто выйти из дворика, остаться живым и с конечностями. Он позавтракал, собрал ценные, дорогие травы, оделся, прицепил к ремню нож, так, чтобы его легко и быстро можно было бы достать, и при этом он не вылетел при движении, прикрепил арбалет к спине, вместе с колчаном, чтобы не мешался, попрыгал, пробежался по двору, опять поел, потом залез на забор и осмотрелся. Вокруг все было спокойно.

После прыжка с забора человек менялся в корне – расслабленный, ленивый, вялодвигающийся организм превращался в сжатую пружину, ежеминутно готовую к бегу, драке или смерти. Альфонсо превратился в слух и внимание, постоянно прислушиваясь и разглядывая все вокруг себя, подсознательно отмечая про себя все звуки, которые он слышит и объекты, которые видит.

В лесу он старался идти знакомыми тропами, и знал, где обходить липкие деревья, где растет чертополох, где подземный лес, по этому шел более менее уверенно. Но ощущение тревожности не покидало Альфонсо – лес был насторожен, как то по опасному спокоен, тих и, уловив это настроение, он подсознательно пригнулся, съежился, насколько мог съежиться, стал максимально тихим и незаметным.

И тут же предельная концентрация внимания дала о себе знать незамедлительно: едва опасный звук достиг ушей Альфонсо, он уже отпрыгнул в сторону, в прыжке вытащил из ножен нож, и только через секунду понял, кому принадлежит этот нескромный шум. Пение певчих птичек (очень, кстати, вкусных) и шуршание листьев на летнем ветерке заглушило утробное хрюканье, тишину леса разорвал треск кустов. Ветки дикой сливы попытались задержать кабанью тушу, цепляясь за жесткую, грязную шевелюру, но деревцу пришлось пожертвовать ветками – кабан чуть не вырвал кустарник с корнем.

Он вывалился из кустов заспанный, облепленный грязью с прилипшими к ней листочками и веточками, замотал головой, видимо, пытаясь сообразить, что происходит, потом глаза его остановились на Альфонсо и конкретно – на его блеснувшем на солнце клинке. Был он не очень крупный – всего килограммов сто, и какой то подранный, с торчащими клочками шерсти, пыльный и грязный – видимо крепко досталось ему от одного из своих сородичей.

– Дрых, гад, в кустах, – услышал свою мысль Альфонсо, и потом она пропала, как не существенная в данный момент. Кабан смотрел на Альфонсо, Альфонсо смотрел на кабана – и тот уже видимо собирался удалиться мирно – он неопределенно хрюкнул, не то жалобно, не то угрожающе, понюхал землю, даже что то на ней лизнул. И бросился вперед. Альфонсо бросился бежать.

Через две секунды погоня начала становиться бессмысленной – четыре ноги, даже с копытами, не оставляли шансов двуногому. Альфонсо рефлекторно перепрыгнул через нору подземного червя, увернулся от колючих веток смородины – с очень большими ягодами – такими огромными, которых он не видел никогда –которые чуть не хлестанули по глазам, обогнул липкое дерево, кусты чертополоха. Бежал Альфонсо не оборачиваясь – все, что происходило с кабаном было понятно из грохота, который тот создавал. Вот он врезался в куст шиповника, который Альфонсо перепрыгнул, взвизгнул от попавших в него шипов, злобно запыхтел. Вот хруст коры – кабан прилип к липкому дереву, оставив тому в подарок клочок курчавых, вонючих и грязных волос. Альфонсо дождался, пока пыхтение не приблизится, и резко поме-

нял направление бега на почти противоположное. Один из длинных, желтых клыков чиркнул его по ребрам- голову свою кабан повернуть смог, но тело находилось во власти инерции – пытаясь тормозить, копыта кабана вспороли землю, фонтаны земли полетели в разные стороны а туша покатилась по земле с диким рыком.

– Разозлил, – подумал Альфонсо. Он выиграл десять секунд. Развернуться и встретить кабана лицом к лицу – самоубийство, которое в планы Альфонсо не входило. Куда ножиком не ткни – везде кость, которую не прошибешь кувалдой, попасть в глаз – реально было бы, только если бы кабан не шевелился, а для этого он должен быть уже мертв. Убежать нельзя кабан – быстрее и выносливее. Исхитриться, и попасть ножиком в бок – это значит разозлить кабана еще больше, потерять нож, умереть от клыков, а потом, если удар был удачный, может кабан и сдохнет от потери крови. Можно было бы залезть на дерево, но тут была небольшая проблема – как ни странно, в этой части леса не было ни одного достойного, крепкого дерева, которое кабан не смог бы раскопать и уронить. Тем более, ничем не занятый зверь мог жить под деревом сколько угодно времени, а Альфонсо не мог.

Единственный шанс – подземный лес – амалиновая роща.

У дерева, кстати, были сочные, красные плоды, похожие на яблоко, но любое животное, прельщенное сводящим с ума ароматом, проваливалось в яму, где и погибало, пронзенное прочными, острыми ветками с длинными шипами, которые впивались в кожу как гарпуны. Потом эта яма зарастала густой травой, тоже плотоядной, готовой быстро прикрыть своими быстрорастущими стеблями ловушку за небольшую долю гнилой тухлятины. Хотя нет, не любое животное погибало в яме.

До самой ближайшей ямы – сложно, но все же различимой от остальной травы, осталось несколько шагов – как кабан злобно хрюкнул, и Альфонсо отпрыгнул в сторону, почти вовремя – кабанья туша с рыком пронеслась в стороне, но кабан успел подцепить клыком штанину Альфонсо и, уронив его, потащил за собой. Волочась по земле Альфонсо попытался остановиться, воткнув нож в землю; от резкого удара чуть не вывернулись сустав руки из плеча, лезвие ножа сломалось, и он пропахав борозду на девственно чистой поверхности дикого леса обломком клинка, остановился на краю ямы, когда порвалась штанина, упершись лицом в горку сорванных им по дороге трав. Кабан, прокатившись на жирном боку, рухнул в яму лавиной земли, визга и хруста веток, достигнув дна гулким ударом; облако пыли, похожее на гриб, быстро взвилось над землей и медленно поплыло на летнем ветерке.

Альфонсо вытащил ноги из ямы, сел на землю стараясь отдышаться, вытащил листья и ветки из штанов, проклял “поганую свиноту” за испорченный гардероб.

Мерзкое кабанье визжание резало уши. Обмотанный хлыстами колючих веток, кабан метался по дну ямы; освирепев от боли, грыз корни дерева, закидывал передние ноги на край ямы, пытаясь выбраться. Альфонсо выстрелил из арбалета в открытую кабанью пасть и увидел, как стрела пропала где то в темноте чрева. Кабан подпрыгнул и, обвалив край ямы, зарычал диким рыком, пытаясь клыками достать мерзавца.

Больше Альфонсо стрел не тратил, хотел было убраться подальше, пока этот зверь ненароком не выбрался, но, похоже, сегодня фортуна решила посмеяться над ним вдоволь. Пока Альфонсо разглядывал мечущегося в яме кабана, пытался отдышаться, успокоить бешено стучащее о ребра сердце, он находился в сладостном неведении того, что происходило за спиной, но обернувшись от ямы понял – вот теперь это конец.

Прямо перед ним сидел огромный, волк с любопытством разглядывающий происходящее. Сидел он совершенно неподвижно, сияя на солнце шелковистой, черной шерстью, сдвинув уши в сторону визжащего кабана, но глядя на Альфонсо, как зритель в театре, который ждет, чем закончится спектакль.

Поймав на себе взгляд Альфонсо, волк медленно, словно не решив – встать, или еще посидеть, поднялся на ноги, сморщил свой черный, слюнявый нос, обнажил большие, белые

зубы, тоже слюнявые. Рык, негромким рокотом, прилетел из его пасти вместе с ветром, и после этого звука стало очень тихо, даже кабан в яме на секунду успокоился и вопросительно хрюкнул, словно пытаясь спросить, что там происходит на верху. Первой реакцией Альфонсо при встрече с опасностью всегда было действие – быстро бежать, или драться – это был первый порыв, идущий в обход мышлению, которое начинало работать уже после определения степени опасности. Волков он видел немало, отметин от их зубов имел множество, существ, которые предпочитали замирать при опасности наблюдал и до, и после разрывания оных волком на несколько частей.

Но сейчас Альфонсо сидел, не шевелясь, ошеломленный тем, что видит перед собой.

На голове у волка, прямо между ушей, алел бант, собранный из красивой, шелковистой ленты, подвязанный на шее прямо под мощной нижней челюстью пасти.

Злобные глаза убийцы, мощные, мускулистые лапы, с острыми когтями, способными за секунду разорвать человека пополам, большие зубы, жестоко контрастировали с бантиком, которым мамаши завязывали косички девочкам. Даже в страшном сне Альфонсо не смог бы себе представить картину, в которой жертва волка, в предсмертных судорогах, уже видя перед собой свои внутренности, вдруг решила бы, что волк слишком некрасивый, и перед мучительной смертью завязала бы ему на шее бант.

Бросился волк на Альфонсо внезапно, резко и беззвучно, но, не заметив подземного червя, угодил передней лапой ему в нору.

Подземный червь рос и развивался в земле, выставив на поверхность земли свой зубастый, круглый рот, которым легко мог сломать, или даже оторвать ногу человеку. Много раз видел этих червей в норах Альфонсо, и научился их быстро отличать от земли, но он никогда не видел их целиком, и никогда не видел, чтобы кто то смог их выдернуть. Однако волк смог. Подпрыгнув от боли, он вырвал из земли порядочный ком, который осыпался, обнажив повисшего на лапе червя. Похож червь был на серо – зеленую колбасу, перевязанную ниточкой, как это делали мясники, с длинными шипами по всему телу, которыми тот держался за землю, чтобы его ненароком не выдернули; увидел его Альфонсо мельком, поскольку волк мгновенно разорвал червя на кусочки. Лапа волка вся покрылась кровью – видимо рана была глубокой, но не настолько, чтобы отказаться от пищи в лице Альфонсо. Лапы подняли два центнера волчьих костей и мяса легко, но немного криво – больная лапа не сработала, как здоровая, и Альфонсо умудрился увернуться от новой атаки, в полете резанув по волчье морде клинком. Клинком, которого не было больше. Он бросился бежать, оправившись от «бантичного» изумления, но удар когтистой лапы по спине, сравнимый мощью с бесполезностью сопротивления, ударил Альфонсо об землю с такой силой, что тот крякнул от внезапного сокращения легких и раскинул руки. Еще он успел перевернуться на спину, когда увидел перед собой оскаленную, злобную морду волка, карие, хищные глаза, нитку вязкой слюны, сползающей с вонючего языка и проклятый бантик, завязанный, наверное, самим Сарамоном. Зверь поставил на Альфонсо свою больную переднюю лапу, легонько, чтобы не раздавить, но острые когти впились в грудь, а прижатый к земле Альфонсо не мог дышать. В спину впился своими железными детальками арбалет, покалывали сквозь куртку острыми наконечниками сломанные стрелы. Но в данном положении все это были мелочи.

– Медлит, – подумал Альфонсо.

И тут в бок волка врезался кабан: окровавленный, злой, с застрявшими в шкуре ветками и комьями земли, обиженный, наверное, что про него забыли, словно таран снес он зверя с Альфонсо, чудом не понаделав в несчастном ходоке новых дырок копытами. Они вместе покатились по поляне, ломая деревья, кусты и поднимая в воздух листья и землю. В пыльном облаке мелькнули задние ляжки кабана, показалась когтистая волчья лапа, что то хрустнуло, взвизгнуло, захрипело, на весь лес. Икнув от боли в голове и ребрах, Альфонсо вскочил на ноги – очухиваться времени не было, выстрелил из чудом уцелевшего арбалета в возящийся, рыча-

щий клубок двух тел одной из двух оставшихся целых стрел – пусть знают, кто здесь хозяин леса! Вместе со стрелой в сторону отлетела какая то железка – чуда не случилось – от перенесенных жизненных коллизий арбалет сломался.

Альфонсо бросился бежать, и не останавливаясь бежал до самого шиповника, где и упал, задыхаясь от быстрого бега и боли во всем теле. Некоторое время он сидел на прохладной, зеленой траве, приходя в чувство – все таки возраст двадцатипятилетнего старика давал о себе знать – натирал подорожником раны на теле, осматривал свое снаряжение, одежду, сумку с травами. Все это находилось в плачевном состоянии, кроме сумки – сделанная из хорошей, телячьей кожи, она даже не протерлась до конца, хотя и носила на себе следы волочения по земле. Травы, деньги в карманах, были целы. Хоть здесь повезло.

Кое –как отдышавшись, медлить было нельзя, Альфонсо поднялся, и пошел вдоль баррикады из шиповника искать точку входа – узенькую тропинку, где аккуратно и кропотливо были вырваны смертельные шипы этого колючего растения. До точки оставалось метров пятьдесят, однако идти до нее, рискуя снова оказаться в чертополохе не пришлось – Альфонсо открылась целая дорога – кто-то своим мощным телом пропахал кусты шиповника, переломав все ветки, расчистив путь шириной в метр. Вокруг валялись отстрелянные иглы, но крови нигде не было, шипы не только не убили это чудовище, они еще и не пробили ему шкуру. На крайней от дороги ветке колыхались на ветру, словно флаг на башне крепости, чьи то штаны, с порванной штаниной и испачканными коленками. Альфонсо мысленно посмеялся: снова какой то преступник сбежав, пытался спрятаться в лесу, хотя большинство самых отъявленных негодяев предпочитало смерть на медленном огне, однако расстался со штанами, и, скорее всего, с жизнью. Он уже хотел пройти мимо, но что-то его остановило – он посмотрел на штаны внимательней, потом постучал по ним палкой – мало ли какая мерзость в них спряталась, и сунул руку в карман. То, что он вытащил из кармана, заставило его сердце отчаянно колотиться, хотя он и не знал, что он вытащил. Это была вещица, изготовленная из неизвестного материала, прямоугольная, с закругленными углами, непонятными символами и знаками, на которые можно было нажимать, если хотелось заняться действительно чем нибудь бесполезным. Пользы от этой вещи было меньше, чем от камешка – она была слишком легкой, кинуть ею в кого нибудь было нельзя, но Альфонсо обомлел от радости – это был артефакт из Волшебного города. Это было мощнейшее оружие, которым можно было покорять целые страны, подчинять себе тысячи людей одним движением руки, лечить болезни, проходить сквозь стены, а может и летать. Правда, как этим пользоваться, Альфонсо не знал, но разгадав символы в волшебных книгах, можно было бы заставить артефакт работать. Пачка песедов, извлеченная из другого кармана, была лишь жалкой пародией на тот успех, который ощутил Альфонсо до этого.

– Черт, – вдруг подумал Альфонсо, – а ведь это мои штаны.

Он посмотрел на них внимательно – форма растяжек на штанах идеально совпадала с формой ног Альфонсо.

– Это что же Пузо меня, без штанов что ли тащил? А зачем я их снял? Откуда у меня эта вещь?

Чертополох, кроме своего яда, боли бреда и смерти дарил еще один “подарок”– забвение: уколотые обычно не помнили, что с ними было, просыпаясь (если повезло проснуться, конечно) удивленно разглядывали свои окровавленные руки, не понимая, что произошло. Альфонсо же помнил то, что лучше бы забыл-поцелуй ведьмы и Сарамона, но не помнил то, что хотел бы помнить – как попал в лес, почему потерял штаны и откуда у него волшебный артефакт.

Альфонсо потряс головой и спрятал артефакт в карман- время для разгадывания загадок было совершенно неподходящее. Нужно было пройти полянку со змеями, пока волк не заставил его пробежать ее в темпе.

В уши верующих, которые заполняли церкви по воскресениям, из уст святых отцов, вместе со слюной и запахом кагора, летели душещипательные проповеди о демонах, пожирающих душу неправедных, о Сарамоне – алкающим разума слабых верой в Агафенона и волей к спасению, о ведьмах с их проклятиями ритуалами и конечно же, о страшнейшем из когда либо созданных существ – о Кариизии. От леса отгородились длинной, высокой Стеной и молитвами, но щупальца скверны все равно проникали из леса в лоно просвещения и очищения, и иногда, вышедшего из леса могли просто поднять на вилы сами местные жители, если заподозрили в связях с лесом, дабы эти щупальца оборвать. Альфонсо был одним из таких щупалец, но обрываться на вилах он не хотел.

Выходили из леса ходоки обычно рано по утру – когда, после нападения Черных птиц на дежурных на Стене, вместо охраны висели кровавые ошметки от охраны, но сегодня Альфонсо, из – за возни с живностью леса, опоздал до смены караула, и теперь там стояла целая охрана, которая, к тому же, неотрывно пялилась на дорогу.

Альфонсо полз до дороги на коленках, скрываясь в высокой траве; время от времени он останавливался, осматривался, потирал ушибленные ребра, затем полз дальше. Вылезать из травы на дорогу он не решился – стража словно смотрела прямо на него (хотя, похоже, высматривала кого то на дороге), по этому пришлось лечь в траву, проклиная жаркое, июньское солнце, кожаную куртку, натертую свиным салом – чтобы не скрипела, и того, кого так высматривали на стене.

Хорошо хоть ждать пришлось не долго – на горизонте появилось и стабильно начало расти облако пыли, потом в ней возникла черная точка, которая и стала увеличиваться, принимая форму лошадей, усердно и отрешенно тянущих дорогую карету.

Засуетились стражники: поднялся дикий ор командира, все забегали, чуть не сталкиваясь лбами, впопыхах натягивая на себя шлемы, поднимая щиты и копья, сверкали на солнце начищенными доспехами. Солнышко заботливо ласкало лучами света и их, и Альфонсо, который, сомлев от жары в своей кожанке, глядя на железные костюмы солдат, мысленно отвесил им поклон. Он сам был какое то время пехотинцем в армии, и ощущения карася на раскаленной сковородке ему были вполне знакомы.

Альфонсо наблюдал за ними еще минут пятнадцать, пока что-то не заставило его обернуться. То ли сработало звериное чутье, то ли всплыла шальная мысль, которую надо было проверить от нечего делать, но как бы то ни было, волка Альфонсо заметил вовремя, хоть и случайно. Тот стоял у края травы, на выходе из леса и нюхал воздух. На лбу, свисая прямо на глаза, мотался из стороны в сторону рваный, испачканный бант, и никогда в жизни, при встрече с волками, Альфонсо не испытывал такого страха, как от этого, невинного куска тряпки, на макушке огромного зверя. Волк настроил уши в сторону приближающего топота копыт, внимательно посмотрел на стену, как понимающий чего то в людских порядках, увидел Альфонсо, пригнулся к земле и пошел сквозь траву. Альфонсо вжался в землю, скукожился, как мог, притворился пеньком, но нюх лесного зверя обмануть невозможно, и вскоре волчья голова вынырнула из травы неподалеку и оскалилась, злобным рыком, приближаясь медленно и неотвратимо. Одновременно с этим на дороге загудел стук множества копыт, воздух разорвал скрип колес и свист кнута, вперемежку с криком кучера, матерящегося на вечно медленных, по его мнению, лошадей, и остальными звуками быстро едущей кареты. Вырвались из пылевого облака рыцари в чёрных, как мысли самоубийцы, доспехах, с позолоченными гербами на щитах, и стягах на длиннейших древках копий. Огромные лошади, вколачивая копыта в камень дороги, тащили за собой богато украшенную вензелями, белую карету, сверкающую золотом, роскошью и богатством. Волк посмотрел на кортеж, неуверенно оскалился, и большими прыжкам бросился к Альфонсо. Альфонсо, резко вскочил на ноги, и быстро перебежав дорогу прямо перед передними всадниками, побежал к воротам крепостной стены. Расчет был прост, как палка без сучков – волки обычно не выходили из леса и не нападали на большое скопление

людей, однако это был какой то странный волк. Едва не получив копытами по пяткам – так близко он пронесся перед экипажем, Альфонсо намеревался бежать в город не останавливаясь, чтобы благополучно спрятаться, пока есть время, но услышал позади такие звуки, что остановился и посмотрел назад.

Волк побежал за Альфонсо и черная туша его громадным камнем влетела в экипаж, прямо в толпу копьеносцев, сбив двух из них с лошадей. Раздалось такое дикое ржание, что оглох бы, наверное, сам Сарамон; лошади, обезумев от ужаса, вскакивали на дыбы, роняя оставшихся рыцарей на землю с жутким грохотом, словно перевернулась телега с медными тазами. Лошади, которые тащили карету, в панике ринулись, кто куда и моментально запутались в упряжи, попытались разбежаться в разные стороны, выламывая оглобли, потом все же обрели единство и, волоча одного своего несчастного упавшего собрата, понесли карету с дикой скоростью, прямо по ошеломленным копьеносцам, сбив с ног волка, проминая копытами и колесами кареты доспехи. Мясистые зады рыцарей не простили карете такого издевательства: подпрыгивая на таких ухабах, она несколько раз подлетела, и, исторгнув откуда то изнутри себя дичайший женский визг, с хрустом грохнулась на дорогу. С этих пор пути кареты и ее левого, заднего колеса разошлись – колесо покатилось прямо, а карета, вместе с кувыркающимися лошадьми и вопящим кучером улетели в канаву рядом с дорогой.

Первым из кучи тел, оставленной лошадьми на дороге, выскочил волк – с окровавленным боком – подарком кабана, окровавленной лапой – подарком червя, с пыльными следами колес кареты поперек спины и красным бантиком на макушке – он действительно казался выходцем из ада. Копьеносцы повскакивали на ноги, на секунду замерли, ошеломленно глядя на зверя, и черная масса клыков, зубов и шерсти бросилась на солдат со всей яростью Леса, дающей право на свое существование. Сначала показалось, что латники нанижут волка на копья, как мясо на шашлык, но шкура его была непробиваема, мощные лапы ломали древки, как прутики, и осиротевшие железки копий взлетали вверх для того, чтобы бесполезно звякнуть о землю и скромно затихнуть. В агонии битвы волк кружился, как заведенный – удары сыпались на него со всех сторон, но и когти зверя сшибали с воинов шлемы, вместе с головой, ломали пополам щиты, массивными челюстями волк вырывал руки из плеча, дергая головой из стороны в стороны выламывая их из суставов. Последний рыцарь бросил оружие и попытался сбежать, но черная туша пригвоздила его к земле лапой: сквозь лязг раздираемого металла и вопль размазанного ужасом человека, взлетел в небо громкий рык, резанул ухо хруст сломанной шеи.

Среди дороги, в луже крови, в клочках разорванных доспехов и тел, стоял волк, весь с ног до головы покрытый кровью, стоял, тяжело дыша, почти задыхаясь. Пламя боя в глазах его погасло, ноги почти не держали его тело, лишь привычно застыл оскал на исцарапанной, избитой чёрной, окровавленной морде.

Все произошедшее заняло несколько секунд, и эти несколько секунд превратили грозного волка в слабую собаку, бегущего Альфонсо в нападающего Альфонсо. И правда, тот сделал то, что никогда бы не подумал сделать в здравом уме – он побежал на поле битвы, схватил меч, выдернув его из спазмически сжатой руки командира отряда, и бросился на волка. Тяжело дыша, вывалив язык, ждал волк новой драки не на жизнь, а на смерть; он был слаб от потери крови, обессилен от битвы, но он живет по законам леса, а там – нет благородства, нет слабых, там есть мертвые и живые.

По этим же законам жил и Альфонсо, и рассуждал он просто: другого шанса уничтожить врага, который, почему то, начал его преследовать, у него не выйдет. Ничего личного, песик, просто суровая правда жизни.

Однако правда жизни Альфонсо оказалась в том, что дорога была вымощена камнем, а кровь на камне хорошо скользит; замахнувшись Альфонсо поскользнулся на крови и упал, едва не получив по голове своим же (присвоенным) мечом. Моментально волк прижал его к земле лапой, в открытой пасти его виднелись застрявшие в зубах остатки плоти убитых страж-

ников, и зубы эти уже почти раздробили череп Альфонсо, сжавшись на голове со всей звериной мощью, но Альфонсо нащупал скользкую, окровавленную рукоятку меча и со всей, хотящей жить, силой, рубанул волка по шее.

Зверь взвизгнул, как получивший пинка щенок, и бросился бежать в лес, поджав шикарный, лоснящийся на солнце черный хвост.

Альфонсо лежал в луже крови, глядя на небо, чувствуя, как утекает из тела агония битвы и, держась за больные ребра, наслаждался неподвижностью и тишиной. Наслаждался он не долго; медленно поднялся, находя огромное наслаждение в громком кряхтении и богохульной ругани, подошёл к валявшейся на боку карете, волоча, зачем то, меч, по дороге, постучал по крыше:

– Есть кто живой?

В ответ он услышал шорох, странный вздох, но никто не ответил. Альфонсо попытался провести операцию по спасению содержимого кареты, вцепившись в крышку, закрывающую пассажиров от кучера, но ребра пронзила острая боль, и он обиделся на того, кто сидел в карете – не хотят выходить – и не надо.

Он сел на траву, держась за бок, считая звезды, мерцающие в закрытых глазах и проклиная проклятого кабана, ударившего его и не услышал топота копыт, грохота десятков доспехов, крика, и не заметил целую орду наездников, окруживших карету, пока его не отшвырнули в сторону чьи то железные руки.

– Отойди в сторону, холоп – на землю с черного, огромного коня спрыгнул латник – в черных доспехах, покрытых везде, даже на коленках, золотыми вензелями, с гербом на груди, красным плащом и круглым шлемом, с павлиньим пером на макушке. Альфонсо такие шлемы не нравились – они напоминали ему чугунок, в котором Гнилое Пузо варил картошку, но о вкусах не спорят. От удара этого латника, который отшвырнул Альфонсо в сторону, боль в ребрах заиграла новыми красками, а из глаз посыпались искры, и Альфонсо скрючился на земле, корчась от боли, пока железные ноги солдат топали вокруг него, едва не наступая.

Тем временем воин с гербом, судя по всему, главный среди всех остальных, забрался в карету через окошко со стороны козел, отломав закрывающую его доску, потом вылез с молоденькой девушкой на руках, каким то чудом не наступив на подол её длинного платья. Вслед за ним, опираясь на одну из десятка протянутых рук, не твёрдо ступая красивыми туфельками по не красивым обломкам кареты, вышла женщина в некогда шикарном, белом платье с витиеватыми, вышитыми позолотой узорами, богатыми перстнями и кольцами на всех пальцах рук, которые у неё были и диадемой, запутавшейся в волосах и сломавшейся пополам. Испуганный, потерянный взгляд её заскользил по окружающим фигурам, и, увидев знакомые лица, мгновенно стал властным и надменным. Моментально появилась величественная осанка, присущая людям из высшего сословия, тонкие губы сжались в чуть насмешливую улыбку привыкшего к власти человека.

– Ваше Величество, как Вы себя чувствуете? – латник в черном аккуратно, словно стеклянную, положил девушку на землю, сбросил шлем с головы, встал на одно колено, склонил голову так низко, насколько позволяла земля. Зазвенело вокруг, словно в кузнечной мастерской – это попадали ниц остальные солдаты.

– Спасибо, граф дэ Эсген, все хорошо, встаньте – сказала королева и склонилась над девушкой, – бедняжка упала в обморок.

– Лекаря!! – повернувшись в сторону замка, закричал дэ Эсген, причем так громко, что девушка открыла глаза.

– Не удивительно, – подумал Альфонсо, наблюдая за всем происходящим, забыв о своей боли, хотя и не убирая руку с больного места – рука же каким то образом лечит, – От такого ора она бы и мертвая очнулась.

– Граф – прошелестела девушка. Медленно, с помощью десятка услужливых рук, она села на землю, осмотрелась, удивленно, словно только что родилась, ахнула, картинно прикрыв рот маленькой ладошкой:

– Ах, боже мой, какой ужас! Сколько смертей! Мамочка!

– Перестань, дитя мое, не плачь, все уже позади, – королева обняла девушку, – великий Агафенон спас нас от этого ужасного демона. И этот человек…

И тут все вспомнили про Альфонсо. Альфонсо, который поднялся на ноги, пытаясь отряхнуть штаны, нагнулся, неучтиво предоставив ЕЕ Величеству обозревать его филейные части, в такой позе и стал, по негласным законом природы невезения, центром внимания. Впрочем, услышав, что оживленные разговоры затихли и, почуяв на себе пристальный взгляд, он тут же выпрямился и повернулся к королеве.

– Подойди, благородный рыцарь, – вроде ласково, а вроде и властно приказала – попросила королева, и тут же в спину Альфонсо ткнули копьем, придав ему скорости.

– На колени, холоп! – зарычал дэ Эсген и, встретив Альфонсо в конечной точке пути, швырнул за шкирку чуть ли не носом в землю.

– Встань, храбрый муж. Скажи мне, кто ты и откуда?

– Я странник – монах, Ваше Величество, – проговорил Альфонсо первое, что пришло в голову, – я путешествую по миру в поисках умиротворения и спасения души. У меня нет крова, нет родины, моя крыша – голубое небо, постель –Мать сыра…

Альфонсо перебил шум подъехавшей кареты, храп загнанных лошадей. Из кареты выскочил – почти вывалился- маленький, толстенький человечек, с деревянным ящиком в руках, и сразу, с порога кареты, принялся разорять природную тишину летнего поля громкими, визгливыми криками:

– Ваше величество! Ваше Величество!!– бежал он голося все громче и тоньше, – какое счастье, что вы и принцесса Алена живы! Боже, какой ужас! Какой ужас!

– Все в порядке, Дюпон, не стоит так беспокоиться. Посмотрите Алену, ей не хорошо.

– О боже, о боже! – Дюпон бросился к принцессе, – как Вы бледны! Вам нужно срочно, срочно в постель. И принять успокаивающие капли. Срочно, подальше от этого жгучего солнца!! Столько страданий, бедная девочка!!

– Граф, соблаговолите принять странника как гостя во дворце и обеспечить ему покои. Я хочу еще поговорить с ним.

– Но Ваше величество, это опасно, приглашать во дворец всяких оборванцев!

– И все же он спас жизнь мне и моей дочери.

– Но Ваше величество, долг любого человека отдать жизнь за Вас и любого из члена королевской семьи. Он просто исполнил свой долг.

– А где же Вы были, сударь, когда на охрану напал волк? – бесцеремонно вмешался в беседу Альфонсо, которому надоело, что о нем говорят так, словно его и нет рядом, – чего ж Вы свой долг не исполнили?

– Ах ты, смерд, я научу тебя почтению! – в запальчивости дэ Эсген выхватил меч, замахнулся на Альфонсо, но не ударил, как планировал, поскольку тот стоял не шелохнувшись, глядя графу прямо в глаза, точнее – на густые, почти слившиеся в одну брови, надвинутые почти на самые глаза.

У дэ Эсгена было красивое, круглое лицо, которое светилось мужеством и потом, длинные, русые волосы его свисали почти до самых плеч, глаза, если их конечно было видно из под бровей, пронзали мозг стальными стрелами несгибаемой воли, а фигура говорила о благородстве и силе, и если первое качество Альфонсо считал бесполезным, то второе уважал.

– Очень благородно, – холодно, с легкой усмешкой, твердо и с паузами, для веса, проговорил Альфонсо, – нападать на уставшего, безоружного странника. Вашу бы удаль, граф, да на

защиту королевы, но, что то я не видел Вас в битве с волком. Что жаль, ведь когда он сбежал, Вы оказались весьма расторопны в спасении…

– Ах ты тварь! – вскипел дэ Эсген, снова схватился за меч, но королева остановила его движением руки:

– Хватит!

Голос ее звучал строго, хотя ее глаза едва заметно улыбались, похоже что то королеву развеселило, то ли остроумие Альфонсо, то ли она просто любила смотреть на ругань.

– Довольно перепалок. Странник поедет в моей карете. Надеюсь, я узнаю, наконец, как зовут нашего спасителя.

И она поплыла к карете, на которой приехал лекарь, в которую уже погрузили принцессу, и на которой Альфонсо отправится в свое светлое, полное денег, титулов, связей и власти будущее. Сейчас, пока, его не волновало ни то, ни другое, ни третье – он устал, смертельно устал. Глухая боль расползлась по всему телу, пульсировала при каждом биении сердца, при этом хотелось есть, а этот дубина граф пристал со своей злобой.

– Когда Вы поправитесь, – тихо сказал он, – я буду искать с вами встречи, дабы отомстить Вам за Ваши оскорбления. Имейте это в виду.

– Если Ваш меч также ловок и быстр, как Ваш язык, то, боюсь, у меня нет шансов,– ответил Альфонсо, и захлопнул дверь кареты.

4

Приглашение королевы быть гостем в замке считалось огромной честью, о которой не могли мечтать даже некоторые крупные дворяне с сотнями тысяч душ крепостных, чести кататься в одной карете с королевскими особами редко удостаивались только самые влиятельные министры (дэ Эсген вообще маячил где то позади злой, в пыли от колес королевской кареты). О такой чести грезили высшие чины страны. А вот Альфонсо, никому не известный, грязный, ободранный, исподтишка смотрел на неподвижный, строгий взгляд королевы и мечтал бы оказаться где – нибудь в другом месте, невольно сжимая в руках сумку с травами, за нахождение рядом с которыми его легко отправили бы на костер. И не шашлыки жарить.

– Значит, Альфонсо дэ Эстеда – вы отшельник – странник?

Альфонсо вздрогнул от неожиданности, буркнул «да, Ваше Величество», попытался поклониться, передумал, разогнулся, и увидел насмешливый взгляд королевы.

– Впервые вижу странника в черной куртке и арбалетом за спиной.

– Собаки, Ваше величество, – выпалил Альфонсо, – собаки и разбойники, весьма мешают духовному просветлению. И вот…

Он не договорил, потому что подавился слюной. Альфонсо становилось все больше не по себе – ему казалось, что королева видит его насквозь, играется с ним перед тем, как отправить на дыбу святой инквизиции, и что из кареты его уже будут вытаскивать большие дяденьки из дворцовой охраны. Она не показалась Альфонсо красивой, как все королевы, которых описывают летописи: высокая, с прямой осанкой властного человека, длинными, густым волосами, которые в данный момент ниспадали до пояса распущенные и всклокоченные, как пакля, тонкими руками и тонкой талией, большими глазами и маленьким, курносым носом. Что это за баба, если нос не как картофелина? – подумал Альфонсо, поймав себя на том, что пристально разглядывает высокую королевскую грудь и ту часть королевского тела, которая соприкасалась с сиденьем кареты. Потом он почувствовал на себе пристальный взгляд королевы и попытался сесть так, чтобы закрыть дырку на штанах.

Принцесса Алена смотрела на спасителя неотрывно, лишь заметив на себе взгляд Альфонсо, стыдливо опускала глаза, нервно теребила пальцы, перебирая кольца на руке. Была она, как ни странно, похожа на мать, только поменьше размером и Альфонсо она тоже не понравилась: тоненькая, словно точеная фигура, миловидное лицо с курносым, маленьким носиком, большие, наивно распахнутые зеленые глаза, и вечно поджатые, тоненькие губы, в общем шестнадцатилетняя женщина, которой пора было уже иметь двух – трех детей, но которая сама больше смахивала на ребенка. Она явно стыдилась своего разорванного и испачканного платья, и от этого Альфонсо немного полегчало – не он один чувствует себя здесь неловко.

– Разбойники – собаки, – задумчиво проговорила королева, и отвернулась к окну, рассматривая, как выгнанный из кареты королевский врач обиженно мотыляется верхом на лошади, стукая ее, на каждой кочке, своим ящичком по крупу. Она начала задумчиво теребить оторвавшийся лоскут своего порванного, испачканного платья и больше не сказала ни слова всю оставшуюся часть пути.

Высокая, толстая Стена, призванная защищать души праведных от демонов Сарамона, ну и еще, немного, от набегов соседних стран во время войны, услужливо распахнула ворота – пасть, пустив королевский кортеж в страну, под названием Эгибетуз.

Эгибетуз был страной маленькой – самой маленькой страной на Великом континенте. Также как и во всех других странах, жилье здесь стоило тем дешевле, чем ближе оно находилось к Стене – дома под самой Стеной вообще пустовали, бродяги предпочитали замерзать в снегу на улице, чем селиться на окраине страны у Стены, по этому путника, заехавшего в страну через Главные ворота, встречала удручающая картина. Появлялись поселения с маленькими,

полуразваленными домиками, больше похожими на кучи мусора, плотно прижавшимися друг к другу, с такими же людьми внутри: нищие, покрытые струпьями чумы, грязные, нередко покалеченные – серые кучки лохмотьев, с бессмысленным взглядом, обтянутые кожей, не везде целой, скелеты. Они не обращали внимания на ручьи зловонной жижи помоев, в которой копались дети с вздувшимися животами, хлюпая в ней по щиколотку, едва переставляя ноги; увидев карету, нищие кланялись, прожигая пассажиров ненавидящим взглядом. Кроме некоторых пьяниц – те неуважительно игнорировали появление вельможной особы, преспокойно пуская пузыри в лужах, и белых, абсолютно голых мертвецов.

Альфонсо брезгливо морщился, глядя на это убожество, не столько от запаха, который почти чувствовался во рту и резал глаза, сколько от презрения к этим существам – ждут, что кто то вытащит их из дерьма, злобно ненавидят тех, кто этого не делает, то есть всех вокруг, не желая что то делать самим, пытаться выбраться из грязи, предпочитая опускаться на дно. Он мельком посмотрел на королеву-она словно не замечала эти подобные людям тени, она жила в другом, совершенно другом мире на другой планете.

Но чем дальше от стены, тем становилось веселее – появлялись домики побогаче, попросторнее и поопрятнее, затем особняки, потом и вовсе – каменные. Спины прохожих становились все прямее, манеры вальяжнее а животы толще – пахло булочками, сытостью и довольством – даже не верилось, что эти разные миры находились на одном континенте, в одной стране, в получасе езды от чистилища.

Королевский замок находился всего в часе езды от стены, что Альфонсо удивило, ведь короли обычно старались строить замки подальше от леса и скверны, проникающей оттуда но, видимо, врагов – соседей здешние правители боялись больше, чем слуг Сарамона. Замок стоял на высоком утесе, как бы возвышаясь над размазанным под его «ногами» городишкой с единственной возможностью попасть туда – каменным мостом, повисшем над глубокой пропастью. Похож он был на пень, обросший грибами – круглыми башенками, балюстрадами, смотровыми площадками, но пень мощный, мрачноватый и серьезный, как и положено быть замку, готовому отбить многочисленные атаки врагов, либо нападки взбунтовавшейся человеческой грязи, которая могла вдруг решить, что достойна чего то большего, чем нищета. Единственными яркими пятнами на сером теле каменного гиганта были крыши из синей черепицы и флаги, развевающиеся на макушках золотых крестов. Встречать королевский кортеж собрался весь замок, чествуя чудом спасенную королевскую семью и спасителя, и вся эта братия издавала много шума – дико много шума, каждый радовался и ликовал так, чтобы максимально перерадоваться и переликовать соседа перед королевой.

Карета заехала во внутренний двор и остановилась, Альфонсо выпрыгнул наружу на мягкую, красную ковровую дорожку, получив свою порцию звукового удара в виде бурных оваций, подал руку королеве и принцессе – как и положено делать рыцарю. Вложив свою маленькую ручонку в руку Альфонсо, Алена густо покраснела, опустила глаза в землю, прошелестела «спасибо» так тихо, что услышал, наверное, только ветер. И королева.

Она помахала рукой придворным и слабо улыбнувшись, теряя позолоченные бантики, но не теряя достоинства, проплыла к входу в замок. Алена пошла следом, низко опустив потрепанную голову, рассматривая свои ноги, Альфонсо, на миг потерявшись, поплелся следом, потом остановился, думая, что может ему не надо туда идти. У лестницы замка королева обернулась и сказала ему:

– Я думаю, – глаза ее прожгли Альфонсо стальными иглами, – нам всем нужно отдохнуть. Дворецкий проводит тебя в твои покои, монах. Пойдем, Алена.

Дюпон скорчил недовольную мину, брезгливо ткнул Альфонсо в бок пальцем, закрыл свой деревянный чемоданчик, обитый стальными уголками, который не понятно зачем открывал, на том осмотр и закончился. Он пробурчал что то на мычащем нечленораздельном, смысл

его фразы был где то рядом с фразами “ребра целые” и “да что ему сделается”, и быстро убежал к своей ненаглядной принцессе, которую не кормил какими то каплями уже целую щепотку песка в своих маленьких песочные часах.

Вскоре чистого, накормленного Альфонсо в новеньком, серебристо – черном камзоле, чистом белье и штанах из королевского гардероба, проводил в выделенные ему покои дворецкий, услужливо, но немного пренебрежительно открыл дверь, пожелал приятного отдыха, поклонился и испарился тихо и незаметно.

Альфонсо зашёл в свои покои и увидел её. Она стояла посередине комнаты: прекрасная, как утренний луч солнца, манящая и чарующая, пьянящая, словно вино – каждый изгиб её обещал рай, полный неги и блаженства. Альфонсо нетерпеливо скинул с себя одежду, бросился к ней: мягкое, нежное облако ласково обняло его, прикоснулось ко всему телу, наполнило мышцы дрожью до самых кончиков пальцев.

Кровать. От одного этого слова человеку, привыкшему спать на лавке с подстилкой из гнилой соломы, становилось тепло и спокойно, мир останавливался, проблемы пропадали, а сон дарил излечение от любой болезни.

Шелк. Он ласкает слух также, как ласкает и кожу – на шелковой постели не лежат, в шелковой постели плавают, как в облаке. Солома пахнет клопами, грязью, нищетой. Шелк пахнет богатством, сладким сном, красивой девушкой. Даже клопы на шелковой простыне кусаются нежнее. Альфонсо ложился на кровать с мыслью о том, что шёлковая простыня теперь – это его мечта, и с кровати он теперь никогда не слезет, и эту мысль он не успел додумать до конца, потому что моментально уснул. Он наслаждался своим счастьем здесь и сейчас, не думая о будущем, жил настоящим моментом, ведь неизвестно, где он окажется завтра – в лесу, на ветке дерева, в могиле? Но наслаждался недолго.

Постучались в дверь, разлучив Альфонсо с небытием сна и лаской шёлка.

– Ее Величество просила Вам передать, что ждет Вас в тронном зале как только Вы отдохнете, – сказал из- за двери, не решаясь войти, дворецкий, что в переводе с королевского на язык слуг означало то, что прибыть нужно немедленно.

Дверь в тронный зал была огромной, тяжелой, открывалась со страшным скрипом двумя стражами в латах, украшенных позолоченными узорами, гербами, до блеска начищенные и сверкающие – они должны были услаждать взор верховных людей так же, как и огромный стол из редкого карминового дерева, золотые подсвечники, тяжелая золотая люстра на уходящем в небо потолке. В громаде тронного зала королева казалась хрупкой и нежной, с тоненькими, маленькими ручками, и казалось странным, как самое слабое из присутствующих людей может одним движением руки убить самого сильного в тронном зале. Даже сидящие рядом с ней мужчины казались гигантами, и все же…

– Почему столь слабое создание, как королева, управляет сильными людьми, – думал Альфонсо, шагая по гулкому полу тронного зала, под пристальные взгляды сидящих за столом. – Я могу убить ее за секунду. Я сильнее ее. И все же, я пресмыкаюсь перед ней. Вот у волков, кто сильнее, тот и вожак. А здесь, кто решает, кто будет править? Она сама? На каком основании? И как так получилось, что тысячи других людей с этим смирились?

– Ваше величество, – Альфонсо в поклоне встал на одно колено и внутренне усмехнулся своим мыслям.

– Господа это – монах странник, который спас нам жизнь. Его зовут Альфонсо дэ Эстэда. У него нет таблички с подтверждением благородного происхождения – говорит что, потерял в битве с волком, есть только благородное имя.

Голос королевы затих и тишина стала просто оглушающей. Справа от нее сидел старый, тощий старичок в черной рясе, с огромным золотым крестом на цепочке (Агафенон же очень любит золото, ему медь не подходит), черной скуфье, похожей на маленькое, круглое ведро. Из под скуфьи на Альфонсо смотрели маленькие, зажатые складками дряблых старческих век

глаза, глаза жестокого человека, питающегося слабостью других людей. Ниже под глазами находился длинный, старческий нос, похожий на клюв, и множество морщинистой, бело – синей кожи, которой было слишком много везде, где не надо было, но не хватило на щеки, и они были впалыми, как у не умершего ещё мертвеца.

Слева от королевы сидел толстый, заплывший жиром чиновник, в зеленом, расшитом серебряными нитками камзоле, с огромным орденом на груди, казался сонным, глупым, закупоренным в одежды куском теста, которого мужественные петельки камзола из последних сил сдерживали от эпичного расползания. После слов королевы он едва приоткрыл веки, затем только, чтобы снова их закрыть, и с тяжким вздохом уложить щекастую голову на жесткий воротник так, словно ему было скучно.

– Приветствую тебя, честной брат Альфонсо, – сказал старик спокойно, вроде даже миролюбиво, но интонация голоса показалась Альфонсо слащаво фальшивой, как ласковый голос любовницы перед тем, как она всадит нож в сердце. От сравнения старика с любовницей Альфонсо внутренне покорежило, и, видимо, это отразилось на лице в виде гримасы отвращения, которая появилась как раз после слов старика. И старик удивленно поднял брови.

– Я Бурлидо Аск Эгет Мелисский, – патриарх всея Эгибетуза, милостью божьей.

Альфонсо склонил голову.

– Бурлилка багет склизкий, – мысленно окрестил он епископа, поскольку знал – по другому он не запомнит.

– Ты можешь обращаться ко мне «Ваше высокопреосвященство».

Какой мерзкий старикашка с противным голосом, – сказал Альфонсо сам себе в своей голове.

– Знакомство с вами для меня честь, Ваше высокопреосвященство – сказал Альфонсо вслух и снова склонил голову. Он старался держаться уверенно, но подумал, что возможно у него в покоях уже провели обыск, нашли травы, и теперь медленно, с наслаждением тянут на костер, стало жутковато. Альфонсо, на всякий случай, начал незаметно осматриваться – как, если что, сбежать, но сбежать отсюда можно было только через огромную дверь, предварительно пооткрывав, если делать это в одиночку, ее полдня. За это время стражников набежит тьма со всей страны, они еще и пообедать успеют.

– Значит ты монах, – скучно проговорил толстый словно сквозь сон, едва приоткрыв щелочки за которыми скрывались глаза. Твердый, надменный, стальной взгляд. Который тот час же скрылся за жировыми складками век.

– Да, Ваше высокоблагородие.

– Ваша светлость. Монах, убивший волка, зверя, который укокошил десятерых лучших воинов страны?

– Не убил, а прогнал, Ваша светлость.

– Все равно, – отрезал толстый, – десять вооруженных солдат не прогнали, а ты прогнал. Не слишком ли сильно, для монаха с арбалетом за спиной?

– Арбалет поможет против собак, но не против исчадия леса. Стрелами шкуру демона не пробьешь, – Альфонсо улыбнулся –чуть заметно – и спокойно посмотрел толстому в глаза. Однако внутри, в голове металась буря, разрывающая на куски мысли, ломающая способность слышать и думать, буря из старого, доброго животного страха. «Благодарность» за спасение жизни в виде очищения огнем не редкость в среде высшей знати, и теперь шесть пар глаз очень внимательно изучали неизвестного отшельника монаха, который так удачно оказался в нужном месте в нужное время. Альфонсо начал волноваться, появилось ощущение, что он начинает тонуть в чем то липком и вонючем, без возможности вылезти, а эти три фигуры: баба, жирдяй и тощий старик, беспомощные в лесу, но сильнейшие среди людей, топят его ради своих интересов.

– Сторонники нашего ордена сильны верой, но не оружием…– Альфонсо запнулся поняв, что сболтнул лишнего, но было уже поздно.

– Ордена? Какого ордена? – оживился епископ.

– Ордена света, – не моргнув глазом ответил Альфонсо, и закатил глаза, словно молясь про себя. Он чувствовал, что ложь тащит его все глубже и глубже куда то в опасный мрак, ему казалось, что все уже все о нем знают, и только издеваются над ним. Но звериная повадка бороться до конца превратила липкий страх в звериный оскал, слабость трусости в жажду крови и драки. Его не уведут отсюда, его унесут мертвым. И Альфонсо обязательно прихватит кого нибудь с собой. Наверное, того, тощего.

– Не слышал о таком, – сказал епископ и переглянулся с королевой.

– Мы не распространяемся о существовании нашего ордена, – Альфонсо говорил громко, твердо, словно сам верил в то, что городил придумывая на ходу, – члены нашего ордена бродят по свету, сражаясь с демонами силой веры, ибо только вера, повторюсь, способна их одолеть.

– Значит мы не достаточно сильны в вере, раз не смогли его победить? – в словах епископа послышалась угроза, такая, что для Альфонсо ощутимо запахло жареным.

– Выйдите с волком один на один. Там и посмотрим.

Очень сильно не стоило так говорить. От дерзости Альфонсо у епископа аж нос почернел. Как слабая личность, он ненавидел тех, кто сильнее его по характеру, а как наделенный властью, уничтожал их с особой жестокостью, наслаждаясь при этом страданиями своего врага.

Справедливости ради надо сказать, что сам бы Альфонсо, конечно, один на один против здорового волка по своей воле никогда бы не вышел. Он не мог назвать себя верующим, но и неверующим тоже – слишком много неопределенности, не понятных явлений окружают наш бренный мир, но одно он знал совершенно точно – волку без разницы, кто во что верит – он любит мясо. В том числе и вкусное человеческое мясо.

– Да как ты смеешь, еретик!? – епископ вскочил с места подброшенный вверх, видимо, припадком ярости.

– Правильно, пора заканчивать, – сказал толстый, и открыл (почти) глаза, – на дыбу его, там он все расскажет – кто он, где он, откуда он.

– Довольно, – королева подняла руку и два этих источника звука разом погасли. – Ваш орден света охотится за нечистой силой, так ведь? Волк, которого ты прогнал, появляется на дороге уже много дней, каждый день, нападая на простых крестьян и дворян, проезжающих по дороге. Торговля с другими странами под угрозой, дипломатические отношения нарушены – мы можем остаться в одиночестве в эти неспокойные времена. Великий король Аэрон отправился на охоту за этим волком.

– Твоя помощь, честной брат, – королева вперила в Альфонсо свой жесткий, не терпящий возражений взгляд, – в уничтожении этого демона нам необходима. Вот так и проверим, сильна ли твоя вера, и посланник Агафенона ли ты, или нет.

– Ваше величество, я скромный монах, какой такой посланник?…

Но королева уже поднялась с трона, а это значит – слова бессмысленны, аудиенция закончена.

– Лекарь Дюпон осматривал Ваши раны и не нашел их серьезными, по этому, я думаю, можете отправляться через день, с утра. Начальник королевской стражи, граф дэ Эсген выделит Вам для похода двадцать отборных воинов. Все, что нужно спрашивайте у дворецкого.

–Если ты одержишь победу, – холодно сказала королева, глаза ее обернувшись напоследок, – милости королевской семьи будут безграничны. Если же нет… Лучше не возвращайся в Эгибетуз. Мы безмерно благодарны тебе за спасение: моё, и моей дочери, но если ты не тот, за кого себя выдаёшь тебя ждёт позорная смерть на виселице.

– И не пытайся сбежать, – прокаркал Бурлидо, – стража предупреждена и пристрелит тебя как собаку, при любой попытке выйти за пределы замка без разрешения королевы.

Потом он мило улыбнулся беззаботной стариковской улыбкой:
–Удачи.

Альфонсо еще раз, наверное уже в сотый, осмотрел свой арбалет – благодаря стараниям дворецкого, его починили, вынул из ножен новый, инкрустированный драгоценными камнями, кинжал из лучшей степейской стали, вздохнул и полез на коня. Лошадей Альфонсо не любил, и предпочел бы идти пешком, тем более идти надо было не далеко, но не хотелось позориться перед двадцатью конниками, которые стояли двумя рядами, сверкая на солнце копьями, красным стягом и молодецкой удалью.

Видимо, особых надежд никто на этот отряд не возлагал: благословить воинов приковылял какой то толстый, как бочка, дьякон, побормотал, побрызгал святой водой и скоренько уехал. Королева сказала коротенькую речь и небрежно махнула рукой: мол, выдвигайтесь, и отряд двинулся.

Обнаружить стоянку короля проблем не составило – густой, черный дым поднимался над лесом там, где организовали огромный кострище, видимо, чтобы испугать самого Сарамона, или спалить весь лес дотла. От седла у Альфонсо болела филейная часть организма, и долгое время он был сосредоточен именно на этой проблеме, и немного на том, чтобы сбежать в лес, но этому мешало наличие двух десятков воинов, приставленных, скорее всего, чтобы Альфонсо не сбежал, ведь половина из них была вооружена луками – оружием бесполезным против волка, но эффективным против бегущего Альфонсо. Эти размышления моментально кончились, когда вдруг дунул ветерок, швырнув в лицо вместе с воздухом еще и облачко дыма. Альфонсо насторожился – засвербело в носу, нестерпимо захотелось чихнуть – а этот чих мог легко разрушить хрупкий баланс, который обрел он на спине у скакуна, но не это заставило Альфонсо усиленно волноваться. Запах был знакомый, причем знакомый опасно.

Внезапно Альфонсо резко сорвался с места, оставив остальной отряд недоуменно переглядываться – он хлестал своего коня, словно желая убить его, еще толком не понимая, какая грозит опасность, но как всегда у лесного жителя, привыкшего к постоянной опасности, движение тела у него обгоняло мысль.

Проблему с прыгающими змеями король решил радикально – он просто выжег траву вдоль деревьев, получилась черная земная лысина шириной метров в пятьдесят, до самого шиповника, у которого уже валялось с десяток трупов, и по этой лысине мчался Альфонсо, поднимая облака золы, всеми силами цепляясь за гриву, воздух, вожжи, молясь всем богам, которых знал и не знал, чтобы не грохнуться на землю на полном лошадином ходу.

Лагерь короля был скромен – кроме костерка, практически равного высотой с деревья, и своими нежными, жаркими языками облизывающего синее пузико небушка, походной кухни и двух телег с крестьянами, в нем не было ничего – все равно до дома рукой подать. Альфонсо разглядел короля – огромный, квадратный, в островерхом шлеме, разглядел свиту – человек тридцать в узорчатых латах, с гербами, плащами и перьями на шлемах – больше походили не на войско, а на франтов, которые собрались на парад, стремясь перещеголять друг друга в пышности доспехов. До появления Альфонсо они, видимо, соревновались в умении накидывать лассо на трухлявый пень неподалеку: у одного рыцаря из свиты в руках была веревка с петлей, с которой он так и застыл, увидев скачущего всадника.

Один из солдат тащил бревно, увидев которое Альфонсо сразу перехотел скакать туда, куда скакал. Бревно полетело в костер, и у него по спине пробежал холодок.

Были в лесу такие деревья – с черными, очень гладкими стволами, красивой древесиной и узкой, вытянутой в небо кроной. Дрова из этого дерева горели жарким, синим пламенем, горели долго, до того момента, пока дерево не нагревалось, лопалось и не загорался сок. Сок вспыхивал моментально, разрывал деревяшку на части, разнося все вокруг в щепки, с гулким,

громким хлопком, обливая все вокруг пламенем, которое прилипало к чему угодно и не тухло очень долго.

– Бегите отсюда!! – закричал Альфонсо, едва доскакав до костра, – живо, спасайтесь!! Быстрее!

Но посмотрев на удивленные лица свиты и тупое лицо самого короля, понял – быстро не получится.

– Ты кто такой? – рявкнул король Аэрон и тут раздался треск. Звук, который впечатался в память Альфонсо ожогами, криками боли, запахом жареного мяса. Звук, который заставлял его хотеть бежать не оглядываясь куда подальше.

Он выхватил лассо из рук рыцаря свиты, который так и стоял, как памятник, накинул на шею королю и, обмотав второй конец веревки вокруг луки седла, стеганул коня. Конь рванул со всей силы, опрокинул короля и потащил его по полю, хрипя от напряжения. Подобно быстрому кораблю, дробящему форштевнем морские волны на сотни блестящих брызг, так и Аэрон сравнивал своим островерхим шлемом все кочки, периодически пропадая в облаке фонтаном взмывающей в небо пыли, листьев и травы; по просторам девственно чистой, лесной тиши понесся отборный мат, прерывающийся диким ревом раненного лося. – Давай, родной, тащи! – кричал Альфонсо хрипящему на последнем дыхании коню, но тут лопнула подпруга, седло слетело, и конь выскочил из под Альфонсо как стрела из лука. Альфонсо грохнулся на землю; раздался жуткий грохот, со свистом мимо уха пролетели горящие щепки, чья то голова, которая, как показалось, ещё что то говорила в полете и тут же волна горячего пламени ударила Альфонсо по спине словно огромной лопатой, гигантской рукой швырнув прямо лицом в траву, впечатала в землю.

Если бы Альфонсо не швырнуло на землю со всей силы, не раздавило череп мощным ударом, не оглушило мощнейшим громом, то он увидел бы, как содрогнулась земля, как безумный огненный вихрь прокатился по поляне, поглощая свиту короля, заволакивая небо, вырывая с корнями маленькие деревца и кусты, причесывая травяной покров земли ураганным ветром. Увидев такое, ужаснулся бы сам Сарамон, а черти и ведьмы бежали бы куда подальше от этого ада. Однако Альфонсо пропустил такое зрелище, потеряв сознание, и пробуждение его не было легким. С трудом разлепив глаза, не соображая, что он делает и где находится, он зачем то встал, шатаясь как пьяный, держась за голову, слушая сильный звон в ушах, глядя на стены огня окружающие его повсюду. Потом упал.

Обезумев от жгущей боли в спине, Альфонсо полз куда то, через кусты репейника, проваливаясь в брошенные змеиные норы обожженной рукой, роняя слюни, смешанные с грязью, на обгоревшую землю. По пути он наткнулся на одного рыцаря из свиты – пробитый щепкой чуть меньше детской руки – сквозь латы, он отлетел на двадцать пять метров и теперь дымился, лежа на боку, раскидав руки и ноги в неудобной для живого позе.

– Развели вы костерок, козлы – проскрежетал зубами Альфонсо незнакомому трупу. Потом у него от боли закружилась голова, а потом он утонул в блаженном мраке.

5

Свет прожигал глаза через маленькое, зарешеченное окно высоко под потолком, освещал на каменном полу четыре квадрата—остальная часть помещения терялась во мраке, который в купе с запахом гниения и фекалий казался твердым, а от жгучей боли спины и шеи еще и колыхался. Альфонсо долго соображал, где находится, кто ползает по его спине и лицу, что колет в щеку и откуда такой странный запах гнилой травы, пока медленно, кое как собрав в кучу разрозненные, бегающие в голове мысли, понял, что находится в темнице. По спине бегают блохи, куда же без них. В щеки колет солома, кстати, не первой свежести. Он попытался передвинуть голову, чтобы лечь поудобнее, и тут же осознал, что нуждается в громком крике от боли, в чем не смог себе отказать.

– Он очнулся, – сказал мужской голос где то над ним, – скажи его высокопреосвященству.

– Будет сделано, – голос, который это ответил, судя по грохоту ног в гулком коридоре, быстро убежал.

– Не к добру это, – подумал Альфонсо, и с этих самых пор зарекся спасать кого то королевской крови, хоть для этого и не нужно было бы пошевелить даже пальцем.

Вторично зарекся он спасать кого бы то ни было и тогда, когда двое стражником потащили его по коридору казематов, спускаясь по винтовой лесенке все ниже, в самый ад. От боли Альфонсо периодически терял сознание, и в последний раз очнулся уже на столе, когда его окатили холодной водой, лишенный возможности двигаться, зато способный созерцать темный, закопченный потолок, с висящими на нем ржавыми крючьями, на одном из которых висело что то чёрное и засохшее-то ли оторванный язык, то ли тряпка.

Пыточная. Руки и ноги разведены в виде креста, на котором повесили мессию Агафенона – Кералебу, привязаны по углам стола крепкими веревками.

– Здравствуй, честной брат, – сказал Бурлидо и физия его появилась в виде черного силуэта в поле зрения, заслонив потолок.

Альфонсо не ответил. Сначала потому, что хотел прокричать стандартную фразу, типа “Какого черта меня связали? ”, но ответ напрашивался сам собой – месть, а потом ему вдруг пришла светлая мысль изобразить горячечный бред, поскольку, если бы он был в добром здравии, то что бы он не сказал, все бы кончилось казнью. Допросная работала эффективно, все, кто сюда попадал, признавались во всех смертных грехах, даже в тех, которых не существовало в природе, в любом случае.

Альфонсо изобразил самый бессмысленный взгляд, который смог, открыл рот, пустил слюну.

– Демон!! – заорал он вдруг со всей силы, глядя на Бурлидо, так громко и неожиданно, что двое стоявших позади священника подпрыгнули, – демон, изыди, бес!!

Альфонсо дёргался на веревках, временами подавляя приступы рвоты, головокружение, и с жуткое желание поскорее умереть, лишь бы не было того огня, от которого сползала лохмотья кожа спины, орал благим матом, призывая ангелов Агафенона спасти его от демонических притязаний на его душу. Крик приносил некоторое облегчение, отражаясь от закопченого, деревянного потолка, ударяя по ушам немного отвлекая от боли. Бурлидо терпеливо ждал, пока Альфонсо не замолчит, улыбаясь сладострастной улыбкой, и, как показалось Альфонсо, пуская на пол тоненькую ниточку слюны.

– Человек, представившийся как монах ордена света, по имени Альфонсо дэ Эстеда, ты обвиняешься в колдовстве, связи с лесом и пособничестве демонической силе, – заговорил епископ, едва услышал тишину .

– Нашли, все таки, – подумал Альфонсо и захрипел со всей силы, – Псина, убери свою вонючую пасть, силой Агафенона и посланника его Каралебу, Кариизий, призываю тебя, отправляйся обратно в ад!!!

Тут он захохотал, поскольку полностью копировал поведение уколотых чертополохом, и хохот звучал в этом месте жутковато, так жутковато, что даже палач на секунду перестал шерудить в камине, хоть и был привычен к разного рода реакциям на пытку.

–Какой ты тощий, как скелет, – смеялся Альфонсо, иногда срываясь в кашель, – бог что то тебя совсем не любит, из остатков наверное лепил…

– Ваше высокопреосвященство, он не в своем уме, – сказал кто то, кто стоял рядом с епископом – возможно палач, но вряд ли – орудие не разговаривает. Скорее всего это был один из священников – помощников епископа.

– Он притворяется, – ответил епископ, но Альфонсо все же уловил в его голосе некую долю сомнения.

– Кариизий, чертов демон, охотится за его величеством, королем всея Эгибетуза, – бормотал Альфонсо, полузакрыв глаза, – нужно уничтожить его, иначе конец всем… Тьма, тьма поглотит всех…

– Действуй, – сказал Бурлидо.

Палач безразлично воткнул в бок Альфонсо раскаленную на огне спицу, и оказалось, что спина не так уж сильно была обожжена – сквозь лопнувшую кожу внутрь тела проникла такая боль, что вокруг стало темнее.

Огонь, огонь горит во мне!!! Он пожирает а-а-а-а, всех а-а-а-а!!! Бегите, бегите пламя а-а-а-а-да-а-а-а!

Тошнотворно запахло жареным мясом, и Альфонсо снова почувствовал приступ рвоты, одновременно с этим он стал задыхаться . Он дышал – часто –часто, глотая жаркий, затхлый воздух пыточной, словно это могло спасти от боли, только воздуха все равно не хватало.

–Ну что проходимец, ты признаешь себя виновным?

–Изыди, Сарамоново исчадье.... А-а-а…

Палач спокойно достал из очага сверкающую красивыми искрами железку, посмотрел на переливающимся малиновым цветом пруток (совсем, недолго, но очень поэтичным взглядом), сквозь две неровных дырки в островерхом колпаке, и прижал его к пяткам Альфонсо.

– Признавайся, падла!!

Может быть Альфонсо и признался бы, только он уже не слышал голоса Первосвященника, блуждая где то между кошмарными видениями, которые кусались и плевались огнем, пока все вокруг красиво и болезненно горело. Он гулял по горящему полю, точнее – бежал по нему сожженными до мяса ногами, за ним бежал злой и пылающий король, похожий на Сарамона, и материл все время, пока катарсис прохлады не выдернул его из лап придуманного чудовища и вернул в лапы настоящего. Не тем богам поклоняются глупые люди – ведро холодной воды – вот истинный спаситель. Последние капли его стекали на пол, унося с собой блаженство, обнажая мучительной жар.

– Ну как тебе, еретик, божий суд? – хищно оскалился Бурлидо, прикрыв масляные глазки, хотя садистический огонёк было видно, кажется, даже сквозь веки.

– А ты бог что ли, что бы судить? – отчётливо и ясно сказал Альфонсо. Вообще то он особо не понимал, что говорит: слова в его голове с трудом пробивались сквозь пульсирующие спазмы огня, ломаясь на куски не рожденными, – Ведро с водой – вот бог....

– Давай, прижигай железом, только смотри, не убей ненароком – сказал Бурлидо, палачу.

– Признайся, что ты чертов ходок, паскуда, – сказал Бурлидо Альфонсо, – и все тут же закончится.

И снова красное железо прикоснулось к белому животу, оставив на память чёрный, вздувшийся гноем поцелуй.

–Ну!!!

– Пламя, Кариизий придет, он уже у порога… Сарамон здесь…

– Ваше высокопреосвященство, это бессмысленно, он свихнулся, он не подпишет признательную.

Это вякнул один из священников.

– Нужно выбить из него признание, пока не очнулся король – сказал Бурлидо. – Крепко держится, гад видимо, огонь на него не действует. Ломайте кости.

– Ваше высокопреосвященство, – в камеру вбежал кто то, кто не привык бегать, и теперь тяжело дышал от нагрузки, зато умел пресмыкаться, одной даже интонацией голоса, и теперь делал это мастерски. – Его величество очнулся.

– Черт, – выругался епископ, – не успели. Если бы он признался в ереси, его бы точно отправили на костер. А теперь…

–А теперь он все расскажет королю, и его величество будет в ярости, раз мы судили спасителя королевской семьи без его ведома.

– Не расскажет. Этот монах спятил, отвяжите его.

– Что было в той сумке, что за травы? – спросил Бурлидо одного из своих помощников.

– Мускусиада, гексаметан, анаэстэда зеленая, голубика, черника – все травы из леса.

– Королева хочет представит его посланником божьим, ангелом спасителем королевской семьи, упавшим с небес. Этот ублюдок поставит под угрозу всю нашу церковь, всю мою власть… Отвязывайте его и тащите в его покои.

– Альфонсо лежал на животе, на огромной кровати в королевском дворце, предоставив свою обожженную спину и пятки ласкам летнего ветерка, залетающего из открытого окна проведать больного. Проведать больного прилетали и мухи, которые беззаботно и безнаказанно лазили по всему телу и надоедливо жужжали, чем сильно досаждали больному. Альфонсо лежал, стараясь не шевелиться -каждое движение причиняло боль, не соизмеримую с необходимостью двигаться, хотя тело и чесалось, невыносимо от мух, жары и ожогов.

На спине лежали мокрые, а самое приятное, холодные тряпки, которые ненадолго, но уменьшали зудяще – жгучую боль, ставшую до тошноты надоедливой и мучительной. Когда тряпки нагревались, снова начинало жечь спину и тогда Альфонсо тихо орал:

– Гнилуха!! Гниль!! Где ты, ведьмино отродье!!

Прибегала девушка, осчастливленная честью ухаживать за капризный монахом, и бегать с мокрыми тряпками по жаре каждые пять минут к колодцу, извиняясь за то, что что долго бегала, задыхаясь лепетала оправдания тоненьким голоском, кланялась, наверное – Альфонсо этого не видел, но все равно ему было приятно. Приятно было чувствовать себя выше другого человека, готового служить, безропотно выслушивать оскорбления, благодарно хлопать глазами, если их не было, угадывать желание, или подстраиваться под настроение. У волков тоже была строгая иерархичность, но там вожаком в стае был самый сильный волк, и он не требовал себе служить, он просто съедал лучшие куски мяса и забирал лучших самок.

Рабство – великое изобретение человечества, – думал Альфонсо, после речи, колеса и стекла.Если, конечно, раб не ты, а кто нибудь другой. И он наслаждался этим изобретение во всю, находя удовольствие в том, чтобы недовольно кричать на весь дворец:

– Ну осторожнее, курица криворукая, больно же! – когда несчастная снимала со спины тряпки и укладывала новые, только остуженные в колодце, хотя прикосновения ее рук были не чувствительнее упавшего лепестка ромашки.

– Простите, святой отец, – чуть не плача говорила Гнилушка, невольно, по незнанию, причислив простого монаха к лику святых.

Как и во всех остальных странах, имя ребенку при рождении выбирал писарь, который и выдавал новорожденному ребенку дощечку, с выцарапанным на ней именем, датой рождения,

титул, если таковой имелся. Детишкам, которым посчастливилось родиться в богатой семье, торжественно дарили золотую табличку, присваивая имя, за которое родители щедро заплатили, и потом статус человека можно было узнать по имени. Бедным же семьям писарь «дарил» те имена, на которые ему хватало фантазии, вот и ходили по свету «жирные коровы», «пердуны», «склизкие выкидыши» и прочие творения богатой фантазии писаря. Так что, можно сказать, Гнилушке еще повезло с именем.

– Гнилушка!! – закричал Альфонсо, едва девка убежала снова мочить тряпки. От вынужденной неподвижности ломило все тело, мокрая, липкая простыня противно хлюпала при дыхании, к тому же было скучно, а всем известно, что унижение того, кто не может ответить, лучшее лекарство от скуки. Хотелось на кого то поорать, и раболепная Гнилушка была для этих целей идеальна.

– Где ты, срамная баба?

Послышался шелест платья, торопливые, легкие шаги, призрачное дуновение ветерка оповестило о присутствии еще кого -то в комнате.

– Где тебя черти носят, чучундра?! – Я тебя что, полдня кликать буду? Вазу мне ночную принеси, дела у меня появились…

– Простите, я… – услышал Альфонсо голос где то возле окончания своих ног и поперхнулся.

– Ваше величество, – испытав все муки ада, кусая губы от досады и боли, он перевернулся на спину, предварительно неловко побарахтавшись в кровати и посверкав голым задом, попытался встать, но поскольку форма больного не предполагала наличие приличного костюма, сел на кровати и натянул на себя одеяло, всё ещё не решив, каким образом нарушить этикет: не встать в присутствии особы королевских кровей, или оказаться перед ней же в чем мать родила. Сидя на кровати, натянув на себя одеяло, Альфонсо неловко поклонился, едва не стукнувшись лбом о колени.

Алёна неуверенно остановилась на пороге покоев, отвернув голову в сторону, красная, словно ошпаренная, стыдливо опустила глаза, тщательно рассматривая свои туфельки. Она была похожа на любопытного олененка, который вот – вот готов сбежать при первом шорохе, но все равно стоит и смотрит на непонятную ему вещь – разрываясь между страхом и любопытством.

– Простите, честной брат, если побеспокоила Вас, – пролепетала принцесса.

В покоях жужжала муха, и из за этого половину ее слов вообще не было слышно. Альфонсо пристально наблюдал за этой жужжащей тварью (в смысле, мухой), и лихорадочно соображал, что бы такое сказать, чтобы разорвать проклятую, неловкую тишину.

– Я… Мне нельзя было приходить сюда одной, но я отослала девушку, я просто не могла не поблагодарить Вас за столь мужественное спасение, ведь если бы не Вы, то я, мы с мамой, наверное…

Голосок ее был тоненький, еле слышный, в конце вообще иссяк, словно принцесса лишилась сил. Алёнка нервно теребила ленточку на платье, грозя её оторвать дрожащими руками. Только сейчас Альфонсо обратил внимание на её наряд – белое, расшитое вдоль и поперёк золотом, сапфирами и бриллиантами платье, изумрудные перстни и браслеты, усевшиеся на тоненькие ручки, сверкающие на солнце бриллиантовые серьги, свисающие чуть ли не до самого плеча, подведенные углем брови, раскрашенные вишневым соком губы. А сложность сооружённой на голове причёски, расшитой серебряными нитками с восседающей над чёлкой диадемой, соперничала, разве что со сложностью возведения замка с башнями.

– Вот чего припёрлась? – злобно подумал голый, больной, жалкий сам для себя Альфонсо, сидящий на горе съехавших под зад мокрых полотенец, – Ещё и вырядилась, как на бал.

По сравнению с этим сверкающим великолепием, прекрасный, в своем воображении, Альфонсо был просто убогим, нищим крестьянином, вернувшимся из купания в грязной луже.

Принцесса не смела поднять взгляд, чтобы увидеть результат своих стараний (точнее, результат стараний кучи придворной прислуги), но кокетливо, хоть и неосознанно, повернулась в профиль, чтобы выгоднее продемонстрировать свой силуэт. Получивший свободу висеть как ему хочется локон, не остался без внимания, и был также кокетливо намотан на усыпанный перстнями палец.

Тишина затягивалась, нужно было что то сказать, что то галантное, но, к сожалению, в лесу Альфонсо не научился разговаривать с высокопоставленными особами.

– Да ладно, чего уж там…– пробормотал он, еще и рукой махнул, и только потом, вдруг понял, что сотворил вопиющую бестактность, – торопливо добавил: в смысле… я бы с радостью отдал бы жизнь за Вас. Ну и за остальных тоже… Надеюсь, Ваше Величество не сильно побились… то есть, пострадали, пока кувыркались (шумный вздох)… То есть в аварии?

Он мог поклясться, что глаза у принцессы стали в два раза больше, чем были изначально. Даже диадема немного съехала вперёд, посмотреть на олуха, который так разговаривает с особой королевской крови. Альфонсо стало стыдно, и стыд, как это у него всегда было со страхом, разозлил его.

Вот чего вылупилась? – подумал он, – корявой речи никогда не слышала что ли?

К счастью, мы с матушкой отделались ушибами и, благодаря Вашему героизму и отваге … Ещё раз, спасибо – пискнула принцесса и торопливо повернув голову на шум, раздавшийся в коридоре, быстро выбежала из покоев.

– Королевская кровь, – подумал Альфонсо ей в след, – Гнилое Пузо молчит громче, чем она разговаривает.

Спустя неделю Альфонсо начал потихоньку ходить, морщась от боли и стараясь не наступать на пятки. Отвыкшее от движения тело не особо радовалось такой ходьбе – хорошо же лежалось, а вот получивший свободу мозг радовался тем приятным мелочам, которые дарили человеку ноги: бродить, туда сюда, самостоятельно ходить по нужде в другую комнату, оставаясь в гордом одиночестве при деликатном процессе, разминать ноги. Альфонсо хорошо кушал, сладко спал на мягкой постели, не хватало только женщины и тогда его жизнь полностью бы достигла той цели, которую закладывала природа в человека при рождении – есть, жить и размножаться. Это было светлое время, и оно не могло продлиться долго.

Однажды вечером в покои ворвался дэ Эсген с двумя стражниками, которые и заковали Альфонсо в кандалы, запихнули в черную, наглухо задрапированную занавесками карету, сами сели по бокам. Дэ Эсген примостился напротив.

– Готовься к смерти, проходимец, – сказал он, – великий государь Аэрон будет тебя судить за спасение короля особо унизительным способом. Завтра – дэ Эсген чуть-чуть пододвинулся и приподнял кусты своих бровей, – тебя четвертуют.

–За какое оскорбление? За что меня судить? – Альфонсо опешил, чем явно доставил графу удовольствие, – я, вообще то, всю королевскую семью от смерти спас!

Я бы сам тебя придушил, гаденыш, – прорычал дэ Эсген, не давая себе труда отвечать на вопрос, – только мне строго-настрого запретили тебя хотя бы пальцем трогать. Но я с удовольствием подержу коней, чтобы они разрывали тебя на части как можно медленней…

Но Альфонсо его уже не слушал, он слушал свое дико бьющееся сердце, странный шум в голове и смотрел на свои трясущихся руки, хоть и не видел их в темноте.

В абсурдности правосудия и ее гибкости по отношению к власть имущим и богатым людям, способным растоптать из –за своей выгоды десяток людей поменьше рангом, Альфонсо был наслышан- богатые всегда правы, но до конца не верил, что это произойдет с ним. Не укладывалось это у него в голове и тогда, когда посредством открывания огромными стражниками в богато украшенных золотом доспехах, его втолкнули в тронный зал – настолько огромный, что трон в нем нужно было постараться найти. Звуки шагов и лязг кандалов стены и высо-

ченный потолок услужливо возвращали обратно в виде эхо, которое било по ушам и казалось громче, чем исходные звуки.

Тронный зал был не только огромен – он еще был шикарен в смысле украшений – все вокруг блестело золотом и драгоценными камнями: драпировка из красного бархата, канделябры со множеством свечей из дорогого воска, способных избавить от лучин небольшую деревню, рамы огромных картин – на одну из них, там, где был изображен Аэрон на коне в натуральную величину – Альфонсо даже засмотрелся, пока его не толкнули в спину, стимулирую к движению вперед. Если задрать голову, то там, высоко-высоко под потолком, можно было видеть, как болтаются люстры из драгоценного металла, но он голову задирать не стал – одной стимуляции ему показалось достаточно.

А вот трон у Аэрона вроде бы и был роскошным, где то, может быть, даже слегка красивым, в некоторых местах, но достаточно поистрепался и, видимо, уже порядком устал нести на себе ношу в виде королевской задницы. По правую сторону от короля, тоже на видавшем виды кресле, сидел толстый «его светлость» и казалось, спал, но Альфонсо показалось, что это только показалось. Что то нехорошее чудилось ему в глубине этой головы, прилепленной к слишком большому, для одного человека, телу.

С сидевшем по левую сторону Бурлилкой все было проще – тот прожигал Альфонсо взглядом, полным ненависти, смешанной со злорадством, причем пропорции этих чувств постоянно менялись, и из-за этого губы его то презрительно опускались, то злорадно поднимались.

Альфонсо дотолкали до нужного места, толкнули так, чтобы он упал на колени, где, по идее, он должен был склонить перед королем голову. Но он это сделать забыл, поскольку почувствовал резкое жжение в желудке, и отвлекся на него; момент был упущен а король уже нахмурился.

– Значит, Альфонсо дэ Этеда? – грозно спросил он.

– Да, Ваше величество, – робко ответил Альфонсо. Потом ему показалось, что голос его звучит слишком жалко и он внутренне собрался, сжал поплотнее губы и прямо посмотрел на Аэрона.

– Табличка, доказывающая твое право носить благородное имя, у тебя есть?

– Я потерял ее в битве с волком, Ваше величество.

– Значит, ты можешь быть кем угодно, откуда угодно, а имя твое может быть выдуманным?

– За меня может поручиться только моя честь, Ваше величество.

Аэрон хмыкнул, толстый издал звук, одинаково похожий и на фырканье, и на хрюканье, и на то, что он просто всхрапнул. Бурлидо же просто стукнул рукой – веткой по подлокотнику кресла:

– Ваше величество, разве Вы не видите, это демон Сарамона, в обличии человека, посланный расправиться с Вашим величеством и вашей семьей…

Альфонсо опешил. Толстый приоткрыл один глаз – наверное, тоже удивился сказанной глупости.

– Зачем тогда я всех спас? – озадаченно спросил Альфонсо, – легче было просто постоять в сторонке и посмотреть, как умирает вся королевская семья.

– Да, это как то глупо, – сказал Аэрон, – спасать кого то, чтобы потом убить.

– А потом чтобы судили за то, что спас не так, как надо было, – подумал Альфонсо.

–Ваше величество, Вы недооцениваете силы зла. О, они коварны – они не интересуются телом – им нужна душа, а какая душа чище, чем душа наместника Бога на земле – короля? Или – сразу три священных души? Посеять зерно зла в самое сердце веры, в священный сосуд религии, в души особ королевской крови, чтобы взрастить черный лес Сарамонова царства –

вот их цель. Десять отважных воинов пали, в борьбе с черным волком, несомненно подосланным Сарамоном, и кто его прогнал? Причем один!

Бурлидо начал говорить проникновенно, медленно и тихо, но постепенно ускорялся, наращивал громкость голоса, привставая при этом с кресла, и в конце своей пламенной речи уже почти стоял.

– Этот коварный бес пришел забрать ваши священные души с помощью трав и заклинаний, и только спасительный огонь поможет нам, – проговорил он устало, словно обессилил и плюхнулся в кресло.

Звуки извне не проникали в тронный зал и по этому стало тихо – так тихо, что казалось, будто слышно как Аэрон думает. Но это, конечно, было не так – судя по скукоженному лицу Его Королевского Величества, тот терпел муки обгорельца, у него жутко чесалась спина и не было настроения судить кого бы то ни было, тем более, что при этом нужно было думать.

– Впервые мне приходится проводить столь странное судилище, – брезгливо сказал он, – с одной стороны – ты спас всю королевскую семью, с другой – ты нанес тяжкое оскорбление мне, когда волочил за конем словно разбойника. Что скажет первый королевский советник?

Этой фразой он обратился к сидевшему справа толстому мужчине.

– За спасение королевской семьи, – раздался сонный голос откуда то из недр сальных складок висящих щек, – полагается награда – титул и земли. За оскорбление короля, найденные травы, присвоение себе благородного имени – наказание: четвертование, сожжение на костре, выжигание глаз каленым железом…

Альфонсо похолодел. Живот скрутился в комочек, пытаясь спрятаться, а глаза наоборот выпучились, словно это не их хотели лишить права на существование каленым железом.

Аэрон просиял. Во первых, потому что, незаметно, как ему показалось, почесал спину, во вторых – сказанные слова лишили его тяжкого труда напрягать свою голову, разложив все по полочкам.

– Решено, – король встал с трона, – Альфонсо дэ Эстэда – за спасение королевской семьи, тебе присуждается титул графа со всеми вытекающими из этого полномочиями, а также возможность выбрать себе благородное имя, земли, которые будут указаны тебе особо, а за оскорбление короля, ты будешь четвертован, затем сожжен, затем тебе выжгут глаза каленым железом.

Тут Аэрон замолк, потому что задумался, а говорить и думать одновременно он не мог. Он вообще не мог ничего делать, когда думал, даже думать у него в этот момент получалось не очень хорошо. Возможно, пришло ему в голову, что нужно было бы поменять последовательность наказаний, но тогда пришлось бы признать то, что король ошибся, признать то, что король – обычный человек, а это – не во власти монарха. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

– Уведите, – бросил он страже и повернулся спиной.

– Да Вы чего, ошалели что ли все!!? – Альфонсо услышал свой голос с удивлением, и сам ошалел от сказанного. В пасти врага только ярость – твой лучший союзник, и этот друг схватил его за голову, овладев ею полностью. Ярость, рожденная страхом.

– Вы сами слышите, что говорите?!! Как я должен был Вас спасать – уговорами? Да нас разнесло бы к чертям собачьим по всему полю!! А травы мне ваш священник подкинул, а потом меня же и пытал!! Да он меня сразу возненавидел, я один сделал больше, чем все его слезливые молитвы вместе взятые за всю его жизнь…

Если бы у могильности тишины была бы степень, то это была бы могильная тишина крайней степени. Больно и страшно было даже тем, кто не причастен был к такой дерзости и стоял в стороне; даже Аэрон вздрогнул. Он поворачивался – медленно – медленно, и озадаченное, еще не тронутое жутким гневом лицо его открывалось всем постепенно. Король еще не успел схватиться за меч, кинуться на дерзкую пыль у его ног, разрубить паскуду на куски, как дэ

Эсген опомнился первым, выхватил у стражника алебарду и под визг Его высокопреосвященства «да как ты смеешь, еретик!!?» треснул с размаху древком по спине Альфонсо. Первый раз он попал хорошо – хруст костей по громкости мог конкурировать с треском сломавшегося дерева, но Альфонсо отреагировал моментально, от второго удара увернулся и, ударив дэ Эсгена по ногам, уронил латника на спину. Все произошло так стремительно, что когда остальная стража сподобилась что то предпринять, под ударами своего же собственного оружия (древка алебарды) шлем начальника дворцовой стражи стал похож на попавший под телегу самовар. Альфонсо отдался процессу раздробления дэ Эсгеновской головы всей душой, получая удовольствие, несоизмеримое с будущим наказанием (да и что можно еще сделать с четвертованным безглазым пеплом?) пока железный вихрь опомнившейся стражи не снес его с бедняги графа.

Били Альфонсо не долго – чтобы превратить его в скрюченное, окровавленное существо не понадобилось много времени, даже учитывая то, что множество ног, которые участвовали в избиении, попадали не всегда туда, куда хотели, а туда, куда попадали. Один жест Аэрона – и разом все стихло.

– Я отменяю все предыдущие наказания, – тихо проскрипел Аэрон, – Альфонсо дэ Эстэда, я приговариваю тебя к трем ночам дежурства на Стене. Уведите эту тварь.

– Ты легко отделался, мерзкий Сарамоновский выродок, – проскрежетал Бурлидо, – благодари нашего милостивого короля.

Альфонсо не благодарил. Он был сильно занят тем, что тщательно и сосредоточенно пускал кровавые слюни на пол и находился без сознания.

6

…И воскликнул Алеццо: Да изыдет бес из несчастной ведьмы, пусть же освободится душа несчастной, от демона, поглотившего ее. И захохотала ведьма голосом демоническим, но взмахнул перстами Алеццо, и стала корчится бесноватая, освобождаясь от власти Саламоновой, а позже упала на колени, возблагодарила Алеццо, за спасение души, и горела в огне очистительном, с улыбкой на лице, ибо отправлялась она в царство светлое, царство Агафенона Великого, становясь слугой его – ангелом…

Сказ о жизни великого Алеццо дэ Эгента,
святого – основателя Ордена света
Часть 2 стих 3

Стекло… Стекло не было произведением этого мира, оно было подарено людям богами, поскольку и существовало, и не существовало одновременно – оно было словно застывшая вода, только твердая. Производство листа стекла размером метр на метр требовало огромных затрат и стоило невероятно дорого (около ста сорока коров), и позволить его могли себе только очень богатые люди – люди, зарабатывающие деньги точно не своим трудом.

Волшебный город весь был сделан из стекла.

Огромные башни пропадали в облаках, щекотали небо квадратными макушками где то между звезд, торчали столбами, наверное, в облаках, дома у самого Агафенона. Солнце било по ним лучами, лучи разлетались брызгами в разные стороны, искрясь умирали в агонии на зеркально гладкой поверхности дороги. По чистым, до блеска, прямым и ровным улицам ходили боги – в тонких, разноцветных одеждах – счастливые, улыбающиеся, чистые и здоровые, ступали они легко по ровным дорогам, либо катались в роскошных каретах без лошадей, и, соответственно, без лошадиного ржания, топота копыт и производного их жизнедеятельности.

Волшебный город окутывал, манил, растворял в себе шумом, гамом, доступностью всего, что пожелаешь, окружающими красивыми лицами и фигурами, блеском и разноцветными огнями.

– Оставьте все, что вы принесли с другого мира, пожалуйста, вот сюда – сказал архангел в белой одежде, и указал рукой на блестящий, полированный металлический столик.

Альфонсо выложил на столик все, что было, нет, не просто выложил – он очистился от темноты прежнего мира, с каждой новой вещью, покинувшей его, его покидала и мрачность бренного бытия, появлялась легкость. Он был очарован городом, заворожен его красотой и блеском, хотел поскорее нырнуть в него с головой, став частью этого прекрасного мира, хотел так, что в нетерпении переступал с ноги на ногу. При этом, прежде чем раствориться, пришлось проходить через золотой портал – при входе он светился красным светом, на выходе загорелся зеленым.

– Добро пожаловать в Волшебный город, – улыбнулся Архангел.

Альфонсо боязливо ступил на заветную территорию, потом пошел вперед, робко переставляя ноги – улицы были настолько чистыми, что по ним хотелось ходить разувшись. Он шел между огромных башен, поражаясь их высоте, где двери открывались сами, едва к ним подходишь, а когда ему надоело стаптывать свои ноженьки, он сел в карету – без лошадей, кучера, вообще без людей, и она повезла его туда, куда он сказал. Внутренняя бочка восторга переполняла Альфонсо, с каждым новым чудом, с каждым новым цветным огоньком на столбе, с каждым новым метром пути по Волшебству, по миру, который так прекрасен, что его не мог существовать. В один миг бочка взорвалась, не выдержав напора эмоций. Альфонсо не поверил глазам – он вывалился из кареты, едва та услужливо остановилась и открыла дверь, он подбежал к чуду, он прикоснулся к нему, оставив на нем жирный след от пальца.

Он увидел самое прекрасное, что есть на свете.

Он увидел себя.

– Зерцало, – ошеломленно прошептал Альфонсо и Город пропал.

Альфонсо любил жизнь, не спрашивая её, за что он её любит: как и для любого другого зверя, любовь к жизни была для него данностью, как рука, нога или, например, ноготь. В чем смысл жизни он никогда не задумывался – голодный никогда не задумывается, зачем он хочет есть, он ищет способы покушать, и только потом, если не захочется поспать, может и подумает, зачем вообще нужна жизнь. В этом отношении Альфонсо был всегда голоден: он любил жизнь, не всегда взаимно, но всегда самозабвенно и преданно.

Но даже у него были моменты в жизни, когда ему не хотелось просыпаться.

Горечь от увиденного сна слилась с глухой болью во всем теле, и если по отдельности эти две неприятности были слабоваты, для создания угнетенного состояния, то вместе портили настроение изрядно. Голова была пустой, казалось, что отшибли даже мысли, при этом чесалась спина и по телу кто то ползал, нагло и безбоязненно, а шевелиться не хотелось. Ну и ладно – клопы и блохи не из злости кровь сосут, они просто тоже жить хотят, чего на них злиться.

Альфонсо лежал на спине, глядя в черноту вверху темницы – где то там жужжали мухи, оттуда же свалился паук (кстати, ядовитый) и наслаждался пустой головой, пока она не начала наполняться. Гулом, болью, запахом сырости, гнили, несвежей соломы, и тревожный чувством, что он здесь не один.

Темница, в которой очнулся Альфонсо, была маленькой, и все в ней было маленькое – окошко под низким потолком, столик, лавка для сна с противоположной стороны от него, желание жить в этом склепе, и надежды на хорошее будущее. Большими были только глаза, которые смотрели на него из темноты не мигая.

–Ты кто такой? – спросил Альфонсо глаза, получилось хрипло – голос сорвался, и выяснилось, что в горле пересохло, словно в пустыне.

–Не сдох, – сказали глаза женским голосом, а потом добавили, наверное, использовав при этом женский рот:

–А так старался.

Особо опасных (как Альфонсо) преступников сажали в одиночную узницу, где спустя долгие годы обитания в них, страдалец (если его, конечно, не казнили быстро – тогда считай повезло) обретал себе друзей, любовницу или бога, благодаря постоянной тишине, однообразной жизни в каменной коробке и неумной человеческой фантазии. В одиночных камерах разыгрывались настоящие драмы с предательством, изменами, братоубийствами и прочими изобретениями человеческого бреда и галлюцинаций. Бывали и счастливые пары, которые жили счастливо, рожали детей, и умирали все в один день – и настоящий узник, и вымышленные.

Фантазия у Альфонсо была плохая – благо, в лесу она была не нужна особо, но все равно, появление сокамерника было вопросом времени. Но не так же быстро.

Мысли наполняли голову Альфонсо, но наполняли медленно, больше раздражая, чем проясняя, что происходит.

–Ты кто такая? – вывалился вопрос у него из головы, – ты чего делаешь, в моей камере?

–Кто я? – сказал голос, ставший, почему то, более глухим, грозным и милым одновременно. – Я твой кошмар наяву, я твои муки и страдания, я…

–Ведьма! – выкрикнул Альфонсо. Первым его прорывом было бежать, куда не важно, хоть сквозь стены, но порыв был сдержан тем обстоятельством, что бежать было некуда.

Окошко под потолком в страшных муках рождало минимум света, неравномерно распределив его по полу, ровно посередине комнаты четырьмя квадратиками. Именно в ручеек этого света и вышла ведьма: всклокоченные, черные волосы, вместо заколок в них висели черепа

каких то грызунов, наверное, мышей, и конопляные верёвочки, глаза утопали в темных глазницах, блестели откуда то из глубины адским пламенем, платье из дешёвого сатина украшали символы древнего языка, за один только взгляд на которые люди отправлялись на костер. На шее, как ожерелье, висели зубы разных животных: некоторые из которых Альфонсо не раз чувствовал на себе: кабана, волка, енота и лисы. Некоторые Альфонсо не признал.

Альфонсо дэ Эстеда, спаситель королевской семьи, м-м-м какое сладкое мясо наверное на твоих костях, как же вкусно будут ломаться пузыри ожогов на твоей коже…

О ведьмах, как и о ходоках, легенды ходили всякие: расчленение людей, пожирание внутренностей, превращение детей в оборотней – вот список обычных ведьминских развлечений, не считая самого основного – похищения души, превращение в раба Сарамона, совокупление с одновременных поеданием в процессе …

Тонкие пальцы скрючились в форму когтей, тонкие, белые губы обнажили ряд чёрных зубов, глаза лишали сил и воли странным демоническим блеском.

Ведьмы опаивали травами, утаскивали в лес, использовали как пищу для разных животных, отправляя души несчастных прямиком к Сарамону в ад…

Альфонсо затрясло от страха: ведьма медленно приближалась, сворачивался в комок живот, Альфонсо затрясло от гнева: проклятый Бурлилка, это его рук дело: посадить монаха Ордена света в одну камеру с ведьмой.

Дверь узницы открылась с диким лязгом – так, наверное, пел Сарамон, когда был в хорошем настроении, вошёл стражник с подносом, остановился в нерешительности у двери.

–Ты что, корм для могильных червей, стучаться разучился? – рыкнула на него ведьма, и беднягу затрясло от ужаса, а звук словно оттолкнул его к стене, к которой он и прижался, пытаясь сквозь неё просочиться.

– Простите, миссис Лилия, я не мог… Я… Руки заняты.

– Мисс Лилия, ущербный.

Ведьма подскочила к стражнику, схватила пальцами за горло, и тот моментально побелел, став более отчетливым в темноте. Зазвенел кувшин на подносе, рискуя упасть и встретиться с полом.

–Ты что, хотел посмотреть, как вырывается душа из человека? Ты знаешь, что от этих криков ты сам будешь просить меня тебя прикончить… Или… Ты тоже хочешь поучаствовать в ритуале?

–Нет, мисс Лилия, пожалуйста, у меня дети, не надо…

Ведьма отошла, скрылась в темноте, села, судя по скрипу досок, на лавку, и уже оттуда донёсся её зловещий голос:

– Мне нужно новое платье. Шёлковое, красное. Возможно, тогда я тебя прощу… Возможно…

Стражник рыдал. Причём рыдал, уже стоя на коленях, шмыгая носом, молился при этом, и говорил одновременно:

–Вы же знаете, мисс Лилия, это запрещено, меня самого в кандалы закуют…

–Бартарее самфоне разежерна…

–Ладно, ладно, простите, только не забирайте душу, умоляю…

– Свободен.

Стражник бежал так быстро, что едва не забыл закрыть дверь, и на секунду появилась надежда сбежать из этого смрадного погреба, но лязг замка её убил.

Слова древнего проклятия, произнесенного ведьмой, вогнали Альфонс в дрожь, но страх был со странным послевкусием, неявным чувством презрения и жалости к бедному стражнику, столь жалко унижающимся перед… Кем? Стало стыдно, ведь возможно, со стороны, он выглядел так же жалко миг назад.

–Ну что, мяса кусок, что мне с тобой сделать? – спросила ведьма, захохотала, и хохотала она жутко. – Гнойные язвы, харкание кровью, а может – хвост собаки тебе наколдовать?

Альфонсо судорожно сглотнул и поежился. Где правда, где ложь – решает каждый сам, только ни досужие разговоры и ни внутренние страхи не советчики в этом деле. Альфонсо сглотнул еще раз.

– Давай хвост.

Шаг сделан, полет в пропасть начался, что там в конце – приземление на мягкие травы или на острые камни?

–Что? Что ты сказал, грешник? Разве твои попы тебе не говорили, что с тобой может сделать рядовая, среднестатистическая ведьма?

Вот тут чутьем зверя Альфонсо впервые почувствовал что то вроде неуверенности в её словах, и медленно встал с пола, на котором лежал. Он подходил к ведьме медленно, с замиранием сердца – может и вправду проклянет, кинется на него, разорвёт горло, вырвет сердце и заставит его съесть? Но ведьма дрогнула, подалась назад – совсем чуть- чуть, и это решило все.

–Ну раз так хочешь, давай поиграем, – прошипела она и зарычала:

–Батраррее самфоне реззражина, нет садинаени…

Не те слова. Не то, чтобы Альфонсо свободно понимал язык древних, но первые сказанные ею слова он запомнил на всю жизнь – они звенели у него в голове не спрашивая, хочет он того или нет. Ведьма сама не помнила заклинание наверняка, и придумывала его на ходу, не запоминая потом, что говорит.

–Именем Сарамона, будь же ты проклят навеки, – заговорила она на понятном уже языке, – гарбаххала артготф трипио…

На “трипио” Альфонсо схватил ведьму за запястье, резко дёрнул на себя.

– Ай яй, мразь, что ты делаешь? Будь же ты проклят…

Альфонсо сжал ей руку ещё сильнее, резко дёрнул вниз, заставив ведьму рухнуть на колени с хорошим таким стуком оных по полу.

– Чего то я не вижу разницы, проклят я, или не проклят, – усмехнулся Альфонсо, – что ж ты за ведьма такая?

– Ах ты гад, – ведьма попыталась его укусить, уже чисто по-женски, но он дёрнул руку вверх и она получила по зубам своим же запястьем.

– Ну хвост то хоть будет? – Альфонсо начал заламывать ведьме руку, – я всегда кошачий хотел, чтобы по деревьям легче было лазить…

– Больно, пусти, – пискнула ведьма, и он отбросил ее руку от себя. И моментально глубинный религиозный страх вдруг стал смешным, страшное исчадием ада превратилось в обыкновенную, увешанную костями девку лет шестнадцати, заигравшуюся на страхах людей, и теперь плачущую тоненьким голоском, растирая больную руку.

– Хамло деревенское, – всхлипнула ведьма, – здоровый лоб справился со слабой женщиной, гордись теперь собой.

– Зато теперь не будешь корчить из себя черти что, заставляя реветь как баба, тюремную стражу.

– А я не заставляла. Они хотят бояться, и я им помогаю. Не хотели бы бояться, не боялись бы. Если они придурки, верят во всякую чушь, то сами виноваты.

Тонким лезвием насмешки прошлись по кровоточащей ране самолюбия Альфонсо слова ведьмы – ведь он сам недавно боялся её, не замечая, как глупо выглядит измазанное сажей девичье лицо за загородившим взор животным страхом.

– Морду помой, ходишь, как чучундра, – злобно прикрикнул он на неё и сел за столик – ужинать. Надсадно бьющееся за жизнь сердце он пытался заглушить громким стуком ложки, трясущиеся руки успокоить привычным делом – едой, хотя аппетита и не было.

– Тоже мне чучундровед отыскался, – обиженно пробухтела ведьма, но выудила откуда то гребешок и начала старательно причесываться.

Альфонсо лежал на полу у стены, на тощей прослойке из гнилой соломы и тщательно закрыв глаза, упорно и настойчиво пытался поспать. Развлечений в камере было немного: лавка (одна на двоих) чтобы спать, ведро в углу, для естественных нужд и столик, в данный момент пустой и бесполезный. Попытка уснуть и ходьба по кругу были единственными занятиями, которые можно было делать бесконечно .

Может он и уснул бы сладким сном младенца, но ведьма не спала, и спать не собиралась: сначала Альфонсо слышал, как она пыхтит, наклонившись прямо над ним, затем разговаривает с ним, спящим, потом ходит по узнице и шелестит не понятно чем, создаёт стуки не понятно каким образом, предметами, которых в тюрьме быть не должно. Что то с грохотом упало, раздались тихие, приглушенные женские матюки, потом скрип досок – вроде стало тихо, улеглась. Но вот послышались шаги, вошёл стражник, и узница наполнилась голосами, звоном металла, мольбами и угрозами, лязгом закрывающейся двери. На звуках льющейся воды и фальшивом, но очень старательном пении Альфонсо не выдержал, и открыл глаза.

Ведьма стояла в медном тазике абсолютно голая, поливала себя ковшом из ведра водой, пела и фыркала, одновременно, расплескивая воду, уничтожая блаженную тишину.

–Ты чего это делаешь? – удивился Альфонсо.

В темнице для приговоренных к казни любые личные вещи были под запретом, не говоря уже о том, что вода давалась строго по кружке в день, а некоторые сидельцы не видели и этого, развлекая себя целый день тем, что пытались напиться, облизывая мокрые стены. У ведьмы же был даже тазик. Тазик, черт побери!!!

– Моюсь, – ведьма посмотрела на него через плечо, принялась втирать в волосы какой то отвар, пахнущий травами, потом долго массировала голову пальцами, тщательно выжимала волосы, не переставая при этом петь, – и тебе советую.

Она повернулась к Альфонсо передом, раскинула руки:

– Ну как тебе?

– Что, «как мне»?

– Как я тебе, нравлюсь?

– Измазанной в саже тебе было лучше.

– Урод, – буркнула ведьма и начала одеваться – в красное, бархатное платье, которое ей купила и принесла под риском самой оказаться на костре, напуганная до смерти ведьмой стража.

Альфонсо она не нравилась: маленькая, стройная, с длинными, черными волосами до пояса, курносым носом и большими глазами, чем то похожа была на принцессу Алёну, только лицо поострее и характер ведьминский. Ни складок кожи на боках, ни округлого, большого живота у девки не было, как не было и приятных ямочек целлюлита на ягодицах – все упруго, подтянуто, ничего возбуждающе лишнего и висячего, словно создатель пожалел на неё материала, или слепил из остатков.

–Хорошо, что тебя сожгут, – подумал Альфонсо и где то даже пожалел её, – не видать тебе нормального жениха с такой фигурой.

– Значит ты Лилия? Какое то дурацкое имя.

– Сам дурацкий. Лилия – это прекрасный цветок, который растёт посередине болота, среди мерзких водорослей и лягушек, и это полностью соответствует моей жизни.

– За что же такую прелесть всея белого света в узницу заперли – массово ослепляла людей своей красотой?

– Я из леса.

– Чего?

– Я пришла из леса. Всю жизнь жила в лесу. Попалась в городе с травами, вот меня и закрыли.

– Значит все таки ты ведьма: может – слабая, может – неумелая, но ведьма?

– Я не ведьма. Я фиминима.

– Кто?

– Фиминима – жительница лесной деревни.

Ведьма посмотрела на монаха ордена света и, увидев в его глазах непонимание, вздохнула:

– Далеко отсюда, в глубине леса, есть поселения – множество деревень, в которых и живем мы – лесные жители. Мы вот, например, охотимся, а в соседней деревне – Залучине – выращивают зерно и кукурузу, кукуруза так себе, а зерно хорошее, разваристое, и мука чистая, не то что…

– Как далеко отсюда деревня, – перебил Альфонсо Лилию, потеряв надежду дождаться конца ее звукового фонтанирования.

– Далече, ты не дойдешь.

– Откуда ты знаешь? Ты же дошла, а ты баба.

– Я лесная, я жила и родилась… в смысле родилась и жила в лесу, а ты кто – ходок? Походил и снова в город, под стенку вашу, ягодками торговать. Ну и куда ты там ходил, ходок, до болот то хоть дошел?

– С чего ты взяла, ведьма! Я монах Ордена света, и ничего против веры не делал никогда.

– Ой, развлеки меня балладами! Да видела я, как ты по лесу, без штанов, по чертополоху бегаешь, с воздухом дерешься, на ветки кричишь. Я так смеялась, что чуть в плющ не уронилась. Ой, а объятия с деревом – как мило и романтично, думаю, не красиво подглядывать, но позавидовала сосне – тоже хочу, чтоб меня так щечкой по животу…

Альфонсо нахмурился. Теперь ему становилось понятно, почему его посадили вместе с ведьмой – возможно, за ним сейчас наблюдают, слушают их разговор, чтобы Бурлилка мог сказать: вот, ваше величество, я был прав, демон он из леса, не зря я свой хлеб золотой ложкой ем. С другой стороны, зачем все это, если его и так казнят, не понятной, но очень страшной казнью. А может и вправду его высокопреосвященство верит в ведьмистость всех лесных жителей и ждет, что ведьма его сожрет? Вернувшись из своих мыслей, Альфонсо обнаружил, что Лилия уже подсела к нему, прижалась своим тельцем, и, глядя в глаза, что то быстро, долго и очень подробно ему объясняет.

– Сожрать, не сожрет, а мозги вытряхнет своей болтовней, – угрюмо подумал Альфонсо.

–Ты вот меня спрашиваешь, а чего же ты в лес пошла – одна, на костер, практически?

– Да мне плева…

– Ну так от одиночества. У нас женщин много, а мужиков – мало. Мужчин вообще можно по пальцам сосчитать, и все разобраны, у кого то даже по одному на двоих. А у королевы нашей – шестеро – это что, справедливо? А мне уже шестнадцать лет, мне рожать давно пора, вон, Кабаниха, уже троих выплюнула, а ей четырнадцать, конечно если по двое за раз… Так они же охотницы – шарятся по лесам, находят себе мужиков, к себе в дом тащат, а мне за пределы деревни, дальше чем на километр, запрещено ходить – я ведь травница, лечу после охоты всех, кого звери не добили. А где я там себе мужика найду, на сто километров все заняты?… Вот, пошла…одна…через весь лес… Знаешь, кто у нас больше всех мяса получает? Ну кроме королевы и ее поддакивалок? Сизая (ударение на «а»). А знаешь, что она делает? Она поет. Я вот, жизни спасаю, мне одни кости и глаза, а она поет – ей лучшие куски отдают, и мужчин у нее много – «спой еще» кричат, горлодерка чертова. Это разве справедливо?

Лилия всхлипнула, и, наверное, пустила слезу, не упустив при этом момент прижаться к Альфонсо еще сильнее.

Альфонсо она не нравилась, но во первых, – в темноте ее было видно мало, а в четвертых – он был мужчиной, причем долгое время не контактировавшим с женщиной, по этому некоторые процессы в его организме происходили без согласия хозяина.

– Не хватало еще, чтобы меня верхом на ведьме застали…– подумал, он.

–…Шарахаются, как от прокаженной, – шептала Лилия ему в ухо и сладкий мед ее прикосновений обжигал и манил к себе одновременно, требуя продолжения тогда, когда следовало бы отпихнуть ее от себя. Лилия была маленькой, легкоотпихуемой, но легче было бы оттолкнуть от себя сто килограммового мужика, чем лишить себя красок женской ласки и снова оказаться в сером каменном мешке в аскетическом одиночестве.

Все решила дверь камеры, которая распахнулась с душераздирающим хрипом, пропустила в камеру дэ Эсгена, и двух стражников, которые спрятались за его спиной.

– Граф Альфонсо дэ Эстеда, я пришел…

Рывок был настолько резкий и быстрый, что в лучах заходящего солнца, в скудном отблеске дня из маленького окошка удалось разглядеть только мелькнувшее тоненькое тело: Лилия вскочила на ноги, бросилась на дэ Эсгена, оглушила его словами, каждое из которых было похоже на удал хлыста, и сотворено с неподдельной яростью:

– Как ты посмел ввалиться сюда, ублюдок?!! – она вытянула руки, изогнув пальцы так, словно изображала кошку, – или кровавые гнойные язвы по всему телу сейчас привлекают женщин?!!

Дэ Эсген отшатнулся, но, к чести его надо сказать, он быстро взял себя в руки, схватился за рукоять меча одной рукой и распятие креста другой:

– Отойди от меня, ведьма!! – зарычал он и выставил распятье вперед настолько, насколько позволяла толстая, золотая цепь, – иначе ты почувствуешь на себе острие моего меча…

– А может, ты почувствуешь, как черти разрывают твое нутро, кусок верующего мяса?!!

– Отойди, ведьма!! – рявкнул дэ Эсген еще грознее.

– Гори в аду!! – закричала (практически завизжала) Лилия.

– Сядь на лавку и не отсвечивай, – тихо сказал Альфонсо, которому надоели эти крики, ведьме.

– Хорошо, – кротко сказала Лилия, моментально успокоившись, отошла и уселась на единственную скамью. Молча. Видимо, этот момент произвел впечатление на стражу, поскольку брови начальника дворцовой стражи полетели вверх, грозя из одной превратиться в две, а стражники позади и вовсе вылупили глаза и открыли рты, едва не выронив свои алебарды.

– Что то хотели, граф дэ Эсген, – спросил Альфонсо и улегся на солому, повернувшись к нему спиной, – говорите, я слышу.

– Я буду говорить только с вашим лицом, а не с вашей задницей, граф дэ Эстеда!

– Хорошо, тогда до свидания.

Дэ Эсген очень явственно и громко заскрипел зубами, но вернуться, не выполнив задание, он не мог.

– Так и быть, поскольку повернись ты лицом, я бы все равно не заметил разницы. Граф Альфонсо дэ Эстэда, Вам величайшим королевским указом, даруется титул графа с вручением соответствующего документа и Вы приговариваетесь к трем ночным сменам дежурствам на Стене. За сим, грамота на владение землей и титулом Вам будет вручена после исполнения наказания, а первая ночь дежурства состоится завтра, после заката. Удачи, граф Альфонсо дэ Эстэда.

Альфонсо видеть этого не мог, но он мог бы поклясться, что дэ Эсген на последней фразе злорадно усмехнулся, по крайней мере, интонация была издевательской.

– Ой ей, плохо тебя приговорили, – сказала Лилия, когда закрылась дверь темницы, – а нечего было спасать короля. Говорят, его после тебя кроме как «ослик на веревочке» его в народе по другому не называют.

– Себя пожалей, – буркнул Альфонсо стене, в которую смотрел, – будущая головешка.

– Они меня боятся трогать – даже сам Бурлилка боится, вот и маринуют уже почти два месяца. А дежурство на Стене – страшная казнь, вопли по ночам раздаются – на весь город, что уж там делают – не известно, никто же не возвращался, а вот что по утру находят – рассказывают. Знаешь, какая самая частая травма у дежурных, что с утра приходят на смену? Ушиб копчика. Знаешь почему? На кишках поскальзываются. Говорят, после черных птиц ступить на стене некуда – везде внутренности и кровь, сплошным слоем… Да и с ума сходят, конечно, от увиденного…

– Хватит, заткнись, – не выдержал Альфонсо, – тебя тоже как черта боятся, а кто ты на деле? Простая вздорная девка, у которой рот не закрывается, ни на миг.

– Посидишь тут один два месяца, в этом склепе, и ты сболтаешься, – насупилась, судя по интонации голоса, Лилия. – Я вообще слова больше не скажу.

– А знаешь, – сказала она через пять секунд, – у нас в деревне бабка одна жила, ну, может живет до сих пор, так она бредила напополам с криками… А меня с детства заставляли к ней ходить, еду приносить – старая ходить не могла. Как же она на меня орала запросто так! Ох как я ее ненавидела, потому что боялась. А сейчас скучаю. Как бы я хотела оказаться снова сейчас у нее в избе – я бы хоть часами ее слушала: и про понос от кабачков, и про войны богов на железных колесницах, и про летающие между звезд камни, и про Волшебный город, и про молодежь, что нынче не та…

– Что ты сказала? – встрепенулся Альфонсо и, повернувшись к Лилии лицом, впился взглядом в ее глаза.

– Да полоумная была, – охотно пояснила Лилия, расценив его поворот как призыв к действию и медленно, словно боясь спугнуть соседского кота, приблизилась к Альфонсо. – Все молодежь не та, все раньше, во времена ее молодости лучше было… Во времена ее молодости Сарамон еще в пеленках обкакавшись лежал…

– Да отстань ты от Сарамона, – взъярился Альфонсо и сел на своем ложе, – что она про Волшебный город говорила?

– Говорила, что башни там из стекла сделаны, что высотой они в облаках теряются. Боги в них живут, на каретах без лошадей катаются, свет у них везде – словно бы как солнечный, только без костра и свечек. И лучин. В общем, бредила бабка, пока отвара жимолости не напьется, только тогда успокаивалась…

– Ты сможешь меня туда отвести?

– Куда?

– К этой бабке. Она знает где находится Волшебный город?

– Говорит знает. Отвести тебя к ней? Легко, только быстренько на костре погорю, и в путь. Ты что, дурак? Мы, так то, в узнице…

– Иди спать, – буркнул Альфонсо вместо ответа, улегся обратно и повернулся к стенке. Сгорит или не сгорит – неизвестно еще, целая же пока.

– Волшебного города не существует, – сказала Лилия, – это все сказки для маленьких детишек.

Но Альфонсо ее не слушал: в своей голове он уже был в Волшебном городе.

Первый крик был коротким, и даже членораздельным – в нем явственно угадывалось слово “спасите”, повторяющееся несколько раз с разной интонацией и степенью сумасшествия. Альфонсо проснулся моментально, уже готовый куда то бежать и с кем то драться, ещё правда не понимая, куда и с кем. Луна на небе была полной и светлой, лучи её света, словно серебря-

ными занавесками, неслись от окна к полу узницы, делая обстановку в ней контрастно чёрной, но с хорошо различимыми силуэтами предметов.

Вопль шёл со Стены – это Альфонсо понял секундой позже, когда отдельно выкрикнутый, одинокий вопль обрёл себе друзей, потерявшись в диком хоре. Крики со Стены летели непрерывно, словно разрезая тихий ночной воздух и мозг слушающего их ножами, сливаясь в непрерывный оркестр дикого страха и боли; иногда один из голосов обрывался предсмертным хрипением, бульканьем, рычанием и стоном раненного животного. Где то внизу тюрьмы, наверное этажом ниже, кто то протяжно завыл, а в узнице справа закричал, и, судя по звукам, начал биться головой о стену. От этих воплей застывала в венах кровь, а сердце, усиленно стуча, пыталось протолкнуть через себя не жидкость, а жижу из чёрного, сковывающего мышцы ужаса, работая надсадно и самоотреченно, умирая ради жизни человека – носителя. Альфонсо боялся старым добрым животным страхом, который заставлял его что то делать, куда то бежать, а поскольку бежать было некуда, то просто носиться по узнице кругами, сшибая все, что попадалось на пути.

Последний вопль оборвался также резко, как и появился, и в возникшей тишине по ветру понеслись другие звуки: лязг разрываемого металла, хруст костей, треск рвущейся ткани, лопающихся мышц, чавканье, падение с высоты чего то с глухим звуком. Альфонсо подскочил к окошку, вцепился в решётку руками, пытаясь разглядеть, что там происходит на стене, когда услышал тихий, бесцветный и испуганный голос Лилии:

–Не подходи к окну, они тебя почуят.

Альфонсо отцепился от окна, сел на свою солому, и услышал тихий, жалобный голосок, Лилии, больше похожий на мышиный писк:

– Обними меня, мне страшно…

Делать этого не стоило, это было понятно изначально, на всем протяжении пути к лавке – все три шага, но умный мозг проигрывал мозгу древних животных, который заставлял людей сбиваться в стаи при опасности. Ширина лавки не позволяла комфортно расположиться даже одному человеку, по этому Лилию пришлось сдвинуть так, что она практически уперлась носом в стену, а многочисленные волосы ее накрыли голову Альфонсо шелковистой чернотой, и все равно почти половина его тела висела в воздухе, балансируя на грани жизни и падения. Он вцепился в хрупкое девичье тело, обхватив его за талию; бедняжку Лилию трясло от страха, словно в лихорадке, она вцепилась в его руку мертвой хваткой и моментально перестала дрожать. Альфонсо попытался изменить неудобное, висячее положение и случайно толкнув ее, припечатал лбом в стену.

– Ай, – вякнула ведьма, и вцепилась в руку еще сильнее.

Альфонсо не хотел это признавать, даже сам себе, но факт остается фактом – ему стало не так страшно слушать омерзительный хруст костей, который услужливо приносил им ветер и впечатывал прямиком в голову, вот только часть мужского организма отреагировала на такой тесный контакт с дамой по своему, не вовремя но закономерно, и Лилия это почувствовала. Она вдруг снова начала дрожать, гладить держащую ее руку, и ничего хорошего это не предвещало.

– Спасибо, – выдохнула она на сбивающемся дыхании, – ты не представляешь, как страшно быть одной в этом склепе, слушать эти крики каждую ночь…

– Очень хорошо представляю, завтра я будут там в качестве непосредственного участника.

– Это жутко. Завтра я буду слушать твои вопли…

А потом у ведьмы словно плотину прорвало: резко повернувшись, она снесла Альфонсо с лавки, и не успела пройти боль от удара обожженной спины о каменный пол, как Лилия уже сидела на нем сверху, крепко сжав бедрами, словно боялась, что он сбежит.

– Альфонсо, я люблю тебя, – затараторила ведьма громким, горячим шепотом, – люблю с того самого момента, как увидела в лесу – такого красивого, беспомощного и в бреду…

Не успел Альфонсо очнуться, как она вцепилась своим ртом ему в губы, едва не прокусив их, попыталась разорвать на нем камзол – его единственную одежду, но сил ей не хватило, и Лилия принялась расстегивать его дрожащими руками.

– Чего ты делаешь, ведьма?

– Какой же ты все таки болван тупой.

И она принялась покрывать поцелуями его шею и грудь, чмокая при этом так, что казалось, в темноте, что она что то ест.

– Чертова ведьма, – бессильно и обреченно подумал Альфонсо, – все бабы – ведьмы…

И он вцепился в теплое, тонкое тело ведьмы так сильно, что та взвизгнула, прижал ее, уже себя не контролируя, к себе, сладкий запах женщины ударил в ноздри и даже умный мозг захлебнулся кровью и жаром, отпустил свои мысли.

– Помнишь, как ты лежал там, у дерева, – шептала Лилия, срывая с себя шелковое, в темноте черное, а на свету красное платье, – беспомощный, слабый, дрался с воображаемыми демонами, ты умирал, а я сразу тебя полюбила, и это был бы мой самый первый раз, и ты был бы у меня первый…

– Постой, – Альфонсо замер, застыла и Лилия, возбужденно сверкая глазами при призрачном лунном свете, – ты хотела меня трахнуть, пока я умирал от чертополоха?

– Нет, я хотела тебя любить…

– Да хрен редьки не толще…

– Толще… То есть, при чем здесь овощи? Ты бы все равно умер, так принес бы пользу перед смертью, тебе то уже было без разницы. Кто же знал, что на уколотых чертополохом мужская трава действует по другому – вместо всплеска мужской силы ты вдруг начал отчаянно и самозабвенно блевать.

– Так это ты меня травой накормила? Ты мне жизнь спасла?

– Не специально, конечно, но да. И был бы ты в сознании, черта лысого я бы поперлась в этот дурацкий город…

– А поцелуй?

– Я не забуду его никогда…

И Лилия снова впилась губами в губы Альфонсо.

– Я тоже, – подумал он.

Уколотые чертополохом люди обычно не помнили, что видели, с кем дрались и что с ними происходило – и если удавалось очнуться от отравления – то растерзанные трупы товарищей, родственников или просто случайных людей становились для них сюрпризом. Альфонсо помнил все, до того момента, как потерял сознание, и руки его, сжимающие упругую грудь Лилии задрожали.

Он помнил, как покрытые гнойными струпьями руки вырывали его сердце грязными когтями с зазубринами, как черный провал рта прижимался к его лицу, роняя в горло подгнившие лохмотья кожи, как затекала в рот густая слизь, похожая на сопли или сок сгнившего трупа, помнил этот запах…

– Возьми меня, – шептала ему на ухо та самая ведьма, и проникала своим языком ему прямо в душу.

Живот скрутило в тугой узел, и места для содержимого желудка в нем не оставалось. Альфонсо рукой столкнул с себя Лилию так сильно, что та покатилась по полу, взвизгивая на каждом обороте, подскочил к отхожему ведру. Тошнило его долго и упорно, выжимая изнутри даже то, чего там не было, когда же Альфонсо кое как отпустило, он вытер рот рукавом и мельком посмотрел на ведьму. Она сидела на полу ошеломленная, раздавленная, белое голое

тельце ее сгорбилось и стало жалким, даже густые, черные волосы сбились в клочья и повисли сосульками.

– Почему? Почему так? – тихо прошептала она, – неужели я такая омерзительная? Можно же было просто сказать, я бы поняла, я привыкла к этому… Что для вас всех я просто ведьма… Зачем так жестоко?

Медленно, словно во сне, натянула она на себя красное, бархатное платье, которое заставила купить стражников, единственно, для того, чтобы покрасоваться перед Альфонсо, села на лавку, подтянула к подбородку колени, и так и просидела, не шевелясь, до самого утра, не обращая внимания на текущие по щекам слезы.

Альфонсо может быть и дал бы себе труд объяснить ей такую реакцию, но ему было настолько плохо, настолько каждая попытка заговорить была чревата новыми рвотными позывами, что он тоже пролежал на соломе до утра не шевелясь, отчаянно стараясь забыть то, что так неожиданно и не вовремя всплыло в его памяти.

Солнце застало обоих в абсолютной, не свойственной этой темнице тишине – Лилия за ночь так и не сдвинулась с места, не сделала ни одного движения, только перестала плакать и бессмысленным взглядом смотрела, как на стене темницы растет трещина. Альфонсо все еще мутило, и, хоть жалость к бедной глупой девке все же пробивалась сквозь белесую пелену тошноты, но выражалась она по своему – в таком настроении ведьме будет проще умирать, нежели в той постоянной жажде жизни и молодой тяге к светлым эмоциям, которые она проявляла, не смотря на бесконечные, для привыкшего к свободе человека, два месяца. Ни страх перед смертью, ни дни заточения в каменном мешке, не бессонные ночи в одиноком ужасе не лишили ее веселого, вздорного и боевого нрава.

–А я смог одним моментом, – подумал Альфонсо, – сломал ведьму…

Он хотел было успокоить ее, что то приятное сказать, а потом подумал – все равно же сожгут, какая разница, в каком состоянии, и не стал себя утруждать болтовней.

Утром раздался стук, вошел стражник с подносом в руке, боязливо покосился на Лилию, очень тихо и осторожно поставил поднос на столик и удивленный выскочил из темницы; никто из узников не шелохнулся.

Чудные мгновенья тишины, а затем, где то выше начал орать какой то заключенный. Его успокоили, судя по доносившимся звукам, матом и пинками, и ненадолго стало тихо.

И снова открылась дверь.

–Да что же это такое, – не выдержал и крикнул Альфонсо, – не тюрьма, а проходной двор какой то?!! Дайте перед казнью отдохнуть нормально.

–В гробу отдохнете, ваше благородие граф Альфонсо дэ Эстеда, времени у вас будет предостаточно для этого.

Это было сказано голосом дэ Эсгена.

–Тебе если так понравилось здесь находиться, можешь остаться на недельку, граф, – раздраженно буркнул в стену Альфонсо, – чего трудиться приезжать сюда наездами?

–Мне поручено объявить Вам, граф о том, что Вы приглашены на пир по случаю торжественного вручения Вам грамоты владения землями и присуждения титула графа. К полудню Вы должны уже быть готовы.

–Я могу не появляться?

–Это приглашение короля, конечно же от него нельзя отказываться.

–А если я не пойду? Что в четвертый раз меня казните?

–Мы потащим Вас силой, граф, и привяжем к столу для пира как собаку, цепью.

Медленно, кряхтя, как древний старец, шурша соломой, поворачивался Альфонсо к начальнику дворцовой стражи, бурча и чертыхаясь, проклиная, не разборчиво, всю королевскую семью до истока их проклятого рода, сел на свое ложе и уперся взглядом в стоящего

с дэ Эсгеном священника. Тот в свою очередь, с нескрываемым любопытством разглядывал Альфонсо.

–А это что за крестоносец? – удивленно спросил Дэ Эстэда.

–Я Скефаим, священник церкви Пятого холма, послан с поручением его высокопреосвященства дабы изгнать беса из тела бедной женщины.

Он посмотрел на это тело, которое так за все время и не пошевелилось ни разу, оставаясь безучастным ко всему, что происходит вокруг и обратился к дэ Эсгену:

–Мне говорили, она бесноватая?

–Она притворяется, – ответил дэ Эсген,– вам ли, святой отец не знать, как эти ведьмы коварны.

–Не притворяется, – вклинился в разговор Альфонсо, который до этого был занят вставанием на ноги и в разговоре не участвовал. Теперь же, обретя неустойчивое – его все еще мутило – но все же относительно вертикальное положение, он вставил свои пять песедов в беседу: я уже провел сеанс экзорцизма, теперь она чиста, можете ее отпустить.

–Это не вам решать, граф, – сказал дэ Эсген и покосился на Лилию, – это решит божий суд. Но, черт возьми, она и впрямь какая то тихая…

7

Прошло совсем немного времени, и грязный, вонючий, спавший на соломе, блевавший над отхожим ведром и разговаривавший с ведьмой узник Альфонсо превратился в помытого, постриженного и побритого графа Альфонсо дэ Эстэда в красном камзоле с золотыми пуговицами и новых штанах из гардероба королевского замка. Черная, наглухо задрапированная черными занавесками карета привезла его на территорию замка, в королевский сад, где собралось много высшей знати, праздно прогуливающейся по роскошным аллеям, тренируя языки бесполезными разговорами. Любой из этих высокопоставленных людей прекрасно знал, как вести себя с монахами и графами, дворянами, попавшими в немилость или наоборот, в фавор, но никто не имел понятия, как вести себя с человеком, совмещающем в себе все эти статусы сразу, по этому пройдя через череду поздравлений, осторожных рукопожатий и лицемерно – дружелюбных улыбок множества герцогов, виконтов, графов и прочих “овов”, Альфонсо оказался в одиночестве, отдаленно от всех прогуливаясь вдоль клумбы гиацинтов. И все равно он был центром внимания – постоянно чувствовал на себе брошенные украдкой взгляды, слышал обрывки фраз, относящиеся к своей персоне: кто то его жалел, кто то злорадствовал, большинство же вообще не понимали как реагировать.

– Граф Альфонсо дэ Эстэда, звучит красиво для проходимца, не правда ли? – услышал Альфонсо позади себя злорадный голос и сразу его узнал, по этому и не перестал пинать комок земли, которым в течении нескольких минут старательно пытался сбить майского жука.

– Добрый день, ваше высокопреосвященство, – буркнул он, не поворачиваясь к первосвященнику, – не зазорно Вам разговаривать с проходимцем на глазах у всех?

– Ничего страшного, вера не имеет сана, а исповедь перед смертью может принять любой служитель церкви. Никто не может упрекнуть меня в том, что я хочу наставить умирающего на путь истинный и вот тебе мое наставление: не пытайся сбежать – королевский двор окружен охраной, на воротах все в повышенной готовности, а на стене все готовы стрелять в любого, кто движется в сторону леса. Да-да, паскуда, я знаю, что ты чертов ходок. И вот еще что… Прежде чем когти черных демонов будут рвать тебя на куски, наматывая твои кишки на свои руки… лапы…или что там у них, сделай милость спрыгни со стены – высоты в пятнадцать метров вполне хватит, чтобы сдохнуть быстро, и не пугать город своими мерзкими воплями.

По телу Альфонсо пробежала дрожь, похолодели кончики пальцев, так быстро, словно кровь моментально кончилась, но не один мускул не дрогнул у него снаружи – огромным усилием воли сдержал он свой страх, а когда повернулся, чтобы достойно ответить, понял, что зря сдерживался – Бурлидо уже пропал, нырнув в это озеро блеска золота, драгоценных камней, лицемерия и достатка, которое в народе именуется высшем обществом. Настроение у Альфонсо испортилось окончательно – за всю историю Эгибетуза (как очень красочно, эмоционально и злорадно объяснил дэ Эсген, когда вез его в карете ко дворцу) ни один дежурный ночью не вернулся со стены, а его приговорили к трем таким самоубийственным ночам. Может, лучше попытаться сбежать и погибнуть на алебардах стражи, чем в когтях неизвестно каких существ?

Дэ Эсген еще много рассказывал про трудности утренних дежурств: про то, как сгребают внутренности несчастных граблями, собирают поломанные кости, конечности и разорванные внутренности (те немногие, что остались) в бочку из под пива, которую опускают вниз на веревке, про то, как смывают кровь с каменной ограды Стены и сходят с ума занимавшиеся этим делом люди.

Альфонсо начал осторожно осматриваться, стараясь определиться, как можно получше сбежать, но стражи оказалось и вправду очень много, и все они смотрели на него, и смотрели, в отличии от придворных, не отводя глаза. Вверху, на одной из башен замка дежурил небольшой

отряд стрелков, который мог бы засыпать стрелами весь королевский двор, если бы это понадобилось. В черной судьбе несчастного Альфонсо не осталось ни проблеска надежды: только затянутое черными тучами небо будущего и ураганный вихрь черных мыслей, готовящих бренную Альфоносовскую оболочку к мучительной смерти.

Неожиданно в беспросветный мрак мучительно агонизирующей жизни ворвался луч солнца и ослепил Альфонсо так, что сбилось дыхание и застучало о ребра сердце, но теперь уже не страхом, а раболепным восхищением.

Она шла, нет, она плыла через сад появившись внезапно и ошеломляюще, словно русалка из моря и потащила Альфонсо на дно самого глубокого чувства, которое он не в силах был осознать сразу.

Сначала была видна лишь полная, шарообразная фигура, со свисающими по бокам складками, которые колыхались при каждом шаге толстых ног, и их было заметно даже через грязное, мешкообразное черное платье, с изначально белым, но потерявшим белизну воротником. Ошеломленно, забыв про все на свете, прощупывал Альфонсо взглядом каждый сантиметр ее круглого лица со свисающими щеками и большим количеством подбородков, толстые, колышущиеся при движении руки, держащие ведро с перегноем на круглом плече, манящие груди, болтающиеся на уровне живота. Она шла (почти катилась) к нему, и у него внезапно ослабели ноги, его начало трясти, голова наполнилась страшным жаром и стала тяжелой.

– Богиня, – прошептал Альфонсо, не слыша, что что то говорит.

Богиня громко охнула, снимая ведро с плеча и рассыпая перегной в клумбу; Альфонсо неотрывно смотрел на ее сарделькообразные, красные пальцы с желтыми, обломанными ногтями, как ласково и нежно разравнивают они удобрение по земле; он мечтал быть той соломинкой, которая прилипла к ее руке, мечтал быть ведром, чтобы иметь счастье хотя бы прикоснуться к ней…

– Богиня, – вырвал у него из уст этот вздох ветер и понес по саду, унося вверх. – Что за чудесное создание возникло передо мной?

Альфонсо обнаружил себя идущим к этой женщине, и остановился в метре от нее, не решаясь подойти ближе. Мучительный страх быть отверженным, услышать в свой адрес презрительный смех, отказ разрывал ему голову на части, терзая адской болью, но бездействие было хуже всего, и вот он уже слышал свой робкий, тихий голос.

– Простите мне мою назойливость, о прелестная богиня. – пролепетал он, сам не веря, что это говорит он – голос казался чужим и дико раздражал.

«Богиня» сидела на корточках; услышав эти слова, она подняла на Альфонсо удивленный взгляд, причем один глаз смотрел на него прямо, не мигая, а второй в сторону.

– Чаво?

Сладкая музыка, блаженный нектар полился в уши Альфонсо и сделал его еще слабее, практически, на грани потери устойчивости.

– Как тебя зовут, прелестница из свиты ангелов Агафенона?

– Иссилаида, ваше гдрафское высочество…

Иссилаида неловко поднялась, корявенько сделала поклон, кое как согнувшись в талии (где бы она ни находилась), и снова уставилась на Альфонсо.

– Иссилаида… – Альфонсо произнес это слово медленно, словно пробуя его на вкус, смакуя каждый звук. И тут его понесло, словно телегу с горки:

– Божественное, прекраснейшее имя, о красивейшая из всех существ, небесное создание, прелестный цветок, взлелеянный теплыми лучами солнца…

– Граф…

– Позволишь ли ты с благоговением лобызать землю возле твоих ног, позволишь ли ты сотни раз умереть за один волос на твоей голове…

– Граф Альфонсо…

– Только прикосновение, о нет, я прошу слишком многого – прикоснуться к совершенству, и все же что мне отдать за этот сладостный миг?…

– Граф Альфонсо дэ Эстэда…

Кто то тронул Альфонсо за руку, резко сорвав с облаков и швырнув на землю. С огромным удивлением слушал он то, что городил, не понимая откуда берутся эти слова в его голове, но еще больше изумил бедную служанку, которая вцепилась в свое, пустое уже ведро и выпучила глаза.

Альфонсо повернулся на звук – злой, готовый разорвать дерзкого нарушителя его беседы, но осекся, едва не выронив изо рта грубые слова, когда увидел перед собой лицо принцессы, искаженное злобой настолько, насколько вообще Алена могла злиться.

– Прочь, девка – сказала она мечте Альфонсо, и Иссилаида быстро убежала, семеня толстыми, короткими ножками. Слишком грубые слова принцессы, сказанные совершенству покоробили его, он уже готовил ей словестный укор – королевская кровь, не королевская, ему было все равно, но она спросила первой:

– О чем это вы здесь беседовали с моей служанкой, граф?

–Какое твое дело? – подумал он, и спасло его то, что он сначала подумал, ведь эти слова, подуманные сгоряча, уже почти сорвались с его губ. Но интонация голоса принцессы насторожила его – в ней сквозила злость, обида и что то связанное с душевной болью, и сочетать в себе все эти чувства могло только одно чувство – ревность. Это было непостижимо, глупо и не вовремя, и Альфонсо не мог в это поверить, но все же принцесса – женщина, хотела она того, или нет.

– Ваше Величество, – поклонился Альфонсо, ваша служанка не правильно сыпет перегной, и я указал ей на это.

– А вы у нас мастер в этом вопросе? – сердито бросила Алена в лицо ему словами, – я искала Вас по всему саду, чтобы лично выразить Вам свое восхищение вашем мужеством и храбростью, перед…перед…И как вижу, помешала Вам приятно проводить время в женской компании.

– Помешала, не то слово, – угрюмо подумал Альфонсо. Ожидание неминуемой, как говорили ему все кому не лень говорить, смерти, может развязать как руки, так и язык –а что терять, все равно умрешь, но в глубине души Альфонсо не верил в смерть, не мог с ней смириться, и даже уже оторванная от остального тела голова его, катящаяся по земле в кусты, не поверила бы, что умерла, пока не умерла бы. По этому он сдержался. А еще потому, что Лилия научила его странной вещи – видеть сквозь сотни слоев одежды, украшений, статуса и лживых слов человека, с его человеческими потребностями, чувствами, страхами и болью, такого же голого, под одеждой, как и все остальные люди.

Через высокое положение королевской особы, привыкшей к обожанию и раболепству окружающих, через дорогое платье, увешанное сверкающими нитками бриллиантов, золотыми узорами, драгоценными камнями, он вдруг увидел слабую, маленькую и хрупкую женщину, наивную и глупую, со своей дурацкой ревностью, которая появилась так не вовремя, и которую она так безуспешно пыталась скрыть. Альфонсо почувствовал жалость, и эта жалость разозлила его: его скоро на лоскуты порвут, а эта испортила последние радостные минуты его жизни из за своей эгоистичной симпатии.

– Прошу нижайшего прощения, – язвительно ответил он и отвесил низкий поклон,– не знал, что мне запрещено разговаривать с теми людьми, которых Вы даже не считаете за людей.

Бедная принцесса в богатом платье вздрогнула, словно ее кольнули чем то острым, пальцы ее задрожали, возможно, что задрожала она и вся целиком, но за пышными слоями дорого сатина этого видно не было.

– Ой, простите, конечно, Вы вольны разговаривать с кем хотите…просто, скоро пригласят к столу, а Вы первый гость, и там…

–О, какая честь! – воскликнул Альфонсо, – пир в честь того, что завтра с утра меня будут соскребать граблями со стены. Его величество король несказанно щедр, позволяя мне умереть в страшных муках, но в таком высоком звании. Надеюсь, что могильные черви будут есть меня с особым почтением, ведь я, как никак, граф.

Это было грубо и не благородно, но с другой стороны, на кого еще вываливать свои обиды, как не на беспомощную (хоть за ней и стоит вся армия страны) и слабую (хоть и наделенную недюжинной властью) молодую женщину? В прочем, жизнь поставила Альфонсо в такую позу, стоя в которой он в любом случае не выглядел благородно.

Принцесса распахнула свои огромные глаза, заморгала – часто – часто, своими длиннющими ресницами и побледнела как снег.

– Простите, граф мне так жаль, я пыталась спорить с папенькой, кричала, но меня только выпороли розгами, как ребенка… Три раза… Он ничего слушать не хочет, хотя он добрый, я знаю, просто у нашей страны такие трудные времена, ему так тяжело… – быстро- быстро залепетала Алена, словно боясь, что ее не дослушают, но совершенно не заботясь о громкости и слушаемости своей речи.

– И он решил сделать так, чтобы тяжело стало всем остальным, – хотел сказать Альфонсо, но слова застряли у него в горле: не было смысла говорить это принцессе, единственному человеку, который отблагодарил его за свое спасение, но не мог ничего сделать, ни смотря на свою королевскую кровь. Власть не бывает абсолютной, всегда есть кто то выше тебя. Особенно, если человек верующий.

– Вы самое доброе и светлое существо, которое я видел, – вместо этого сказал Альфонсо, неожиданно даже для самого себя. Алена была какой то поникшей, опустила голову, даже бриллиантовая диадема грустно съехала на бок с красивой, сложно сконструированной прически и была такой жалкой, что Альфонсо даже забыл, от чего она его отвлекла. При том, что все сказанное им было чистой правдой.

– Правда? – Алена подняла взгляд на Альфонсо – оказалось, она успела даже заплакать, улыбнулась и просияла, быстро, по детски, переходя от грусти к радости.

– Ага, Ваше величество…

– Граф, я Вам тут приготовила подарок…– принцесса долго шебуршила в складках платья, иногда доходя до такого момента, что Альфонсо приходилось отворачиваться (то есть, обнажала щиколотки) и наконец, извлекла из недр одежды кинжал в кожаных ножнах.

– Я не знаю, не уверена, хороший ли это кинжал… Но он красивый…

Рукоятка кинжала, что торчала из ножен, была сделана из драгоценного, розового самшита, украшенного золотой инкрустаций в виде распятого на кресте Кералебу – сына Агафенона; из головы у него торчало лезвие, в ногах сверкал огромный рубин, а там, где руки были прибиты гвоздями к перекладине креста, которые служили еще и упором для руки, зеленели чистейшим светом изумруды и бриллианты, которые Альфонсо с удовольствием бы выковырял, поскольку они слишком сильно блестели на солнце и были видны за километр.

С каким то странным благоговением вытащил он это произведение искусства из ножен, с детским восторгом смотрел на самого себя, отражающимся в полированном до блеска лезвии – рожа получилась кривой, но и само лезвие по конструкции не должно было быть ровным. Альфонсо нежно обхватил полуголого Кералебу за талию, почувствовал, как точно сделана рукоять по руке, как идеально выверен баланс между лезвием и рукояткой, позволяя наносить удары не напрягая излишне кисть руки.

– Ой, как красиво он сверкает! – восхищенно воскликнула Алена, – было очень трудно объяснить папеньке, почему мне нужен именно такой нож для обработки ногтей. Он очень острый, я три пальца порезала, пока доказала ему, что он для этого очень удобен…

И принцесса продемонстрировала свои маленькие, розовые пальчики, на которых был едва заметен тоненький шрам.

– Королевские пальцы можно и ветром порезать, – подумал Альфонсо, – если их в окно высунуть.

И он попробовал остроту лезвия на своем ногте – толстом, желтом, корявом и грязном, но по мужски прочном ногте, который кинжал даже не заметил, легко срезав его вместе с куском пальца.

– Ой, у Вас кровь! – Алена всплеснула руками. – Почему Вы не попробовали его на ветке дерева?

– Пустяки, – восторженно прошептал Альфонсо, – это, видимо, самая маленькая травма, которую я получу сегодня. – Ваше величество, это самый прекрасный кинжал, который я когда либо видел. Моя благодарность безмерна…и…нет слов…

– Ой, пустяки какие, – Алена покраснела до корней волос и опустив голову, принялась усиленно и внимательно рассматривать свои туфельки из белой кожи с бриллиантовыми пряжками. – Я боялась, Вам не понравится. У кузнеца был еще с большим изумрудом, но там ручка в форме женщины…

Быстро осмотревшись, нет ли кого поблизости, принцесса прошептала, еле слышно даже ей самой: – Она там не совсем одетая…Такой срам… А Вы монах…

– Алена! Вот ты где!

Принцесса быстро повернулась на звук, испуганно прошептала:

– Если маменька меня с вами увидит, мне конец…

– Мне тоже, – подумал Альфонсо.

Но королева уже увидела – она недовольно скривила лицо, скрестила руки на груди, сердито проговорила Алене, пока Альфонсо кланялся ей:

– Вот вы где, Ваше величество. Я Вас по всему саду ищу. Идем, пора рассаживаться по местам.

– Иду, маменька, – пролепетала Алена, обернулась на Альфонсо так, словно хотела еще что то сказать, и пошла к замку. – Удачи Вам, граф…

– Тебя тоже приглашаю – Эгетелина обожгла Альфонсо холодным, подозрительным взглядом, который скользнул и по глупой, восторженной мине и по дорогому кинжалу.

– Почту за честь, Ваше величество, ответил Альфонсо и почему то улыбнулся. Странное поведение для смертника.

-Да, королевский повар знает свое дело, ужин был на славу, – Альфонсо довольно улыбнулся, погладил живот и отрыгнул воздух – улеглось, наконец то. Стопка пустых тарелок, гора костей и набитый под завязку живот улучшили настроение, внедрив в него толику оптимизма. Слабость аппетита никогда не была чертой Альфонсо, и ожидание казни на нем никак не сказалось.

После пира с вялыми, формальными поздравлениями, вручением грамоты и почти издевательского пожелания «долгих лет жизни, и процветания», которые не смутившись, все находящиеся за столом прокричали дружно и весело, Альфонсо заковали в тяжелые, ржавые от множества рук цепи, посадили в черную карету – извечный страх на колесах, как для настоящих преступников, так и для невинных – то есть, для всех людей города – и повезли на Стену.

– Признаться, самообладания Тебе не занимать – обычно кроме крепчайшей водки приговоренным к Стене ничего больше в горло не лезет. -заметил дэ Эсген, разглядывая приговоренного с любопытством, которое и не собирался скрывать.

– Вы, королевские прихвостни, не цените простых вещей – Вам все мало денег, мало власти, простые блюда – слишком простые для Вас, и в итоге – все имеете, а все равно не хватает. Какое же это иногда удовольствие, хорошо покушать. Я бы еще хорошо поспал, вот это было бы вообще сказочно…

–Поспишь, в деревянном ящике.

И тут, внезапно, в голову Альфонсо ударило мальчишеское хвастовство:

– Смотри, что мне подарила принцесса.

И он вытащил из за пояса кинжал, который был прекрасен даже в наглухо задрапированной карете, прекрасен настолько, что Альфонсо залюбовался им снова, и начал крутить в руках, забыв про начальника дворцовой стражи. Когда же он очнулся и увидел дэ Эсгена, то сразу забыл про кинжал – лицо графа посерело, как то осунулось, поникло, веселый взгляд потускнел, став каким то грустно-разочарованным.

– Этот кинжал подарила…Алена? – подавился он словами, едва справившись с чем то похожим на конвульсивное волнение, – Сама, лично?

– Ага. Смотри, какой острый, – Альфонсо махнул рукой и от занавески на правом окне отвалилась половина, открыв взорам тонущую в закатном мареве улицу города, испуганные лица людей, которые старались отвернуться и заглянуть в карету одновременно, рынки с торговцами, прохожих… Как хотелось напоследок увидеть лицо Иссилаиды, каким бы чудом было бы, если бы она мелькнула среди люда своим прекрасным, пухлым красным ликом…На секунду Альфонсо подумал было даже перерезать глотку дэ Эсгену, угнать карету, добраться до замка, чтобы увидеть ее и…о боже, страшно даже представить… взять ее за руку. Наверное, после этого Альфонсо умер бы от страха, но умер у ее ног.

Вышел Альфонсо из кареты звеня кандалами – та самая восьмая башня, на которой он будет отбывать наказание, уже чернела на фоне потухшего неба, впечатляюще грозная и угнетающая, раздавливающая надежду на спасение. На площади перед входом в башню уже собрались все сопричастные к действу: четверо осужденных в разноцветных латах, двое из которых рыдали, умоляли пощадить их и разорвать лошадьми, а два других стояли столбами, отрешенно и бессмысленно глядя в одну точку – прямо перед собой. Гудя монотонным, жирным шмелем, махал кадилом перед ними поп в черной рясе, плескал святой водой из деревянного ведерка, вешал на шею медные кресты, для чего двоих пришлось держать восьмерым стражникам.

– А им за что такое счастье? – спросил Альфонсо.

– Зеленый – маленьких деток сильничал, красный – троих топором зарезал, белый и синий – разбойник и шпион иностранного государства. Ваши доспехи позолоченные – в соответствии с положением.

– Я буду без доспехов.

В упавшей на площадь тишине повисло без движения кадило в руках у застывшего попа, открылся рот у одного из отрешенных, обнаружив во взгляде что то похожее на осмысленность, даже перестали стенать насильник и убийца.

Дэ Эсген сдержал удивление, однако заметил:

– В доспехах у тебя хоть какой то шанс будет от когтей спастись, и потом – если на тебе не будет доспехов – что же мы будем класть в гроб, ведь потом собрать, кое как, можно только доспехи – не целиком, но в достаточном для отпевания количестве.

– Это Ваши проблемы, что Вы будете хоронить, – раздраженно отрезал Альфонсо, – и крест Ваш золотой мне не нужен, дайте деревянный…

Священник в нерешительности остановил руку в воздухе: позолоченное лицо распятого на кресте Кералебу страдальчески смотрело в лицо Альфонсо, тоже не понимая, что происходит. Бог любит золото, зачем ему деревяшка?

Но Альфонсо руководствовался крайне практическими соображениями – все уходили на стену в доспехах, никто не вернулся, следовательно, они ни отчего не защищают, а вот движения стесняют сильно, еще и нарушают благословенную тишину ночи противным лязгом, а благословенную черноту ночи – видным издалека блеском. А от золотого креста вообще толку никакого, кроме болтающейся на шее блестящей тяжелой железки.

–Как знаете, граф, – пожал плечами дэ Эсген, – добро пожаловать на Стену…

8

…И молвил тогда Алеццо: – Доколе люд честной эти Птицы адовы будут тиранить? Есть ли управа на злодеев?

И взял он тогда, меч свой громовой, поднялся на Стену, и был бой великий, с Черными Птицами не на жизнь, а на смерть. Три ночи бился с Черными Птицами Алеццо, покуда не убил он всех, проклятых Черных птиц.

Славили люди православные подвиг Алеццо, да только говорил им на это он:

– Славьте Агафенона Великого, ибо я всего лишь орудие Его, да поклоняйтесь Ему.

И стали правоверные воздавать молитвы Агафенону Великому, а Сарамону злобному – сулить хулу и погибель…

Сказ о жизни великого Алеццо дэ Эгента,
святого – основателя Ордена света
Часть 3 стих 3

Вид со Стены на лес был божественен – зеленый (в сумерках, конечно, черный, но можно было представить, что зеленый) сплошной ковер деревьев стелился до самого горизонта, скрывая в своих недрах мощь и силу дикой природы – ядовито-зубасто-опасной, но прекрасной и завораживающей, как защищающая своего младенца разъяренная женщина с ножом. Черные, с красными вершинами, пики деревьев пронзали бездонное небо, казалось, цеплялись за облака, качались в такт ветру важно и с благородством титанов этого мира. Лес был безмолвен и внешне спокоен, но Альфонсо знал – там, среди деревьев – смерть забирает слабых и медленных и отдает их во славу жизни сильных и быстрых. В отличии от города, – подумал Альфонсо, – который забирает не пойми по какому принципу и отдает во славу жизни всех подряд.

Завороженный, смотрел он на лес – никогда раньше не видел он его с высоты, и мысленно прикидывал расстояние до земли – лететь и лететь, целым не приземлишься. Обернулся назад – массивная, толстая, поцарапанная сотнями вопящих дежурных, но неприступная дверь с щеколдой толщиной с руку с обратной стороны, тоже не способствовала побегу. Дэ Эсген протянул Альфонсо его отремонтированный арбалет и колчан стрел на новехоньком ремешке.

– Удачи, честной брат.

– До встречи в этом или ином мире, граф дэ Эсген.

Дверь захлопнулась с таким звуком, с каким захлопывается крышка гроба заживо похороненного человека.

Альфонсо снова посмотрел на лес со стены и сморщился от досады – из – за деревьев вылез огромный, черный волк, понюхал воздух и посмотрел точно в сторону Альфонсо. Тот показал ему кулак, пытаясь хоть как то выместить злость на проклятого зверя, который караулил его у полянки с цветами.

Волк сел на задницу, вытянул морду к небу и протяжно, громко, а главное очень тоскливо, завыл.

– Мы все умрем, – прошептал насильник, потом ринулся к двери, закрывающей выход со стены, стал колотиться в нее, орать, вопить, проситься наружу.

– Да заткнись, ты!! – рявкнул другой, подошел к первому, попытался его успокоить.

– Пошел к черту!! – взвизгнул тот и оттолкнул второго, – мы все просто корм, тупое ты создание, просто жрачка для демонских птиц!!!

И тут же получил по шлему кулаком в стальной перчатке. В прохладном воздухе, сотканном из заходящего солнца и кристально чистой тишины раздался металлический гонг.

Завязалась драка.

– Хватит, прекратите!!! – третий попытался их разнять, тоже получил удар, который откинул его в сторону, поднялся, и принялся лупить дубиной по дерущимся, насилуя уши Альфонсо не гуманным грохотом железа.

– А вот зачем нужны доспехи, – подумал Альфонсо. Он зажег факел от костра – единственного источника света в сгустившейся ночи, сел спиной к Стене башни и левым боком к каменной ограде, решив таким образом исключить вероятность нападения сзади, если конечно, они и вправду не демоны, тогда уже ничего не спасет.

Каторжники, перестав драться, принялись ломать дверь. Делалось это фанатично, похвально упорно и жутко громко, хотя и совершенно безрезультатно. Вообще, странная потребность людей везде и всегда, в самый опасный момент издавать много шума удивляла Альфонсо, и с этой точки зрения у него пользовался симпатией каторжник шпион – тот лежал без чувств прямо около костра – тихий и недвижимый, ко всему безучастный, и, возможно, самый мудрый из всех.

Что испытывает человек перед обещанной страшной и мучительной смертью? Если бы Альфонсо спросили в тот момент, когда прижавшись к Стене, закрыв тело коленками, сидел он вглядываясь в ночь и стараясь определить, с какой стороны будет нападение, что он чувствует – он бы ответил – страх. А вот если бы его спросили, чего конкретно он боится, он бы раздраженно послал спрашивающего подальше, поскольку не любил ковыряться в своих чувствах, а чего он боялся конкретно, не знал. Страх неизвестности натянул его нервы до предела, но странное чувство противоречия заставляло его не бегать по стене с диким криком, как трое остальных страдальцев, а сидеть тихо, наблюдая и пытаясь понять, как сладить с этими существами.

Внезапно Альфонсо вспомнил Иссилаиду, ее прекрасное, круглое лицо с приятно колышущимися щеками, и защемило сердце – неужели он никогда больше не увидит ее? Неужели толстый слой земли над его могилой скроет от него миг фантастического блаженства, когда он прикоснется к ее шершавой коже, почувствует тепло ее красных, толстых рук, прижмет с себе… Нет, о таком страшно даже мечтать. Неожиданно для себя Альфонсо заметил, что его трясет, трясет от мучительного волнения, каким то нудным пережевыванием кромсая мозг и осмотрелся – все трое притихли, странно озираясь, словно увидели мир впервые и боятся всего незнакомого. Страх рос, и было не понятно, отчего он так внезапно возник, набегая волнами, и только потом Альфонсо услышал гул, настолько тихий, что сначала он засомневался в его существовании.

И тут же ударила волна ужаса, стремясь разорвать мозг изнутри. От этой волны закружилась голова, мир перед глазами поплыл, начал проваливаться вниз, вместе со Стеной, орущими в дикой панике дежурными, которые срывали с себя шлемы, метались по стене, побросав оружие. Убийца прыгнул вниз, с пятнадцатиметровой высоты, но стука падения не было – три огромных тени подхватили его, подняли в воздух, с диким лязгом и треском лопающихся мышц и кожи разорвали на куски. С неба водопадом пролился кровавый дождь, едва не залив костер, и покореженные железки разорванных доспехов, упавшие вниз.

Жутко хотелось вопить, хотелось бежать не известно куда, сжать в руках пульсирующую голову, раздавить ее, наконец, казалось, что крик принесет облегчение, но что то в голове сковало тело Альфонсо, заставило онеметь.. Пришла отличная идея избавить себя от дикого ужаса, перерезав вены на руках кинжалом, но едва Альфонсо отнял руки от ушей, как дикие вопли чуть не раздробил ему мозг так, что перехватило дыхание.

Черные птицы прилетали неизвестно откуда и улетали неизвестно куда до той поры, пока одна из них не схватила каннибала за голову и не утащила; оглушающий вопль, переходящий в булькающий крик оборвался где то вверху хрустом, а безголовое тело полетело вниз, но до стены не долетело – его поймали три птицы и разорвали на три неровных части с мерзким треском.

Разбойник, задыхаясь от крика, бросился на Альфонсо, вцепился корявыми пальцами в ворот новенького камзола, принялся нечленораздельно вопить в лицо, наверное, прося о помощи. В эгоистичной агонии, он оторвал руки Альфонсо от ушей, гул залез Альфонсо в голову с новой силой и стал не выносим – казалось, мозг подпрыгивает в черепе, стукаясь о него сразу всей своей поверхностью. Обезумев от ужаса, бил Альфонсо кинжалом по кричащему лицу: по вытаращенным глазам, один из которых вытек сразу после первого удара и повис на рукаве его камзола, по брызгающему кровью рту, сделав его больше, чем он был сначала, потом просто по лицу, рисуя на нем кровавые узоры. Сзади у разбойника мелькали черные птицы, вырывая куски мяса со спины; создавая изрядный ветер крыльями, потащили они разбойника вверх, а так как тот вцепился мертвой хваткой в Альфонсо, то вскоре и он почувствовал себя в воздухе. Очень быстро головы у разбойника не стало, а еще через миг, мерзким лязгом рвущихся доспехов, хрустом разрываемой плоти и ломающихся тканей, его разорвали пополам, и облепленный кишками, с двумя чужими руками в руках, полетел Альфонсо вниз, проломил деревянный настил и упал в кучу хрустящих, острых предметов. На миг он потерял сознание, но очнулся тут же – черная тень кинулась на него, выставив вперед огромные когти, но обо что то стукнулась, кувыркнулась в воздухе и кое как умудрившись выровняться в полете, все же промахнулась – когти одной лапы скользнули по боку Альфонсо, а вторая лапа подвернулась и сломалась, когда птица рухнула на нее всем своим весом. Накрыли огромные крылья Альфонсо словно одеялом; ощерилась мерзкая клыкастая голова, едва не вцепившись ему в нос, но он среагировал моментально – всадил кинжал птице туда, где подозревал у нее наличие головы. Всю свою силу вложил он в этот удар, но не ожидал такого результата – кинжал прошел сквозь твердую кость легко, словно через помидор так, что даже голова Кералебу оказалась в черепе. Наверное, он там бы весь оказался, если бы не гарда. Альфонсо выдернул кинжал из птицы – вышел он так же легко, как и зашел, приготовился в новой атаке, но птица была мертва, а в том темном мешке башни Стены, где он оказался, было оглушающе тихо, и смотрела на него большая, яркая луна через дыру в поломанных досках крыши…

Очнулся Альфонсо уже в сумерках зари, долго смотрел на светлеющее небо через дыру пробитой крыши башни, в которой оказался; не хотелось ни шевелиться, ни думать, но, к сожалению, нужно было делать и то и другое. Черная птица накрыла его собой, словно одеялом, и теперь с нее текло что то склизкое и холодное прямо на шею. В рождающемся утреннем свете ее черная морда постепенно становилась различимой, отчего не становилась красивее, наоборот становилась все более мерзкой. У нее были длинные клыки, которые не помещались в пасти, по этому торчали на улице, над этими клыками топорщился большой, складчатый нос, усевшийся на морду гигантской крысы и большие уши, закрыть которые не смогла бы ладонь крупного мужчины.

Задыхаясь от резкого, режущего глаза смрада, скинул с себя Альфонсо тушу птицы, которая на поверку оказалась гигантской летучей мышью с костистыми, длинными лапами и кожистыми крыльями, осмотрелся вокруг. Оказалось, падение Альфонсового тела приняла на себя куча костей, вперемешку с рваными кусками доспехов, обломками оружия и несколькими частями человеческого тела, не успевшими еще сгнить. Остальные мыши, которым посчастливилось не пытаться закусить Альфонсо, висели вверх ногами, зацепившись огромными когтями за балки крыши, закрывшись крыльями, словно в коконе и, видимо, спали. Осталось их девять штук, и какое то время Альфонсо хотел перерезать их всех, пока они спят, но передумал – знание секрета черных птиц может пригодиться потом. Самый страшный людской кошмар, жестокую и кровавую расправу над людьми, каждоночные вопли и крики, мольбы о пытках и любой другой, самой страшной казни, можно было бы прекратить, просто убив всех птиц пока они спят. И Альфонсо мог это сделать, став навеки героем. Но, как показала практика, быть героем в этой стране опасно, да и потом… Сколько всего пережил он до того, как убить

хотя бы одну летучую мышь, и вот так просто подарить людям избавление от страха? Хотите бояться – бойтесь, не хотите – деритесь со своими страхами сами, а не ждите героя.

От убитой птицы Альфонсо оторвал коготь, долго выламывая его из лапы, положил в карман куртки, ощущая его впоследствии при каждом движении: то он, развернувшись к телу, колол в бок, то, развернувшись от тела, дырявил карман, отчего кончик когтя торчал наружу. Он осмотрел кинжал, насколько позволяло освещение – на лезвии чудесного оружия не осталось даже царапины, а вот рубин из ручки вылетел, оставив в ней дырку. Ювелир его делал отвратительный, а вот кузнец был мастером своего дела.

Необходимость выбираться из этого склепа породила необходимость думать, как это осуществить, а вот думать не хотелось совершенно, поскольку голова отменно выдавала нудное гудение, но не сколько не продуктивные мысли. Летучие мыши попадали в башню через дыру в гнилой крыше, не понятно каким образом залетая сюда со своими огромными крыльями, умудряясь переворачиваться в этой тесноте кверху лапами, и не известно как вылетали потом отсюда. Крыша была на высоте человеческого роста, по этому Альфонсо подпрыгнул вверх, схватился за стропилу, намереваясь ее оседлать и с ее помощью выбраться наружу, но соскользнув, упал на пол. С оглушающим грохотом ноги его прошли через пол, проломив гнилые доски, и в водопаде костей, оружия, щепок и пыли, летел он вниз, навстречу подземному мраку, пока твердая поверхность не остановила его падения – он приземлился на ноги, упал на задницу, покатился по ступенькам (оказалось, это была лестница) и кое как остановился на краю пропасти, которая, судя по звуку падающих обломков, доходила до дна башни. Это была каменная лесенка без перил и права на неверный шаг.

Некоторое время Альфонсо смотрел вниз, в черную бездну, и отчаянно блевал, сводя на нет усилия повара замка угодить его высочеству графу. Его тошнило от ночных воплей разрываемых дежурных, от кровавых брызг и оторванных конечностей, от запаха тухлятины, которой он уже почти не чувствовал, от падений и несправедливости жизни. Кое как поднявшись на ноги, он посмотрел на верх – дыра свободы в крыше, манящая новорожденным солнечным светом, была недосягаемо далеко: каменная лесенка доходила до выхода из башни на стену, но выход был заложен кирпичом, а на верх вела простая приставная деревянная лестница, которая перестала быть целым объектом, образовав собой гору дров. От взгляда вниз Альфонсо снова стало мутить, но тут он случайно наткнулся на вставленный в подставку на стене факел – древний, как сам замок, с застывшей как камень смолой, и заботливо положенным кремнем и кресалом. Загорелся факел не сразу, но все же под усердным стуком и громкими ругательствами сдался, полыхая неуверенно, нещадно чадя черным дымом и воняя, но все же давая свет и надежду не пропасть в этом темном подземелье.

Лезть туда ужасно не хотелось, но назад дороги не было, и гулкая тишина обняла странника, чьим единственным другом было пятно колышущегося пламени в упругой тверди мрака. Горела висящая занавесками паутина, бегали по ногам ошалевшие крысы, а если осветить стену, то можно было увидеть и множество тараканов, но Альфонсо посмотрев на них один раз, больше к стене не подходил, и руками к ней не прикасался. Много, наверное, еще живности скрывала тьма, ведь везде здесь что то скрипело, шуршало, постоянно кто то падал на голову, поспешно убегал за шиворот, бегал по спине. Сначала Альфонсо давил насекомых рукой, стукая ладонью по хребту, а потом перестал обращать на них внимание – не кусаются и ладно.

Спустя какое то время лестница кончилась в квадратном помещении у подножия башни – предполагалось, что Альфонсо находится уже на уровне земли, и здесь даже был выход на улицу, но его тоже заложили кирпичом, чем вызвали у него праведный гнев. Где то там, за метром прочного кирпича, люди дышали свежим воздухом, жмурились на солнце, гуляли по траве, не подозревая, каким счастьем они обладают. Как дикий зверь бродил он вдоль стен этого каменного мешка, в отчаянии пытаясь найти выход, пока не провалился одной ногой в

деревянный люк, который не выдержал напора времени и веса тела Альфонсо. Свет факела говорил только об одном – единственный путь отсюда находился еще ниже пола, в подземелье замка, там, откуда несло сыростью, отбросами и могильным холодом. Скрипнув зубами, он спрыгнул вниз, осмотрелся, насколько это было возможно сделать, и пошел вперед по гулкому, темному коридору, периодически пиная толстых, ленивых крыс, которые даже не пытались убегать от удивления, путаясь под ногами. В конце коридора Альфонсо обнаружил мощную, дубовую дверь, которая сорвалась с ржавых петель, едва он к ней прикоснулся, и грохнулась на пол. От жуткого грохота подпрыгнул пол коридора, чуть не погас факел, стало темно от пыли, а самого Альфонсо чуть не придавило – он едва успел отпрыгнуть назад. Впредь он был осторожнее, но следующие двери открывались нормально, хоть и с треском и лязгом, обнаруживая комнаты: обеденные – с сидящими на лавках скелетами за столом, уставленным кружками и бутылками, оружейные со старинным и ржавым оружием, погреба с вином, сыроварни без сыра, дровяные, с трухой вместо дров. Подземелье скрывало в себе почти город, со своей брошенной когда то жизнью, вмурованными иногда прямо в стену скелетами, ржавыми цепями под потолком, и этот город заложили кирпичом, оставив его жителей умирать в нем от голода. Бесконечные коридоры имели множество дверей, скрывающих различные виды смерти представленные в разных позах. Заблудиться в этом подземелье было легко, и Альфонсо не преминул этого сделать: вскоре он перестал понимать, куда идет и стал просто идти куда глаза глядят, совершенно потеряв даже приблизительно направление и представление о том, куда идти. Факел почти погас, но было множество других, висящих на стене на подставке, это позволяло бродить по коридорам бесконечно, но через какое то время у Альфонсо началась паника. Чернота, каменные стены, могильная тишина и останки тех, кто здесь раньше пил, ел, стирал одежду, умирал, причем внезапно, порой даже за столом – все это начало давить на Альфонсо. Всеми силами старался он сдерживаться, но порой ему казалось, что сам он мертв, что скелеты его приветствуют, что сам он жил здесь всегда, нет никакого солнца, звуков голосов, есть только тьма, и от этого становилось еще страшнее.

– Успокойся, – принуждал он себя, сжимая зубы, чтобы они не стучали.– Подумаешь, горстка костей. Мертвые безопаснее живых. Однако старался убраться подальше от этих “безопасных”, холодея от мысли стать одним из них и остаться здесь навсегда.

Очередная дверь просто развалилась и помещение удивило Альфонсо – это была баня. Кому придет в голову строить баню под землей? Но другая мысль была ценнее – баня –это жар, жар – это огонь, – огонь – это вентиляция, ведь куда то дым должен уходить. Вряд ли через нее можно вылезти, но глоток свежего воздуха вместо этой почти твердой, затхлой субстанции, которой он дышал, был уже сокровищем.

Запинаясь о черепа, раздраженно отпинывая их в сторону, Альфонсо долго исследовал, маленькую комнатку, так и не раскрыв секрета вентиляции, но зато сначала не поверил ушам – раздались голоса. Человеческие голоса. Жадно вслушивался он в эти волшебные звуки, едва не плача от счастья. Ведь где то там, наверху, всего лишь в паре тысяч тонн каменных глыб от него были живые люди.

– Мы на грани мировой войны, – донеслось сверху. Голос был искажен, но Альфонсо его узнал – первый советник короля. – Один единственный конфликт, и все страны сцепятся, как собаки друг другу в глотку. И тогда нам не выжить – с нашей маленькой страной, побитой голодом, чумой, нищетой, еще и на грани бунта – нас просто раздавят, как котят.

– Я понимаю тебя, – это голос королевы. Какой, однако, он приятный, хоть гулкий и глухой, как из колодца.

– Но наш дурак король уперся в союз с этой Эстерией, как баран в новые ворота, и слушать ничего не хочет. Вот только они предадут нас, как только запахнет войной и лягут на спину перед любой страной побольше.

Эстерия – маленькая– чуть побольше Эгибетуза, страна на севере.

– Степь, – задумчиво проговорил Минитека– союз с ней наше единственное спасение. Принц Расих согласился взять Аленку в жены и стать нашими союзниками. Теперь дело за нашим величеством…

Та поездка в Степь была куда как успешна, – сказала королева, – но нападение черного волка меня испугало – а не знак ли это свыше? Если бы не этот монах, не известно, чем бы все это кончилось… От него осталось что нибудь?

– Ни кусочка. Там, на стене, была просто адская бойня, но ни клочка кожаной куртки, ни пучка волос. Он словно исчез. Проклятая Аэронова гордость – протащили его на веревке, экое оскорбление. Можно было сделать из него посланника господа, спасителя человечества, святого, наконец, заткнуть глотку обнаглевшему Бурлидо, который возомнил себя второй властью. И марионетку, которая поведет серую массу толпы в нужную нам сторону. Теперь все пошло прахом…

Разговор продолжился, но Альфонсо услышал звуки поинтереснее – где то, очень тихо, прошипел поток воды, сверху капнуло, и его осенило – куда должна стекать вода из бани? Вода стекала в желоб, продолбленный в полу через всю парную и теряющийся за стеной; Альфонсо уже хотел кричать от отчаяния, когда обнаружил дверь в соседнее помещение. Где то там, впереди, буйным потоком шумела вода, пахло сыростью, тиной, фекалиями и свободой. Продолбленный желоб впадал в подземную реку – пугающую своим ревом и чернотой, смрадную – видимо, все отходы замка попадали сюда- но дарующую надежду на выход из подземелья, на свет и воздух. Судорожно вздохнув, Альфонсо шагнул вперед в холодную воду. Пшикнул на прощанье факел и погас. Его, как и Альфонсо, быстро понесло вперед, стукая о стены, разворачивая на поворотах, затягивая в какие то тоннели. Но если факел плыл по течению не сопротивляясь, то Альфонсо всеми силами пытался выгрести на поверхность: плавать он не любил, соответственно делать этого не умел и бесполезные его движения руками и ногами позволяли ему вынырнуть лишь на жалкие мгновенья. Потоком его постоянно переворачивало вверх ногами, стукало о стены, несло куда то с бешеной скоростью, заливая уши, глаза и нос, и когда обессиливший, ушибленный и окоченевший Альфонсо уже смирился со смертью, когда сильной рукой потока его потащило на самое дно, он вдруг всплыл, и ударил по глазам солнечный свет, цепкие лапы потока разжались и бурная река- убийца стала покорной и спокойной, к тому же мелкой.

Кашляя противной, горькой водой, одновременно жадно глотая воздух, выполз Альфонсо на берег, не веря, что живой, ослепший от света, оглохший от разнообразных земных звуков, мокрый и счастливый. Почувствовав под собой земную твердь, упал он на спину, долго-долго пытался отдышаться, щурился на белые облака, не имея возможности встать. Перед ним, на другой стороне реки, возвышалась громада Стены, такая красивая и монументальная днем…

Сначала из кустов появился ободранный нос, который повернулся по ветру сморщился, был облизнут языком, затем вышел из кустов и весь остальной пес – грязный, ободранный, награжденный, словно медалями, сотней колючек и сверкающий лысинами лишая, осмотрелся и рыкнул. Белоснежная, грациозная собачка вышла – нет выгорцевала следом, чеканя точеными ногами каждый шаг, сверкая на остатках солнца блестящей шерстью, и скалясь при этом довольным оскалом. Следом покатились щенята – бело серые, с уродливыми, висящими ушами, как у отца, и серо- белые – с признаками породы как у матери. Пес посмотрел на Альфонсо, и видимо счел его безопасным и не вкусным, поскольку отвернулся, и все семейство принялось грызть чью то руку у берега речки.

– Твари счастливые. Поганые шавки и те вместе, – злобно подумал Альфонсо, глядя на довольные собачьи рожи. Красное, щекастое лицо ее всплыло в памяти, и эти глаза…Они узкие, их почти не видно, но то, что видать – прекрасно, хоть и не симметрично.

От счастливой собачьей семьи защемило сердце – плешивый пес живет с собакой королевской породы, невольно Альфонсо провел аналогию между собой и Иссилаидой ведь он, какой то захудалый граф был также не достоин этого божественного существа, и загрустил. Прощай прелестница, прощай ангел прекрасных сновидений, я уйду из этой проклятой страны навечно…

Со всей злостью любовного отчаяния швырнул Альфонсо камень в плешивого пса, поднялся на ноги, побрел в клоаку социальной жизни, на людское дно – в Нижний город. Появляться там, в новой кожаной курке, хоть и драной, грязной и вонючей днем, было сродни самоубийству, по этому пришлось ждать ночи, и в итоге в Нижний город он пришел в темноте – грязный, облепленный репьями, поцарапанный ветками, злой и голодный.

То, на что падал скудный лунный свет сложно было назвать домами – скорее это было похоже на наваленную кучу гнилых досок, коры, мотающейся на ветру, пакли и еще чего то такого, неопределимого в темноте. Тем удивительнее было увидеть в этом малоупорядоченном наборе хлама дверь, которая еще и не развалилась от стука. Ответом было отборное ругательство, какой то грохот и крик пьяного мужика, что то стукнулось об дверь, едва не сломав ее. Альфонсо побрел дальше, хлюпая по щиколотку в дурно пахнущем ручье – главной артерии этой деревни, около которой валялись тела – тощие, оборванные, не всегда живые, и не все трезвые. У одного из них ковырялся человек – оказалось, девочка лет семи, кряхтела и плакала, пытаясь перевернуть труп какого то мужика. Увидев Альфонсо, она замерла на месте, не сводя с него взгляда – блестели в свете луны огромные на осунувшемся детском лице глаза – даже в темноте голодные и испуганные. Она дрожала, от страха, но не уходила – еще и стояла не ровно, шатаясь из стороны в сторону.

– Чего она там ковыряется, – подумал Альфонсо, подошел поближе, перевернул труп – и сначала не понял, зачем это сделал. А потом, оказалось, что в руке у счастливчика, испачканная грязью и еще бог знает чем нехорошим, была зажата кость – наверное, собачья, но наверняка сказать было трудно. Да и не зачем.

– Ты это, что ли хотела забрать?

– Дяденька, оставьте немножко…– слабо прошелестела девочка.

– Чего оставить? Чего тут есть?

Вообще то хлюпанье раздалось задолго до нападения, по этому слабый крик и взмах топором не были неожиданными – Альфонсо обернулся на звук, легко увернулся, треснул нападающего кулаком по затылку, и тот упал, выронив топор, пополз по грязи, рыча в лужу, затих. Обернувшись, Альфонсо увидел, что девочка времени зря не теряла – она пыталась выдернуть кость из задубевших пальцев трупа, однако когда поняла, что времени нет, принялась грызть ее прямо на месте. Альфонсо поморщился, отпихнул невесомое тельце в сторону, отрезал кинжалом пальцы мертвому мужику, отлепил их от трофея, выкинул в сторону.

– Ешь, – протянул он кость ребенку.

– Ты знаешь, что один единственный пир в королевском замке мог бы накормить десять деревень, таких как ваша?– спросил он девочку, глядя, как та грызет грязный, протухший кусок собачьей ноги, вгрызаясь зубами в кость. – А еще они выкидывают утку, если ее всего один раз укусили на помойку, даже если она целая.

Даже если бы девчонка его и слушала, то не поверила бы. Она, скорее всего, утку то целую не видела никогда, не говоря о том, чтобы додуматься выкинуть то, что можно съесть.

Альфонсо пожал плечами, похлюпал дальше туда – где зажравшиеся люди не едят простое мясо, а с особых мест животных особой породы, ведь оно сочнее и вкуснее, – выкидывая остальное свиньям, туда, где нищета и голод не раздражают масляный взор объевшегося в очередной раз графа, а значит их и не существует. Туда, где люди не знают, чего бы такого съесть, что им еще не надоело.

Дальше становилось все лучше и лучше – домики стали походить на маленькие, но все же домики, даже потянуло дымком, и едой, так, что Альфонсо подавился слюной, долго кашлял. Жутко хотелось есть, до той поры, пока посреди ночи вдруг со Стены не раздался вопль – в звенящий тишине ночи он был словно удар молотка по голове – запахло сырой кровью, внутренностями, человеческой болью и страхом – Альфонсо поежился, и, хоть и не ел уже сутки, потерял аппетит, едва сдерживая порыв к рвоте, судорожно стараясь забыть то, что он там видел. Говорили, что если не оставлять людей на Стене, то черные птицы начнут летать по городу, и что для них проломить крышу или выбить дверь не составляет особого труда. Побывав на Стене, Альфонсо этому верил, по этому спрятался под один из домов- он знал, что птицы наедятся дежурных, и что он далеко от Стены, но беспокойство… Оно жило само по себе и захватывало организм тогда, когда ему было надо без разговоров.

Агафенон хоть и был всемогущим богом, но тоже не мог целыми сутками освещать людям жизнь, понимая, что людям надо спать, по этому на ночь покидал небесную твердь, оставляя Валеуту – бога луны и по совместительству – главного бога мира в ночное время, следить за ночным светильником – луной. Иногда Сарамон поднимал ветер, облака и грозу, которые заслоняли ночной фонарь Валеуты и начиналась битва не на свет, а на тьму. Но сегодня такого не случилось – луна была яркой, как никогда, красиво мерцая на спокойной глади рек, золотых куполах богатых церквей и стеклянных сосудах в домах у тех счастливчиков, у которых оные были. Валеута уже собирался гасить луну – сдавать смену Агафенону, но, последним хозяйским взглядом окинув землю увидел кое что интересненькое, а именно служителя Ордена света, притаившегося в кустах графа, который внимательно осматривал двор церкви на наличие собаки или не спящего человека.

Вокруг все было тихо, и голодный, злой и грязный Альфонсо выполз из кустов, пригнувшись, постоянно ожидая лая собаки или окрика, перебрался через ветхий забор, пробежал через двор и стянул с бельевой веревки рясу священника. Впору бы бежать обратно, но неожиданно забурлило в животе, и где то рядом, в сарае, кудахтнула курица и план сформировался моментально, резко переходя в действие, опять опережая разум и чувство самосохранения. Двор просто разорвало диким куриным криком, но Альфонсо было уже все равно – со своей добычей он несся через двор, полоща на воздухе плащ; курица болталась из стороны в сторону – он держал ее за то, за что схватил – то есть за горло. Из церкви выскочил святой отец с дубинкой, проклял наглого воришку всеми карами небесными, возможно потом пошел считать ущерб – Альфонсо этого не видел. Он бежал сломя голову навстречу с жаренной курицей и сытой жизнью.

Жизнь прекрасна…Естественно, жизнь Альфонсо была прекрасна во многом благодаря тому, что жизнь курицы кончилась, он съел ее полусырой, и теперь блаженствовал, лежа на ворованной рясе на берегу реки, наблюдая восход солнца. Смачно отрыгнув, пожевав соломинку, он начал готовиться к новой жизни- содрал с себя дорогую, королевскую богатую шкуру попавшего в опалу графа, с наслаждением искупался в речке, выстирал там же свою куртку, насколько смог, и уже одевшись в личину никому не известного монаха вошел в город. Рваную, потертую и грязную куртку он продал задешево, хоть та и стоила, новая, баснословных денег. Продать кинжал не поднялась рука, хоть он и хотел полностью порвать с этой дурацкой страной, но, как оказалось, это произведение оружейного искусства можно было вырвать у него только с сердцем, и он оставил его у себя – на память.

На лезвии, не смотря на все приключения, не осталось даже царапинки – каленая сталь блестела, как новая, словно и не бывала в прочном черепе летучей мыши, камни, те, что остались, несомненно, настоящие, богато и красиво переливались на солнце. Когда Альфонсо рассматривал свою прелесть, он почти любил принцессу.

Рассматривая непревзойденно красивое оружие у прилавка торговца, Альфонсо словно ушел в другой мир, любуясь все таким же сияющим, хоть и испачканным кровью и грязью Кералебой, недоумевая, как он вообще мог даже подумать продать его. Мир пропал, пропал и кинжал, оставив озадаченного Альфонсо смотреть на свои пустые руки.

Он среагировал мгновенно – кинжал сверкнул в руках воришки, спину которого Альфонсо моментально запомнил на всю жизнь и бросился в погоню, путаясь в полах рясы. Тот обернулся, на всякий случай, обычно монахи толстые и ходят то с трудом, не то, что бросаются в погоню, и тут же прибавил прыти, едва не получив кулаком по голове – Альфонсо был рядом, едва его не настиг, но паренек увернулся. Он бежал быстро – не слишком быстро для лесного жителя, но все же, ловко обходя телеги с продуктами, расталкивая людей, переворачивая коробки и бочки, заставляя Альфонсо их перепрыгивать. Уходя от преследования, воришка запрыгнул на дом, побежал по покатой, соломенной крыше, рискуя провалиться вниз – туда то преследователь точно не полезет. Альфонсо и не полез – зарычав от злости, он схватил с телеги торговца яблоко (тот начал было громко кричать, но Альфонсо его не слышал), швырнул его со всей злостью в паренька – в голову не попал, но попал в спину, с такой силой, что тот всплеснул руками и покатился по крыше, вместе с заветным кинжалом. Альфонсо не особо соображая, что делает, пробежал дом насквозь – дверь была заперта, но напора Альфонсова тела не выдержала, выпрыгнул в окно с противоположной стороны дома, ободрав руки и ноги, сорвал на ходу с себя вонючий бычий пузырь и бросился на воришку со всей яростью зверя. Паренек как раз поднялся на ноги после падения с крыши, но только для того, чтобы получить оглушительный удар по голове и отлететь в сторону, врезавшись в лавку с рыбой. Сориентировался он моментально, увидев бегущего на него врага, схватил первое, что попалось под руку, и Альфонсо, не ожидавший подвоха, получил по лицу огромной рыбиной (судя по запаху, это был небольшой сомик), полетела в стороны рыбья слизь, а Альфонсо упал в грязь. Воспользовавшись моментом, воришка схватил валяющийся в грязи кинжал и попытался сбежать, но на него с кулаками накинулся продавец рыбой, заодно прибежал и владелец покалеченного дома, который не разобравшись в ситуации, кинулся на первого попавшегося. Альфонсо вскочил на ноги быстро, но опасность миновала – воришку усердно пинали четверо, вокруг стояли люди, с любопытством смотря на происходящее. Кинжал поднял и удивленно рассматривал один из зрителей – Альфонсо вырвал оружие у него из рук, сунул кулаком ему по зубам, едва тот открыл рот, чтобы выразить недовольство, поспешно спрятал в ножны. Уже уходя подальше от свары, он оглянулся – воришка, свернувшись калачиком, под ударами сапог, неожиданно, пнул ногами торговца, отчего тот упал на землю, быстро откатился в сторону, резко вскочил на ноги. Двое сыновей торговца бросились в погоню – первый от удара кулаком упал навзничь, раскинув руки, словно обнимая небо, второй успел замахнуться, но от удара по лицу развернулся в обратную сторону и упал на бок. Дольше всех продержался владелец дома – потому что никуда не побежал, а удивленно стоял и смотрел, как летит ему в грудину нога, как тускнеет мир, проваливаясь куда то в черную бездну. Воришка пропал, словно растворился.

– Черт, тебя бы в лес… – пробормотал Альфонсо.

– Да, помотало тебя, – сказал Гнилое Пузо, – так что тебе действительно лучше свалить, пока не поздно.

– Как у тебя то? – спросил Альфонсо.

– Я у Волка правая рука – грабежи, разбои, деньги, девки, вино… Кстати, Волк планирует вылазку в лес – его очень сильно интересует контрабанда трав и ягод, и я у него – первый претендент на главу банды.

– Смотри, чтобы тебя стража не поймала.

– Там у Волка все шито крыто – кто то из высших чинов прикрывает его делишки. Периодически казнят пару тройку страдальцев, но это – плохие разбойники, и из банды их сливают стражам.

– Тогда удачи. Смотри, не попадай на Стену – место жуткое.

– Встретимся в лесу. Не поймают тебя у ворот?

– Они думают, я мертв. Даже сегодня месса по умерщвленным на стене будет, меня искать не станут. Так что, пока.

– Счастливо.

Они пожали друг другу руки и Гнилое пузо ушел – растворился в толпе людей. Альфонсо был свободен, но странная тоска грызла его, врезаясь зубами в душу тем сильнее, чем ближе он подходил к воротам. Вон, там, на той стороне дороги, за Стеной – виден лес, простор, там дом. И там тихо, пусто и одиноко.

– Я должен увидеть ее еще раз, хоть одним глазком…

Через час к одному из стражей дворца подошел монах в грязной, порванной, воняющей рыбой рясе, сказал позвать графа дэ Эсгена.

– Пошел прочь, попрошайка, милостыню подают в полдень, с другой стороны дворца, – рявкнул стражник.

– Зови начальника дворцовой стражи, остолоп, большего от тебя не требуется. И расскажи ему, что ты видел вот это.

И в руках у монаха появился кинжал неслыханной красоты и богатства.

– Вор. Не иначе, как у какого дворянина спер, – подумал стражник, увидав оружие, облизнувшись на драгоценные камни.

– Не отпускай его,– сказал он напарнику, а сам побежал за вестовым в свою охранную будку.

Дэ Эсген прискакал спустя некоторое время злой, спрыгнул с коня, бросился на стражников:

– Вы что же, сволочи, из –за каждого оборванца будете беспокоить!! Гоните его в шею копьями.

– Ваша светлость, он ножик показал – не иначе ворованный, не иначе как у господина какого…– забормотал один из стражей, вытянувшись, словно палка.

– Ты, кто таков? Палками давно не колотили? – накинулся дэ Эсген на Альфонсо.

– Мне ваши палки, граф, уже не страшны, – усмехнулся Альфонсо, снимая с головы капюшон, – видал я кое что пострашней сухого дерева…

Сначала начальник дворцовой стражи долго стоял, не веря глазам и не понимая, кого видит перед собой. Потом, кровь с его лица начала медленно пропадать, делая его мертвенно бледным.

– Твою мать! – выругался дэ Эсген, – этого не может быть!! Да как ты?!…

– Вестовой, к королю, срочно, – крикнул он только что вернувшемуся вестовому – молодому пареньку, который старательно пытался отдышаться, – да живее, черт, скажи – граф дэ Эстэда вернулся.

9

Если ради чего и стоило страдать на стене, то именно ради того, чтобы увидеть глаза главного королевского советника, которые тот выпучил на один единственный миг, всматриваясь в Альфонсо повнимательнее, чем всматривался раньше. Альфонсо добился даже большего – он добился того, что в глазах главного королевского советника зашевелилась эмоция – то ли удивление, то ли голод, но так или иначе на непродолжительное время она все таки мелькнула.

Аэрон в припадке ошеломления, ходил по тронному залу из стороны в сторону, уродуя скипетром прекрасный пол из розового дерева:

– Это невозможно! Этого не может быть!

– Как ты выжил, черт тебя разрази?!! – выкрикнул он, и ткнул монаршей палкой чуть ли не в лицо Альфонсо. Очень хотелось соорудить на голове строгое, каменное лицо с таким выражением, мол: «Это был сущий пустяк, пара птичек – что за напасть?», но у Альфонсо так не получилось, он старался сдержать оскал дикой гордости за себя, но не мог не улыбаться. Особенно глядя на едва сдерживаемый ужас в глазах королевы, откровенный страх во взглядах придворных, слушая крики толпы, собравшейся у дворца – весть о выжившем на Стене разлетелась по городу мгновенно.

– Моя вера и господь бог помогли мне, – кротко, словно агнец, проговорил Альфонсо, и ухмыльнулся помимо воли.

– Как ты смеешь, еретик, упоминать Бога?!! – взвился Бурлидо, вскочил с кресла, затряс тощими ручонками так, что казалось, они вот-вот отломятся, – ты проклятый бес, Сарамоново отродье, потому они тебя и не тронули!! Ваше величество, разве вы не видите – это же демон перед нами, он издевается над нашей верой!!…

– Ведь и вправду, где же тебя носило целые сутки, монах ордена света? – произнес первый советник, пока его величество мучительно соображал, что говорить, а главное, что теперь делать.

– Птица унесла меня в небо, и бросила в Нижний город, откуда я и пришел, пообщавшись с местными жителями…

– Ложь, наглая ложь!! – взвизгнул Бурлидо, – ты просто, я не знаю как, спустился со Стены!! Чтобы черная птица отпустила кого нибудь… Никогда такого не было!!

– У меня есть кое что, что понравится его высокопреосвященству…

Расторопные слуги вытащили в тронный зал столик – не кидать же это кое что на пол, поставили перед королем, и звонко цокая по поверхности полированной столешнице из черного мраморного дерева поскакал коготь черный птицы, который Альфонсо уже возненавидел, поскольку замучился его носить и об него колоться.

– Что это? – брезгливо поморщился Аэрон.

– Это коготь черной птицы, которой он больше в этом мире не понадобится. Я убил ее и оторвал ее коготь.

Если бы в тронный зал ударила молния, она вызвала бы меньше звуков, чем появление этой кривой, длинной косточки с зазубренными краями. Долго под высоким сводчатым потолком гуляло разноголосое эхо, а когда затихло, отчетливо послышался тоненький голосок принцессы Алены:

– Ой, мамочки!

Оберегая дочурку от превратностей и реалий жизни, королевская чета, по сути, заперла богатую пленницу в замке, не разрешая ей выходить наружу и соприкасаться с грязной стороной жизни, и, естественно, ее не пустили в тронный зал. По этому она подглядывала через боковую дверь, идя на поводу у своего любопытства, и не сдержав эмоций, выдала себя.

–Ну ка марш в свои покои! – рявкнул на нее Аэрон, – стража, заприте ее в комнате!!

Двое стражников быстро, но явно нехотя кинулась выполнять приказ – все самое интересное только начиналось, а их отправили сопровождать малолетку на кроватку.

– Какая наглая ложь, – заговорил Бурлидо, уже тише, – это коготь обычного орла, только огромного, ведь всем давно известно, что любой человек, едва коснувшись черной птицы, падает замертво, …

Но сам неосознанно отодвинулся подальше от черного, грязного предмета, в зазубринах которого еще остались кусочки боли и страданий жертв этого когтя.

– Откуда это известно Вашему высокопреосвященству? – усмехнулся Альфонсо, – я видел их, как вижу Вас (нет, ближе, конечно), я даже взял одну за горло, и, как видите, не пал замертво.

– Говорят, – сказал Минитэка, воспользовавшись тупиковой тишиной, – коготь черной птицы режет сталь, как масло.

– А эти слова мы можем проверить здесь и сейчас, ваша светлость, – ответил Альфонсо.

Он подошел к столику, взял в руки коготь, повернулся в поисках жертвы. На эту роль отлично подошли пустые латы, собранные на железных прутках и приколоченные к стене гвоздями для украшения. На самом деле Альфонсо не был уверен в положительном результате, но назад дороги не было, пан, или пропал– коготь погрузился в металл. Звук раздался такой, что сначала ему показалось, что пилят его голову, зазвенело в ушах и непроизвольно сморщилось Альфонсово лицо, но результат превзошел все ожидания – коготь не просто разрезал сталь, он еще делал это без значительных усилий, оставляя рваные края и неизгладимое впечатление на зрителей. Даже усиление в виде полоски металла на поясе не стало сопротивляться, позволив грудной части доспехов, ценой равной цене небольшой деревни, дружелюбно раскрыться с громким лязгом.

– Да чтоб меня…– выдал Аэрон в полнейшей тишине, и то не договорил, потеряв мысль, – да как же ты это сделал?

–Тот, кто силен в вере, не видит особых трудностей в борьбе с демонами, – самодовольно ухмыльнулся Альфонсо. – Для меня это не было трудной задачей.

Это была полная победа гордости Альфонсо над богатыми, заносчивыми, увешанными побрякушками жирными дворянами, которые смотрели на него разинув рты, откровенно боялись его и теперь боготворили. Медленно, преисполненный восторга, с чувством сошедшего с небес божества, протер Альфонсо коготь об рукав своей грязной рясы, и положил в карман. Проклятый кончик когтя моментально нашел дырку и вылез наружу, испортив достойный описания в летописи момент, но этого никто не заметил.

Это не было трудной задачей.

Только, вдруг, острой резью скрутило живот – затрещал в ушах ужасающий гул, раздались в голове вопли уже почти разорванных людей, запахло кровью. Липкое месиво на лице, скользкие от выпавших внутренностей камни Стены, лопнувшая в длинных когтях голова – раздавленный предсмертный крик, все это помнила голова, а хотел исторгнуть из себя желудок. Альфонсо не знал о будущих кошмарных снах, не замечал, что теперь его руки сильно дрожат при воспоминаниях о первом дежурстве, не видел свою белую, захваченную сединой макушку головы…

Это было просто. Сложнее было бороться с рвотными позывами и такими воспоминаниями.

– Уведите, – махнул Аэрон страже рукой, не уточнив при этом, кого уводить. Прикоснуться к Альфонсо побоялись, по этому просто шли рядом, пытаясь всеми силами состряпать грозный вид.

На этот раз Альфонсо не заперли в темнице – позволили свободно бродить по территории замка под неусыпным наблюдением дворцовой стражи, ошивающейся неподалеку. Но это

все было мелочью, главное, в саду была она – прекрасная, как заслоняющая жаркое солнце прохладная тучка (причем и по форме была похожа), с походкой, похожей на походку гуся, порхала она от цветка к цветку с лейкой… Богиня создательница, она даровала жизнь самым прекрасным (после нее конечно) созданиям на земле – цветам, поливая их водой. Вот капелька воды попала ей на руку, заискрилась, на солнце, вот ветер поднял вверх прядь ее сальных волос, вот пятнышко грязи на щеке – Альфонсо ловил каждое ее движение, и не мог отвести взгляд. Физически не мог.

– Скажи хоть слово, я умру за тебя, – метался он в пожаре своих мыслей, больше похожих на агонию любви, мечтал подойти к ней и боялся до дрожи – прошлый опыт подхода страшил его.

–Только бы не выползла королевская дочурка, только бы не выползла, – молил Альфонсо всех богов на свете, которых знал и которых не знал, но мгновения сгорали быстро, а счастье не могло длиться вечно. Замок стал готовиться к пиру по случаю победы над демонической птицей: притащили столы, накрыли их прямо в саду, под старыми липами, расставили лавки, выгнали (о, сволочи) Иссилаиду, и мир померк.

Расфуфыренные лживые «леди» со своими толстыми, утрамбованными в дорогущие камзолы мужьями – блестящие, увешанные драгоценностями, с лицемерными улыбками, прячущими страх и ненависть, поздравляли они «героя Стены», пожимая руки, думая, что делают честь «проходимцу».

Соизволила явиться и королевская чета, притащили и Аленку, и сад наполнился тостами, стуком бокалов, звуками разрываемой на куски дичи , разговорами.

– Расскажите, граф, – пропыхтел один из стариков, устав жевать и отложив кроличью ногу в сторону, – как же вы умудрились убить эту птицу?

Все вмиг затихли и повернулись, отчего Альфонсо тут же стал центром внимания. Впору бы гордиться – тебе оказала честь разговорами самая высокая знать в стране, даже сам король и королева внимательно слушали, но, боже, как же он их всех ненавидел, ведь они отняли его Иссилаиду, которую прогнали из сада, дабы, очевидно же, знатные дамы не чувствовали себя страшилами по сравнению с ней.

– Сила духа и истинная вера помогли мне, – хотели они услышать от него, и Альфонсо хотел им это сказать, но эти слова застряли в горле, зато вылетели другие:

– Кинжалом. Продырявил ей голову насквозь.

– Но говорят, Черных птиц нельзя убить человеческим оружием? – спросила графиня, сидящая через двух виконтов от Альфонсо.

– Кто говорит?

– Священники, – графиня замялась, сказала робко, словно стесняясь.

– А кто из них пробовал? – спросил Альфонсо и остервенело принялся за утку, кулинарно униженную яблоками. Мельком он посмотрел на Бурлидо и со злорадным удовольствием отметил про себя, как лицо его почернело от злости из-за сказанных слов.

– Феноменально, – крикнул один из герцогов, – так весь секрет легендарного убийства заключается в том, что надо было ударить птицу в голову кинжалом!

– Как оказывается просто, – улыбнулась королева. – И неужели не было страшно?

Альфонсо бросил ножку утки, угрюмо оглядел присутствующих – белые, холеные лица, которые за всю свою жизнь палец о палец не ударили и почему? Благородная кровь от рождения. В чем заслуга, родиться в нужной семье? Откуда столько гордости в этих кусках человеческого мяса, запакованных в дорогую одежду? Хотите сказку, благородные, пафосные речи, героизм и отвагу? Извольте.

– До жути. Просто птицы разрывают людей в воздухе – рвут на части так, что те лопаются, как пузыри, и тогда сверху льется дождь из крови, кишок и дерьма. На мне повис глаз, затек за

воротник, а вот оторванная рука, прилетевшая сверху, сжимающая распятие, чуть не стукнула меня по голове торчащей костью.

Вкушавшая жареного соловья виконтесса за другим концом стола подавилась и закашлялась, Аленка побелела, готовясь падать в обморок, ее увели вызванный Дюпон и двое стражников, остальные напряженно молчали. Альфонсо же продолжил есть, как ни в чем не бывало, хотя есть уже не хотел.

– Это чудовищно, да упокоит господь души падших, но как же граф, вы схватили демона, если он нечеловечески быстр и сверхловок, как и положено исчадию ада? – елейным голосом, вкрадчиво спросил Бурлидо.

– Никак, – спокойно ответил Альфонсо, – это он меня схватил, поднял в воздух и потом мы вместе упали в реку – когда я ее ударил ножом.

– Вы безусловно, самый храбрый человек, которого я видела, – сказала графиня, пытаясь заполнить гнетущую паузу, возникшую после резких слов Альфонсо и спасти пир от смерти, и этим комплиментом заслужила несколько ревнивых взглядов в свою сторону. Видимо, она была красива по современным меркам, поскольку даже угрюмый Аэрон, сверкнул на нее глазами и стал еще угрюмее. Королева перехватила этот взгляд и сильнее поджав губы, уткнулась в тарелку, ковыряясь в ее содержимом. Ненависть придворных мужчин к Альфонсо, появившаяся после слов красавицы, была настолько сильной, что казалось, была видна в воздухе, хотя, конечно же, это был просто туман.

– Давайте же выпьем за столь храброго и отважнейшего победителя черной птицы, – а вот графиня ничего не замечала, по этому и не останавливалась, усугубляя обстановку своим вниманием к “победителю”. Тот посмотрел на ее шею, потом ниже, вздохнул внутри себя – до прелестницы Иссилаиды – как ослу до лучшего скакуна, и поднял бокал с вином.

– Если Ваше величество не возражает, – сказал Альфонсо медленно, глядя на короля, – я хотел бы сказать тост.

Королева почуяла неладное и замерла, с вилкой в руке, переглянулась с первым советником. Бурлидо выпрямился. Король кивнул, пока еще вообще не чувствуя ни атмосферы пира, ни грядущей на него смертельно-бестактной катастрофы.

– Я хочу, – Альфонсо остановился. Можно было еще передумать, но нет, он продолжил, тщательно пытаясь сдержать ненависть к собравшимся, которая все равно протекала сквозь дружелюбный тон голоса, – выбить за настоящих дворян по крови, за благородных, воспитанных людей, являющих собой цвет человечества. Когда я убил птицу, мы с ней упали в реку – я выплыл, а она утонула, и мне пришлось пройти через Нижний город…

Альфонсо посмотрел на стол: сверкали жиром недоеденные заячьи почки в тарелках графинь, лежала на боку несчастная истерзанная утка с обнаженными ребрами, плавал в листьях капусты осетр, рядом со своим несостоявшимся потомством – красной икрой, благоухал над столом паштет из печени гуся, растопырил обугленные уши зажаренный молочный поросенок на огромном блюде, лежали невостребованными кабачковая икра (тазик), соленья, грибы…

– Я проходил через Нижний город, и видел там девочку – посреди ночи она пыталась перевернуть лежащий в канаве труп, чтобы выдернуть у него из рук обглоданную собачью кость… Выпьем же за то, что мы оказались на нужной стороне, что родились в нужном месте, за то, что традиции позволяют быть богатыми только из за происхождения, отбирать пищу у сотен людей и съедать одному не ударяя при этом палец о палец… Выпьем за то, чтобы серая масса нищих никогда не поднимала головы, всегда боялась нас, позволяя пировать на фоне криков разорванных бедолаг со Стены, которых мы скармливаем Черным птицам, чтобы они не сожрали нас. Выпьем за то, что не мы погибаем в войнах, а другие, менее нужные этой земле люди, за то, чтобы никогда не становиться той грязью, которая покрывает социальное дно и кормит нас своим рабским трудом, пока мы пируем и устраиваем балы… За то, чтобы,

не дай бог, люди не начали жить в достатке только благодаря своему таланту и уму, иначе большинство из нас умрет в нищете …

Следовало еще сказать «За короля!», но в этот момент Аэрон с размаху разбил деревянный стакан о столешницу стола, резко поднялся на ноги:

– Довольно! Надеюсь, Черные птицы, пожалевшие тебя прошлой ночью, вырвут тебе твой поганый длинный язык, чтобы мне не пришлось это делать самому раскаленными щипцами. Стража, дайте ему любое оружие, которое пожелает и к черту, на Стену!

10

На Стену Альфонсо вышел первым, неся в руках самый дальнобойный лук, который смогли найти и который он мог осилить натянуть, сразу подошел к ограде, посмотрел на Лес. Увидев черного волка, со всей своей силы он натянул лук, отпустил стрелу на свободу. Волк, услышав стрекот тетивы, посмотрел на Альфонсо, и потом оба они смотрели на дугообразную ниточку летящего смертоносного снаряда, который не был смертоносным, поскольку даже не долетел. не говоря уже о том, что его унесло ветром далеко в сторону. Альфонсо выругался, Волк завыл и неспешно спрятался в Лес.

Позади него стража выталкивала остальных четверых осужденных – ровно столько нужно было людей, чтобы накормить птичек, и тогда они не разлетятся по городу. Точное число нужных людей было выяснено множеством экспериментов. Замыкали колонну слуги, которые тащили небольшой стожок соломы, кучу тряпья, и сами удивлялись такому выбору предметов загадочного и страшного монаха Ордена света.

– Надеетесь хорошенько выспаться, граф, – съязвил дэ Эсген, глядя на тряпки. Альфонсо выстрелил из лука в Кариизия, сматерился, повернулся к начальнику дворцовой стражи:

– Буду проводить ритуал. Хотите поприсутствовать? Или страшно?

– Стану мерзким преступником, обязательно поучаствую. А пока – удачи граф.

Едва закрылась дверь, как четверо приговоренных бросились умолять Альфонсо спасти их, иногда переходя на угрозы, иногда на слезы, иногда на объятия с его ногами.

–Да что б Вас, пшли прочь! – разозлился Альфонсо, сел у ограды стены, задумался.

Тактический расчет его был прост: видимо, птицы реагируют на шум, которого, благодаря их ужасающему, сводящему с ума пению, предостаточно, и слух у них настолько хороший, что они слышат дыхание и биение сердца, по этому находят и спящих. Так рассуждал Альфонсо, полагавший, что солома и тряпки смогут заглушить эти звуки, и тогда птицы отсюда улетят, чтобы сожрать кого нибудь другого.

– Жить хотите? – спросил он остальных ближе к полуночи.

– Говорите, что делать, Ваше сиятельство, – ответил один из них.

– Стойте молча.

Альфонсо подошел к первому, с размаху треснул по голове осужденного припасенной дубинкой, добавив ему в коллекцию травм сотрясение мозга и отправив за грань сознания.

–Какого черта творишь, паскуда? – заорал самый здоровый преступник и схватился за алебарду- грозное, смертоносное, красивое и совершенно бесполезное в битве с птицами оружие.

– Делаю так, чтобы вы не вопили, как девки, – бросил ему Альфонсо и уложил второго – быстро, качественно и неожиданно для того; тот только рухнул, как столб, не успев даже раскинуть руки.

– Только тронь меня, – крикнул здоровый, – и птицы тебя целого не увидят.

– Меня тоже не трогай, – неуверенно сказал второй, глядя на первого и два лежащих тела рядом.

Из глубины леса снова раздался заунывный, отчаянный волчий вой. Альфонсо скрипнул зубами, махнул рукой и, оттащив два тела в сторону, стал производить странные и непонятные манипуляции: он связал им руки и ноги веревками, заткнул рты тряпками, искренне надеясь что у них не заложены носы, они не задохнутся, и эксперимент не провалится, закидал соломой и тряпьем, потом передумал, разворошил все обратно и положил сначала тряпье, потом накрыл все соломой.

Лица наблюдающих каторжников являли собой прекрасный образец полного недоумения и изумления. В городе поговаривали, что после ночи на стене монах Ордена света сошел с

ума, стал разговаривать с духами, а также видел самого Сарамона, и даже выбил у него зуб, который прячет в тайном месте, поскольку тот обладает чудовищной силой. И проводимые сейчас манипуляции нисколько не опровергали эти слова.

Альфонсо разжег факелы – множество факелов по всему участку Стены, лег в свой любимый угол и моментально уснул – до полуночи делать было нечего, а разговаривать с двумя арестантами не получилось – те упорно придумывали способ, как слезть со стены, не поломав организма, пытались выломать дверь и просто тряслись от страха.

Альфонсо снился сон, в котором он знал, что это сон – не могут деревья быть разноцветными, Сарамон наряжен в скомороха, а ведьмы танцевать и петь народные песни под разливающийся хохот Бурлидо. Альфонсо каким то чудом оказался на Кариизии, и тот скакал вокруг огромного костра, гавкая от восторга на ветер как маленький щенок. Беспокойство проникло в этот бред в тот момент, когда Сарамон дудел Альфонсо дудкой прямо в ухо, а ведьмы затащили в круг и принялись тереться о него, призывая тоже танцевать. У одной из ведьм появилось лицо принцессы, которая оскалилась… и он проснулся.

Трясущимися руками Альфонсо запихал себе в уши кусочки кожи, утрамбовав их поплотнее – из-за лесного слуха он услышал гул раньше остальных – с заткнутыми ушами стало полегче, но не сильно. Ужас проникал сквозь тело и впитывался в кости, отчего их начинало ломить, мышцы сводило судорогой, а голова начала раздуваться, словно пузырь. Альфонсо сунул себе в рот заранее приготовленную веточку, чтобы не стучать зубами, заодно посильнее сжал челюсти, чтобы его не тошнило – хоть королевский обед и настойчиво просился обратно.

Двое стражников орали так, что казалось глотки их разорвутся; один остервенело бился головой о дверь, к чему та привыкла, второй бросился к Альфонсо, с мольбой о помощи, потом принялся на него орать, проклинать и бросился со Стены, захрипел, потеряв голос где то посередине пути вниз.

Теперь Альфонсо чувствовал, как шевелятся волосы у него на голове. Перелетев через факелы, вернулась на стену голова самоубийцы – одна без тела, покатилась, сверкая глазами и шевеля болтающейся нижней челюстью, словно что то говорила.

Того бедолагу, который бился головой о стену подхватила самая большая птица, но, почему то не вырулила, а ударилась головой о козырек крыши башни, выбив пару черепиц, вырвав из спины ноши два куска мяса и уронив добычу. Приговоренный упал, задыхаясь от крови и вопля, вскочил на ноги, собираясь бежать, но умер на первом шаге –накинувшись, птицы рвали на куски уже труп.

Смолк хруст костей, треск рвущихся мышц и кожи, черные твари приземлились, цокая длиннющими когтями по камням, принялись подбирать остатки обеда. Гул становился все громче, страх все невыносимее, и уже даже жажда жизни почти отступила перед этой пыткой – Альфонсо приготовился заорать со всей силы, чтобы быстрее умереть, как вдруг зашевелилась куча соломы, изнутри нее послышался стон и стожок мгновенно облепили черные, шевелящиеся тени. Полетела в разные стороны солома, раздался изподтряпочный вопль, черные птицы (по факту, конечно, черные летучие мыши, но не до терминологии сейчас) разрывали тряпки на куски, полетели из под острых когтей куски ткани, как хлопья снега, попадая в пламя факела, сгорали светлячками в темноте ночи. Не понятно, как так получилось, но одна птица, вдруг, взлетела в небо, мотая лапой из стороны в сторону силуэтом видимая в ярком, лунном свете: пытаясь сбросить с себя прицепившуюся полоску ткани, закружилась она в воздухе, завертелась клубком и заверещала так, что у Альфонсо изо рта палка вылетела. Стая резко взмыла ввысь, взмыла ввысь и куча тряпок, цепляясь за крылья, мотаясь на сморщенных мордах, вихляясь кусками на когтистых лапах – пытаясь все это стряхнуть с себя, птицы выписывали немыслимые пируэты, сталкиваясь друг с другом, падая на Стену, врезались в башни, и голосили тонюсенькими голосами так, что Альфонсо невольно поморщился – жуткий страх сменился новой напастью – жутким смехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.